

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Научный и общественно-политический журнал

Sociology of Power

Т. 37 № 2 (2025)

Vol. 37. No 2 (2025)

ТЕМА ВЫПУСКА:

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

SPECIAL TOPIC:

UNCERTAINTY IN SOCIAL SCIENCES

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Социология ВЛАСТИ

Том 37 № 2 2025

Выходит с 1989 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Редакция:

А. А. Смолькин, канд. социол. наук, РАНХиГС, Москва, Россия (*главный редактор*)
А. И. Зыгмонт, канд. филос. наук, РАНХиГС, Москва, Россия (*зам. главного редактора*)
И. В. Напреенко, НИУ ВШЭ, Москва, Россия (*научный редактор*)
Н. Кловайт, Университет Падерборна, Падерборн, Германия (*редактор англоязычных материалов*)

Редакционная коллегия:

С. Жижек, PhD, Люблянский университет (Любляна, Словения)
В. А. Мау, д-р экон. наук, профессор, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)
Д. В. Михель, д-р филос. наук, профессор, ИНИОН РАН (Москва, Россия)
Дж. Моррис, PhD, Орхусский университет (Орхус, Дания)
М. М. Соколов, канд. социол. наук, Европейский Университет (Санкт-Петербург, Россия)
Э. Сперо, PhD, Массачусетский технологический институт (Кембридж, США)
О. Е. Столярова, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)
А. С. Титков, канд. геогр. наук, Университет Манчестера (Манчестер, Великобритания)
И. В. Утехин, канд. ист. наук, Европейский Университет (Санкт-Петербург, Россия)
А. Ф. Филиппов, д-р социол. наук, профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия)
И. Д. Фрумин, д-р пед. наук, профессор, Университет Констрактер (Бремен, Германия)
П. Хиггс, PhD, Университетский Колледж Лондона (Лондон, Великобритания)
И. Чалаков, PhD, Университет Пловдива (Пловдив, Болгария)

Адрес редакции:

119602, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 3 (корпус 2)

Отпечатано в типографии ИД «Дело»

Адрес издателя и типографии:

119602, Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 3

<https://socofpower.ganepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 46715 от 23.09.2011

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ России (К1).

Индексация: Белый список РЦИ, RSCI, ВАК (К1), Финский белый список (JUFO), DOAJ, ERIN Plus, PhilPapers, Hungarian Scientific Bibliography Database, UlrichWeb Global Serials Directory, Jisc Open policy finder (бывш. Sherpa Romeo), Scilit, OpenAlex, Wikidata, Scholia, Fatcat, Journal Observatory, DNB 1 / DNB 2, CrossRef, ROAD, РИНЦ, eLibrary

© РАНХиГС (дизайн, верстка), 2025

© Авторы, 2025

СОЦИОЛОГИЯ
ВЛАСТИ
Том 37
№ 1 (2025)

Sociology of Power Sotsiologiya vlasti

Vol. 37. No 2, 2025

Founder: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Frequency: quarterly

Founded: 1989

Editorial Office:

Editor-in-Chief: Anton A. Smolkin, Cand. Sci. (Sociol.), RANEPА, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief: Aleksei I. Zygmunt, Cand. Sci. (Philos.), RANEPА, Moscow, Russian Federation

Scientific Editor: Ivan V. Napreenko, HSE University, Moscow, Russian Federation

Editor of the English content: Nils Kloweit, Paderborn University, Paderborn, Germany

Editorial Board:

Paul Higgs, PhD, University College London, London, United Kingdom

Alexander F. Filippov, PhD, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

Issak D. Frumin, PhD, Constructor University, Bremen, Germany

Vladimir A. Mau, PhD, Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

Dmitry V. Mikhel, PhD, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Jeremy Morris, PhD, Aarhus University, Aarhus, Denmark

Mikhail M. Sokolov, PhD, European University, St. Petersburg, Russian Federation

Ellan Spero, PhD, MIT, Cambridge, USA

Olga E. Stolyarova, PhD, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ivan Tchalakov, PhD, University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Alexey S. Titkov, PhD, University of Manchester, Manchester, United Kingdom

Iliа V. Utekhin, PhD, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation

Slavoj Žižek, PhD, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Editorial address:

82 (build. 3), Vernadskogo Ave, Moscow, 119602, Russian Federation

Indexing: Finnish Journal White List (JUFO), DOAJ, ERIH Plus, PhilPapers, Russian Science Citation Index (RSCI), Russian white list, Jisc Open policy finder (former — Sherpa Romeo), Hungarian Scientific Bibliography Database, UlrichWeb Global Serials Directory, Scilit, OpenAlex, Wikidata, Scholia, Fatcat, Journal Observatory, DNB 1/DNB 2, ROAD, Russian Journal Rank RCSI, eLibrary

<https://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Printed at “Delo” printing house

© RANEPА (design, layout), 2025

© Authors, 2025

Содержание

Предисловие редактора-составителя

-
- 8 СТЕПАН В. КОЗЛОВ
 Неопределенность (в) социологии

Статьи. Неопределенность (в) социологии

-
- 12 СТЕПАН В. КОЗЛОВ
 Операторы среднего уровня: социология неопределенности
 как гештальт-теорема
-
- 32 МАРИЯ Д. ВОЛКОВА
 Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные
 инновации в шаманских организациях
-
- 47 НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА
 Как управлять будущим? Операторы среднего уровня
 и эксперименты
-
- 69 САБИНА С. БАЛИШЯН
 Неопределенная множественность и множественность
 неопределенностей: социальная онтология на пересечении
 (пост) структуралистских интуиций

Статьи. Теория и исследования

-
- 85 АНТОН И. БАРАНОВ
 Порядок и изменение в блумерианской социологии:
 возможности и ограничения
-
- 108 ИЛЬЯ А. МЕДВЕДЕВ, АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ
 К прогнозированию вероятности невооруженной
 революционной дестабилизации методами
 машинного обучения
-
- 142 ROMAN MATVIENKO
 Good reasons for poor passing: Video-based study of incomplete
 passes in football

157 Дмитрий М. Рогозин, Александра А. Ченцова
Дискретное настоящее, продолженное прошлое и деятельное
будущее рынка труда в Хакасии

187 Максим П. Мозжухин
Технократическая метафора в российском политическом
дискурсе: проблема концептуализации

Переводы

207 Степан В. Козлов
Кризисы, изменения и трансформации

214 Жизель Сапиро
Структурные кризисы против ситуаций (политических)
кризисов: бурдьевистский подход

Table of Contents

Contributing Editor's Foreword

-
- 8 STEPAN V. KOZLOV
Uncertainty in/of Sociology

Articles. Uncertainty in/of Sociology

-
- 12 STEPAN V. KOZLOV
Middle-Range Operators: The Sociology of Uncertainty
as a Gestalt Theorem
-
- 32 MARIA D. VOLKOVA
Group Styles as Mid-Level Operators: Situational Innovations
in Shamanic Organizations
-
- 47 NATALIYA A. VOLKOVA
How to Manage the Future? Mid-level Operators and Experiments
-
- 69 SABINA S. BALISHYAN
Indeterminate Multiplicity and the Multiplicity of
Indeterminacies: Social Ontology at the Intersection of (Post)
Structuralist Intuitions

Articles. Theory & Investigations

-
- 85 ANTON I. BARANOV
Order and Change in Blumerian Sociology: Opportunities
and Constraints
-
- 108 ILYA A. MEDVEDEV, ANDREY V. KOROTAYEV
Towards Forecasting the Probability of Unarmed Revolutionary
Destabilization Using Machine Learning Methods
-
- 142 ROMAN MATVIENKO
Good Reasons for Poor Passing: A Video-based Study of Incomplete
Passes in Football
-
- 157 DMITRY M. ROGOZIN, ALEXANDRA A. CHENTSOVA
Discrete Present, Continuous past, and Active Future of the Labor
Market in Khakassia

187 MAKSIM P. MOZZHUKHIN
The Technocratic Metaphor in Russian Political Discourse

Translations

207 STEPAN V. KOZLOV
Crises, Changes, and Transformations

214 GISÈLE SAPIRO
Structural Crises vs. Situations of (Political) Crisis: A Bourdieuan
Approach

Предисловие редактора-составителя

Редакторская заметка / Note

Неопределенность (в) социологии

СТЕПАН В. КОЗЛОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва;

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Рос-
сийская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>

Рекомендация для цитирования:

Козлов С. В. (2025) Неопределенность
(в) социологии. *Социология власти*,
37 (2): 8-11.
EDN:

For citation:

Kozlov S. V. (2025) Uncertainty in/of
Sociology. *Sociology of Power*, 37 (2): 8-11.

Поступила в редакцию: 15.05.2025;

принята в печать: 07.06.2025

Received: 15.05.2025; Accepted:

07.06.2025

© Kozlov S. V., 2025

This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

«Неопределенность» — понятие, которое никогда не было строго определенным термином словаря социологии. В язык экономической науки «неопределенность» попала вместе с концептуализациями Карла Менгера (Menger, 1871) и очень влиятельной работой Фрэнка Найта *Risk, Uncertainty and Profit* (Knight, 1921), и первоначально предназначалась для описания либо естественной ограниченности когнитивной способности человека к предсказанию будущего (в случае Австрийской школы), либо принципиальной невозможности квантификации вероятностей определенных типов (в случае Найта). Вскоре она оказалась вытеснена и из лексикона экономистов (Dequech, 2003) понятием «слабой неопределенности» (Beckert, 1996, p. 511) — *найтианского риска*. Различение риска и неопределенности, предложенное Фрэнком Найтом, предполагает, что граница между ними — в возможности присвоения определенным типам *неопределенностей* количественных параметров:

«...измеримая неопределенность, или собственно “риск”, как мы будем использовать этот термин, настолько сильно отличается от неизмеримой, что, по сути, вообще не является неопределенностью» (Knight, 1921, p. 233; курсив мой. — С. К.).

Именно «слабая» неопределенность, которая поддается квантификации, оказалась присвоена социологией в качестве одной из ключевых проблем фундаментальной социальной теории XX века. Теоретические проекты в социологии, обращавшиеся к понятию найтианского риска, предложили истории социальной науки концептуализации риска/опасности как калькуляции катастрофы (Луман, 1994), управления рисками как бюрократической и управленческой практики (Фуко, 2011), описания социальных структур, организованных согласно распределению и стратификации риска (Бек, 2000). В отличие от «слабой», «сильная неопределенность» была редуцирована до риторического инструмента (Бурдье, 2018, с. 354) и «понятия рефлексии, функция которого состоит в том, чтобы прояснить контингенцию обстоятельств, подпадающих под понятие риска» (Луман, 1994, с. 151). Иными словами, в XX веке социальная теория сделала выбор между риском и неопределенностью в пользу риска.

Анализ причин того, почему социологи предпочли включить понятие неопределенности в словарь социальной науки в логике «явленного отсутствия», заслуживает отдельного исследования и может быть связан с описанием структурных факторов (например, необходимостью дисциплинарно дифференцировать социологические группы и институты от экономических на национальных академических рынках), требований экономического контекста дисциплины (в котором возможность непроблематичного анализа ситуаций неполноты информации могла оказаться полезнее работы с радикальной неизвестностью), методического стиля (который, возможно, привел к тому, что эвристики риска было проще совместить с методиками социальной науки, чем эвристики неопределенности) и других причин. Самое амбициозное предположение, которое связано с этим решением, заключается в том, что, выбирая между риском и неопределенностью, социология одновременно (невольно) выбрала одну из версий развития дисциплины; принципиальная возможность квантификации лежит в основе большей части методических допущений дисциплины; иными словами, гипотеза о квантификации, связанная с понятием риска, напрямую влияет на то, как может мыслиться социальное.

Статьи этого раздела не претендуют на то, чтобы реализовать целостное описание альтернативной социальной науки, в которой ключевым понятием стал не риск, а неопределенность (вполне возможно, что такому высказыванию не подойдет форма академического сообщения и оно должно быть написано в жанре *альтернативной истории социологии*). Несмотря на это, данные тексты можно рассматривать как *фрагменты* такой нереализованной программы в социальной науке: каждое из описанных ниже исследований об-

ращается к неопределенности как к продуктивной теоретической (и эмпирической) проблеме.

Раздел открывается небольшой теоретической зарисовкой, концептуализирующей *операторы среднего уровня* в качестве незаслуженно забытого социальной теорией класса объектов, ответственного за ситуативный менеджмент неопределенности в стабильных и нестабильных состояниях социального универсума. Текст Марии Волковой посвящен анализу *групповых стилей* как операторов среднего уровня, делающих возможным интеракционное управление неопределенностью в шаманских организациях Бурятии. Статья Наты Волковой, которая является ответом на два предыдущих текста, описывает операторы среднего уровня на материале градостроительной реформы 90-х годов, детализирует понятие «серединности», и предлагает использовать понятие операторов среднего уровня для описания элементов экспериментального дизайна социологических исследований.

10 Сабина Балишян предлагает описывать неопределенность в качестве центрального компонента социальной онтологии через обращение к интуициям теории дискурса Лакло и Муффа и их объединения с теорией кризисов Бурдьё и Сапиро. В ее статье описывается одна из возможных типологий неопределенности и предлагается анализ социальной неопределенности как радикальной контингентности, инвертирующей приоритеты в разговоре об «определенном» и «неопределенном» состояниях социального мира.

Финальный компонент раздела — перевод статьи Жизель Сапиро «Структурные кризисы против ситуаций (политических) кризисов: бурдьевистский подход», детально реконструирующей и переизобретающей теорию кризисов Пьера Бурдьё, обогащая ее как кейсами из исследований французского литературного поля в период Второй мировой войны, так и ключевой концептуализацией *аксиологических операторов* — символических конструктов, позволяющих агентам вносить ценностный порядок в неопределенные ситуации.

Как уже было указано выше, вопрос о статусе неопределенности в социологической теории и методике может оказаться не просто сложным, но также и опасным для самой дисциплины: он связан с обращением к фундаментальным проблемам социальной науки и режимам описания, которые та использует для производства и воспроизводства знания. Несмотря на это, у социологии есть слегка наивный, прямой и эффективный путь решения таких философских вопросов: для начала для них нужно попробовать найти эмпирический ответ.

Список источников / References

Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. EDN: RAYTKJ — Beck U. (2000) *Risk Society: Towards Another Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russ.)

Бурдье П. (2018) *Номо Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара. EDN: HDSZPD

— Bourdieu P. (2018) *Homo Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (in Russ.)

Луман Н. (1994) Понятие риска. *Thesis*, (5), с. 135-160. — Luhmann N. (1994) The concept of risk. *Thesis*, (5), pp. 135-160. (in Russ.)

Фуко М. (2011) Безопасность, территория, население. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 годах. СПб.: Наука. EDN: QXBZNV

— Foucault M. (2011) Security, Territory, Population. Lecture Series Delivered at the Collège de France in 1977-1978. Saint Petersburg: Nauka. (in Russ.)

Beckert J. (1996) What Is Sociological about Economic Sociology? Uncertainty and the Embeddedness of Economic Action. *Theory and Society*, 25(6), pp. 803-840. <https://doi.org/10.1007/BF00159817>

Dequech D. (2003) Uncertainty and Economic Sociology: A Preliminary Discussion. *The American Journal of Economics and Sociology*, 62(3), pp. 509-532. <https://doi.org/10.1111/1536-7150.00226>

Douglas M., Wildavsky A. (1983) *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press.

Knight F. H. (1921) *Risk, uncertainty and profit*. Boston; New York: Houghton Mifflin Company.

Menger C. (1871) *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*. Wien: Braumüller.

11

Об авторе / About the author

Козлов Степан Викторович — MA in Sociology, аспирант ИОН РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, руководитель Лаборатории исследований социальных изменений Шанинки (ЛИСИ). Научные интересы: социология неопределенности, историческая социология техники, история катастроф.

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Stepan V. Kozlov — MA in Sociology, graduate student at ISS RANEPА, lecturer of the Social Sciences department of MSSS, head of Laboratory of Social Change Research of Shaninka (LSCR). Research interests: sociology of uncertainty, historical sociology of technology, history of catastrophes.

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Статьи. Неопределенность (в) социологии

Научная статья / Original Article

Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема

СТЕПАН В. КОЗЛОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва;

Московская Высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>

12

Рекомендация для цитирования:
Козлов С. В. (2025) Операторы
среднего уровня: социология
неопределенности как гештальт-
теорема. *Социология власти*, 37 (2):
12-31.
EDN:

For citation:
Kozlov S. V. (2025) Middle-Range
Operators: The Sociology of
Uncertainty as a Gestalt Theorem.
Sociology of Power, 37 (2): 12-31

Поступила в редакцию: 10.01.2025;
прошла рецензирование: 11.03.2025;
принята в печать: 20.03.2025
Received: 10.01.2025; Revised:
11.03.2025; Accepted: 20.03.2025

© Kozlov S. V., 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Резюме: Статья предлагает концептуализацию операторов среднего уровня — класса социальных объектов, недостаточно проанализированных современной социальной теорией и играющих центральную роль в социологическом теоретизировании неопределенности. Статья эксплицирует проблематичность мышления о неопределенности в современной рефлексивной социологии, обращая внимание на «проблему двух гистерезисов» как один из изъянов словаря теории кризисов Пьера Бурдьё. Эта проблема делает невозможным связывание микроуровня и макроуровня социальной реальности применительно к проблеме социальных изменений и предполагает необходимость обращения к периферийным концептуальным ресурсам рефлексивной социологии — «изобретениям», или, используя более общий термин — «операторам среднего уровня». На примере понятия «аксиологических операторов» Жизель Сапиро и исследований «пространственных различий» Натана Марома автор текста демонстрирует, как современная рефлексивная социология описывает понятия и явления, структурно выполняющие функцию операторов среднего уровня в отдельных контекстах, при этом не уделяя внимания более

общему описанию этого класса социальных феноменов. Автор статьи обращается к современным дискуссиям о (квази)институциональных предпосылках и эффектах сетей социальных связей и ресурсов на материале дискуссии о гуаньси. В заключительной части описываются ключевые черты операторов среднего уровня и вводится понятие модуляции, которое позволяет обратить внимание на эффекты трансформации и «донастройки» социальных ресурсов, возникающие в ситуациях социальных кризисов и резких трансформаций социальной структуры.

Ключевые слова: неопределенность, изобретение, кризис, социальные связи, институты

Middle-Range Operators: The Sociology of Uncertainty as a Gestalt Theorem

Stepan V. Kozlov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow;

Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>

13

Abstract: This article proposes a conceptualization of middle-range operators — a class of social phenomena insufficiently described in contemporary social theory yet playing a central role in enabling sociological theorization of uncertainty. The analysis critically examines reflexive sociology’s limitations in addressing uncertainty, particularly the “dual hysteresis problem” in Pierre Bourdieu’s crisis theory, which obstructs linkages between micro- and macro-level social realities in contexts of change. This impasse necessitates recourse to reflexive sociology’s peripheral conceptual tools: “inventions” or, more broadly, *middle-range operators*. Through case studies of Gisèle Sapiro’s “axiological operators” and Nathan Marom’s “spatial distinctions”, the text demonstrates how contemporary reflexive sociology identifies concepts and phenomena structurally fulfilling middle-range operator functions in specific contexts, while neglecting broader systemic characterization of this social category. To address this gap, the analysis engages with modern debates on (quasi)institutional preconditions and effects of social network dynamics, drawing particularly on *guanxi* scholarship. The concluding section outlines defining characteristics of middle-range operators and introduces the concept of *modulation* — a theoretical lens revealing previously overlooked processes of resource transformation and recalibration enacted by social actors during structural crises and rapid societal transformations.

Keywords: uncertainty, invention, crisis, social ties, institutions

Одна из центральных амбиций сетевого анализа в социальных науках — «удовлетворительным образом связать взаимодей-

ствия микроуровня со структурами макроуровня» (Грановеттер 2009, с. 31). Несмотря на успехи новой теории институтов и исследователей социальных связей как в постановке этой проблемы, так и в тематизациях направлений ее решения, регионы социальной теории, описывающие трансформации структурных и культурных процессов в социальном мире, не могут предложить удовлетворительной эвристики, которая позволила бы эксплицитно связать практики и структуры. Для исследований неопределенности такая ситуация проблематична; описание взаимодействия между структурными трансформациями и локальными способами реорганизации социального порядка необходимо для решения вопроса о социальных изменениях как в «кибернетических», так и в «энергетических» (Куракин 2023, 2024) концептуализациях социального мира. Теория кризисов, сформулированная Пьером Бурдьё, — хороший пример такого «явленного отсутствия»; описывая структурные трансформации *longue durée* и разрывы повседневного опыта, она не уделяет внимания локальным способам организации социального порядка, которые позволяют агентам устранить неопределенность взаимодействия в кризисных ситуациях.

14

Задача этой статьи — продемонстрировать эпистемическую вариацию, имплицитно заложенную в объяснительные модели работы с социальной неопределенностью в рефлексивной социологии и лучше всего описываемую с помощью понятия гештальта: когда теория делает видимыми практики или социальные структуры, операторы, *каналзирующие* и *модулирующие* их изменения, становятся *фоном* разворачивающихся структурных трансформаций и выпадают из поля зрения социолога. Ключевая гипотеза, вокруг которой строится этот текст, — возможность инверсии фигуры и фона, в ходе которой незаслуженно забытый класс *операторов среднего уровня* может быть возвращен социологии. Несмотря на то что предложенные в статье выводы обращены в первую очередь к рефлексивной социологии, их использование и дальнейшая имплементация имеют смысл и за ее пределами; анализ операторов среднего уровня позволяет ответить на вопрос об инстанции, объединяющей неопределенность повседневности и неопределенность социальной структуры в ситуациях масштабных кризисов и трансформаций социального мира.

Кризисы, средний уровень и два гистерезиса

Теория социальных кризисов — область рефлексивной социологии Пьера Бурдьё, играющая центральную роль в работе теории полей с проблемой социальных трансформаций. В пике ортодоксальному прочтению бурдьёвистики как эмпирической программы исследо-

ваний процессов воспроизводства социальных структур, сложившемуся в силу историко-переводческих коллизий (Gorski 2013), это направление рефлексивной социологии фокусируется на анализе резких сдвигов, разрывов границ между регионами социального пространства и процессах резкой перестройки правил взаимодействия в отдельных точках социального мира. Хотя теория кризисов предполагает использование базовых положений рефлексивной социологии — в первую очередь категории социального пространства — у нее есть самостоятельный словарь. Первый шаг к его кодификации предпринял сам Бурдьё в парадигматическом исследовании событий мая 1968 года, изложенном в пятой главе *Ното Academicus* (Бурдьё 2018), предложив модель развертывания политических кризисов, которую можно кратко описать как *политизацию*, наступающую вследствие *деавтономизации*. Схематически ее можно представить так:

1. Первым шагом развертывания кризиса выступает постепенная деавтономизация до этого относительно изолированных социальных пространств, наступающая либо вследствие локальных интервенций из пространства политического (Там же, с. 340), либо в результате опознания агентами структурного сходства отношений подчинения, структурирующих их собственное поле, с отношениями подчинения, структурирующими другие поля. В случае мая 1968 года такое узнавание — условие возможности альянса молодых преподавателей и выпускников, оказавшихся в схожей ситуации. Молодые преподаватели и недавние выпускники в описании Бурдьё оказываются заложниками эффекта рассогласования инкорпорированных ожиданий с действительным положением дел в поле. Специфическую темпоральность поля, представленную последовательностью иерархически организованных позиций («студент» — «преподаватель» — «профессор» — «декан»), незадолго до студенческих выступлений нарушили структурная трансформации факультетов и изменение механизмов отбора на специальности. Из-за повышения спроса на дипломы о высшем образовании произошла коррекция архитектуры преподавательских позиций; теперь, когда студентов стало больше, французским университетам понадобился *академический пролетариат*, доступ которого к престижным академическим позициям был ограничен с самого начала карьеры. Жертвами структурно схожего рассогласования оказались и недавние выпускники, наводнившие молодые, а потому профессионально *неопределенные* (Там же, с. 321) специальности вроде социологии и психологии. Обладая наборами ожиданий о дискриминативной и пози-

тивной роли диплома о высшем образовании в карьере, после окончания университета они столкнулись с инфляцией символического капитала, предоставляемого документами о высшем образовании (Там же, с. 312), затрудняющей доступ к желаемым позициям. Зеркальное и взаимное узнавание рассогласований обеспечило один из первых альянсов между группами, локализованными в *разных* полях.

2. Подобные альянсы с необходимостью генерализуют как структурные (делая невидимыми, к примеру, внутрифакультетские деления (Там же, с. 315)), так и дискурсивные компоненты конфликтов, которые привели к их возникновению. Ситуация постепенной (и в разной степени контролируемой (Козлов 2024)) генерализации приводит к *обобщению* используемых разными группами категорий. В ситуации кризиса проблематика поля должна быть переформулирована, чтобы сделать «повестки дня» разных полей соотносимыми и взаимно осмысленными; иными словами, каждый следующий шаг деавтономизации, которая одновременно является генерализацией, сопровождается *политизацией речи* агентов. Чтобы сделать альянс рабочих и студентов осмысленным, недостаточно эффекта узнавания: зеркальное сходство должно быть артикулировано в риторике и превращено в набор ясных риторических фигур, которые упростят дальнейшие попытки наведения «мостков» между разными точками социального пространства.

16

Современная рефлексивная социология уделяет серьезное внимание исследованиям кризисов. Фокусом внимания исследователей кризисов становятся как исторические трансформации литературных полей на национальном и международном уровнях (Сапиро 2025, Sapirò 2020, 2023), так и способность кризисов «перешагивать» границы национальных полей, оказывая влияние на сообщества и группы, размещенные в других социальных и физических пространствах (Calabretta 2022), одновременно оставаясь источниками дискурсивных столкновений и противоречий (Caselli 2022). Исследования кризисов также остаются теоретически насыщенным пространством, порождая тезисы о возврате к базовой рациональности в ситуации, когда устойчивые правила отдельных социальных полей перестают действовать (Egmakoff 2013).

Источником кризисов является *эффект гистерезиса* — рассогласование инкорпорированных (и не всегда осознанных (Strand, Lizardo 2017)) ожиданий и действительного положения дел в механизмах воспроизводства социальной структуры, которое описано Бурдьё и другими авторами (Bourdieu 1962; Bourdieu, Sayad 1964; Bourdieu, Passeron 1977). Предположение о возможности гистерезиса утвер-

ждает, что инкорпорированные и приобретенные структуры познания и действия продолжают свое существование даже в ситуации, в которой они утратили прагматическую эффективность; иными словами, так же, как и бюрократическим структурам, им свойственен спинозистский *конатус* (Bourdieu 2000, p. 183; Bourdieu 1996; Bech 2021):

«...даже если диспозиции могут утрачиваться или ослабевать из-за отсутствия использования (связанного, в частности, с изменением социального положения или состояния) или в результате роста осознанности, вызванного усилением намеренной трансформации (как в случае исправления акцентов, манер и т. д.), существует инерция (или *гистерезис*) габитусов, которые имеют спонтанную (основанную на биологии) тенденцию увековечивать структуры, соответствующие условиям их производства. В результате может произойти то, что можно назвать эффектом Дон Кихота, когда диспозиции выходят за рамки поля и „коллективных ожиданий”, конституирующих его норму. Это происходит, в частности, когда поле переживает серьезный кризис и его закономерности (и даже его правила) претерпевают глубокие изменения» (Bourdieu 2000, p. 160).

Эффекты гистерезиса можно обнаружить как на уровне социальных структур (например, в случае системных рассогласований ожиданий групп во время событий мая 1968), так и в динамике сонастройки индивидуального тела с пространством социальных позиций (что продемонстрировано в алжирских исследованиях Бурдьё (Bourdieu 1962; Bourdieu, Sayad 1964), описывающих поломки механизмов воспроизводства локальной социальной структуры в результате наложения европейской категории *ремесла* (*métier*) на несвойственный ей объект). Поэтому с эвристической точки зрения можно говорить о двух гистерезисах: *структурном* (схватываемом с помощью количественного анализа и постепенной реконструкции руководящих оппозиций социального пространства) и *этнографическом* (доступном взгляду рефлексивного этнографа). Вопрос о связи структурной и этнографической оптик не решается Бурдьё до конца: отношения между двумя гистерезисами как продуктами работы социолога не являются эмпирически эквивалентными¹ из-за неизбежной фрагментированности и частичной дисфункциональности, присущей спонтанным восприятиям социального мира агентов, размещенных в «истори-

17

1 Речь идет не только о логическом несоответствии одного контекста использования термина другому, но и о практическом измерении работы исследователя. На практике под словом «гистерезис» могут подразумеваться два типа артефактов исследовательской работы, а взаимный перевод количественных зависимостей и этнографических свидетельств представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

ческом моменте» кризиса. Это же обстоятельство не позволяет предположить, что гистерезис может связывать структуры и практики: несмотря на использование одного и того же термина, аналитически (и, вполне возможно, онтологически) речь идет о двух разных явлениях. Для разрешения этой проблемы Бурдые обращается к институтам, точно описывая их объединяющую роль в трансформации процессов конструирования возможного будущего:

«И если работа (скорби), необходимая для того, чтобы подстроить стремления под эффекты морфологической эволюции, является неизбежно длительной, то потому, что агенты видят лишь очень ограниченную часть социального пространства (к тому же через категории восприятия и оценивания, которые являются продуктами предыдущего состояния системы) и в силу этого склонны интерпретировать свой собственный опыт и опыт агентов, принадлежащих их ближайшему кругу, скорее в рамках индивидуальной, чем категориальной логики: морфологические изменения могут предстать перед ними лишь в форме множества фрагментированных опытов, которые трудно схватить и интерпретировать как целое. Поэтому в анализе этого процесса изменения видения будущего следовало бы принять в расчет роль институций, ответственных за производство ученых представлений о социальном мире (например, официальных и неофициальных статистических институтов) и, соответственно, за манипуляцию представлениями о будущем, на которое можно рассчитывать (например, роль советов профориентации и, в более общем виде, всех агентов, в чьи обязанности входит информировать о будущем дипломов и должностей)» (Бурдые 2018, с. 319-320).

18

Несмотря на то что институты играют одну из последних ролей в описании Бурдые, они обладают центральной объяснительной функцией, которая остается незаслуженно забытой; если индивидуальные восприятия агентов по определению рассогласованы, то для их взаимной координации требуется *оператор среднего уровня*, который сможет осуществить эффективную модуляцию и координацию индивидуальных восприятий. Без этой работы по координации двух гистерезисов невозможен и сам кризис: конструирование общего «развернутого» будущего является необходимым условием эффективной *политизации*, которая предполагает возникновение общих категорий и объяснительных механизмов для групп, происходящих из разных регионов социального пространства. Можно предположить, что Бурдые называет такие операторы *изобретениями*¹

1 Подробнее о категории социальных изобретений у Бурдые (см.: Козлов 2025). Нужно заметить, что на уровне базовых определений категорию «оператора среднего уровня» в этом тексте можно было бы с успехом заменить на «изобретение», не потеряв смысла, но прибавив в выразительной способности

(Козлов 2025), хотя при этом он не погружается в детальное описание их работы и руководствуется риторической логикой «важного, но не существенного»:

«Видимость идеологической диффузии является результатом множества *одновременных* (но при этом независимых, хотя и объективно согласованных) *изобретений*, осуществленных в разных точках социального пространства, но в сходных условиях, агентами, обладающими сходным габитусом и, если можно так выразиться, одинаковым социальным *conatus'ом*, т. е. сочетанием диспозиций и интересов, связанных с определенным классом социальных позиций, которое побуждает агентов стараться воспроизвести в постоянном или увеличенном объеме, даже не имея нужды знать об этом или желать этого, свойства, определяющие их социальную идентичность» (Бурдьё 2018, с. 339).

Такая формулировка (предполагающая, что в роли изобретений могут выступать и сиюминутные соглашения, риторические изобретения, идеологические эвристики, а не только институты, обладающие функциональной архитектурой и бюрократическим конатусом), проясняет, что в данном случае речь идет не только и не столько об «институтах» в том смысле, какой обычно вменяется им в рефлексивной социологии Бурдьё (Wang 2016). Речь идет о социальных операторах (и операциях), обеспечивающих эффективную *модуляцию* социальных ресурсов, которая не сводится к трансмиссии и больше напоминает процедуры перевода; такие операторы среднего уровня, располагающиеся «между» (или, если быть более точным, «среди», *mi-lieu*) структурой и практикой, могли бы стать успешным решением вопроса о двух гистерезисах.

Именно такую конфигурацию описаний, сводящуюся к выведению операторов среднего уровня из поля зрения социологии, можно описать с помощью понятия гештальта: когда теория кризисов делает видимыми структурные трансформации, кризисы воспроизводства и индивидуальные гистерезисы, она одновременно размещает «множество изобретений» на *фоне* разворачивающихся трансформаций социального мира, делая их невидимыми — подобно тому, как организованы отношения между фигурой и фоном

и стиле. Решение обозначить предмет этой статьи с помощью неповоротливой конструкции «оператор среднего уровня» — попытка перезадать вопрос о возможности медиации разных порядков социальной реальности не только в бурдьёвистике, но и за пределами рефлексивной социологии, в качестве эксперимента отказавшись от семантического «шлейфа», который может следовать за понятием изобретения.

в визуальных феноменах, напомиающих вазы Рубина¹ (Rubin 1958; Kennedy 1974). Ключевой эпистемический (и одновременно методический) вопрос: возможно ли восстановление единства картины, которое позволило бы эффективно опознавать как трансформации структуры, так и разрывы повседневных практик, одновременно сохраняя различимыми операторы среднего уровня? Пока, оставив его без ответа, сфокусируюсь на возможности *инверсии* устоявшейся эпистемической модели, которая позволила бы сделать операторы среднего уровня видимыми и подотчетными.

Синхрония, диахрония, институты и социальные связи

20

При достаточном уровне теоретического воображения некоторые исследовательские ходы, которые осуществляет современная рефлексивная социология, можно описать как поиск удовлетворительного ответа на вопрос о *возможности существования* операторов среднего уровня. Ключевые примеры такого поиска — концептуализация *аксиологических операторов* Жизель Сапиро (см. публикацию перевода ее статьи в этом номере), использованная ей в анализе трансформаций французского литературного поля и международных переводов, а также анализ *пространственных различий*, произведенный Натаном Маромом на материале планов и иных исторических документов эпохи проектирования Тель-Авива (Maгом 2014). Опишу эти решения.

Тематизация аксиологических операторов, предлагаемая Жизель Сапиро, предполагает, что в периоды политических кризисов достижение «идеологической диффузии» опосредовано риторическими и идеологическими фигурами, которые выполняют работу переноса и модуляции структурных оппозиций культуры. Например, используя понятие «глобализации» в контексте, который вменяет ему позитивную роль в мире литературы, можно объяснить многое, затратив сравнительно мало усилий. Благодаря подобным аксиологическим операторам агенты *редуцируют сложность* идеологических столкновений, создавая сравнительно примитивные

1 «Ваза Рубина» — классическое изображение обращающихся фигур, созданное Эдгаром Рубином в 1915 году. Это амбивалентное изображение, которое может восприниматься либо как ваза (кубок) на черном фоне, либо как два обращенных друг к другу профиля на белом фоне. Несмотря на то что этот пример хуже знаком социологам в сравнении со знаменитым описанием кролика-утки Людвигом Витгенштейном, он лучше демонстрирует проблематичность рассмотрения отдельных социальных феноменов в качестве «фона» социологической теории.

и одновременно эффективные системы различения «достойного» и «недостойного». Это делает возможным вменить группам агентов статус «врага прогресса» или «друга традиции», что позволяет агентам, ответственным за производство аксиологического оператора, произвести *социодицею* — описание, размечающее и уточняющее желаемую модель социального порядка (Bourdieu, Passeron 1977, p. 210):

«Я называю аксиологическими операторами понятия или выражения вроде „прогресса“, „модернизации“, „свободы“ и „прав человека“ или, наоборот, „традиции“, „корней“, „социального порядка“ и „цивилизации“, которые описывают системы культурных оппозиций и одновременно указывают их значение и позицию в иерархии ценностей через пространственные указатели — в данном случае через их размещение выше или ниже друг друга с моральной коннотацией достойного (*digne*) и недостойного (*indigne*). Эти понятия не функционируют как аксиологические операторы сами по себе; им придается конкретное значение в той идеологической рамке и в той социальной конфигурации, в которой они становятся ключевыми понятиями тех идеологий и связанных с ними нарративов, для которых они служат синекдохой» (Sapigo 2022, p. 317).

21

Можно заметить, что с точки зрения структуры объяснения аксиологические операторы — способ локального решения проблемы двух гистерезисов, предполагающий, что социолог может обратить внимание на редукцию символической комплексности, осуществляемую «институтами», «изобретениями» или отдельными агентами в процессе достижения идеологической целостности одной из сторон кризиса. При этом данное понятие применимо только в анализе идеологий или нарративов и не уточняет роль агентов или инстанций, ответственных за поддержание и разработку аксиологических операторов; «структурный» компонент кризиса не может быть схвачен аналитикой символических редукций, хотя она имеет очевидную исследовательскую ценность (и, по выражению самой Сапиро, обеспечивает действенность самих аксиологических операторов).

Еще один пример применения подобной эвристики в рефлексивной социологии — аналитика *пространственных различий* (*spatial distinctions*), проведенная Натаном Маромом при работе с планами и источниками, документировавшими и направлявшими развитие Тель-Авива. Концептуализация городского пространства, предложенная Маромом, предполагает, что развитие физического пространства города опосредовано устойчивыми социальными различиями, долговременность которых обеспечивается их замыканием в физическом пространстве; социальные различия направляют развитие и формируют структуру кварталов, одновременно

воплощаясь в их физической архитектуре и конфигурациях, таким образом «заземляясь» в физическом мире. Анализ таких круговых зависимостей позволяет Марому описать пространственные различия, имеющие привилегированное место (в буквальном и переносном смысле) в конкретные десятилетия: так, историческое противопоставление Тель-Авива арабскому Яффо и удаленным от берега Средиземного моря еврейским местечкам, реализовавшее себя в 1880–1910-х, сменилось «спонтанным урбанизмом» неконтролируемой застройки юга города в 1920-х. Этот переход сделал явным противопоставление доминирующего полюса социального мира Тель-Авива, физически воплощенного в северных районах, и полюса, который отличало отсутствие или недостаток ценившихся видов капитала, «укоренившегося» на юге:

«Социальные различия (*distinctions*) и разделения (*divisions*) пересекают единое, но поляризованное социальное пространство и, как следствие, порождают сегрегационные образования в городском пространстве через цепь пространственных „переводов“. В частности, различия, принадлежащие индивидам и группам доминантного полюса социального пространства, — для которого характерно обладание экономическим и культурным капиталом, а также политической властью и контролем над пространством, которые те предоставляют, — порождают собственную целенаправленную, привилегированную самосегрегацию, а также исключаящую сегрегацию (*exclusive segregation*) (и стигматизацию) других индивидов и групп, находящихся на противоположном доминирующему полюсе социального пространства, — в процессе, который быстро становится самоподдерживающимся» (Maгом 2014, p. 1348).

22

Такая аналитика городских (и социальных) пространств делает видимыми операторы, информирующие развитие и архитектуру облика городов и не сводящиеся к региону вербализованных символических столкновений благодаря тому, что конкретные пространственные различия оказываются «укоренены» в физическом пространстве и потому долговечны (Ibid., p. 1357-1358). Пространственные различия — это конкретные способы «свертки» и модуляции видов социальных ресурсов, партикулярные в своей историчности и одновременно значимые с точки зрения своих социальных эффектов. Существенное преимущество подходов Сапиро и Марома — их *синхроничность* (одновременно методическая и историческая), которая позволяет исследователю связать уровни структуры и практики, одновременно предложив модель исторического развития режимов символической редукции и способов различения пространства. Хотя такие подходы с успехом соединяют структурное и практическое, «множество изобретений», ускользавшее от Бурдьё, оказывается размещено на фоне и в этих исследо-

ваниях; институциональные контексты и архитектура модуляции социальных ресурсов, предшествующая производству аксиологических операторов, занимает одно из последних мест в анализе Сапиро, а в анализе Марома она оказывается представлена только работой с источниками, описывающими инициативы по строительству «рабочих» кварталов, инициированных одним из первых профсоюзов Израиля — Гистадрут (הסתדרות).

Один из регионов социальной теории, который может предложить рефлексивной социологии функциональные и достаточно абстрактные эвристики для анализа операторов среднего уровня — исследования социальных связей. Вскоре после проведения Марком Грановеттером парадигматических исследований процессов карьерного поиска в Америке (Granovetter 1995) и роли слабых связей в организации коллективов (Грановеттер 2009), один из его основных тезисов, предполагающий преимущество слабых связей в трансфере информации и иных видов социальных ресурсов, подвергся критике. Бьян и Якубович продемонстрировали, что эффективность использования разных видов социальных связей зависит от вариативного социального контекста, в котором они оказываются размещены (Bian 1997; Yakubovich 2005). Кейс *гуаньси* (关系) — китайского оператора организации социальных связей, вокруг которого строится одно из направлений критики аргумента Грановеттера, — лучше всего подходит для демонстрации значимости операторов среднего уровня в процессах модуляции социальных ресурсов.

Гуаньси — многозначный термин, обращающийся к множественному социальному объекту (или множеству социальных объектов). В общем виде, не претендующем на экспликацию возможной культурной полноты этого механизма, гуаньси может быть описано как *персональная связь, предполагающая регулярный неравный обмен услугами и публичное признание оказанной услуги*. Для гуаньси характерны *диадичность* (иначе нельзя было бы говорить о существовании связи), *партикулярность* (предполагающая наличие у каждого гуаньси собственной «истории» и специфики установившихся механизмов обмена услугами) и *сентиментальность* (указывающая на необходимость также и эмоциональных инвестиций в развитие связи) (Bian 2019, p. 20). В разные периоды современной истории Китая гуаньси как оператор среднего уровня «развертывался» в разных институциональных контекстах. Оно использовалось для «подрыва» бюрократических механизмов назначения недавних выпускников на рабочие места во время культурной революции, который позволял родителям выпускников мобилизовать свои персональные связи для обхода процедур распределения (Bonnin 2013). Во время ранних рыночных реформ в Китае конца 1970-х — начала 1980-х годов гуаньси использовалось представителями бизнеса для

получения неформального (и часто нелегального) доступа к товарам и ресурсам (Gold 2017). Исследование Яньцзе Бьян, посвященное гуаньси и особенностям поиска работы в Китае, продемонстрировало, что гуаньси успешно обеспечивало возможность неформального и нелегального обхода бюрократических механизмов назначения места работы до рыночных реформ в Китае. В отличие от карьерного контекста Америки, исследовавшегося Грановеттером и предполагавшего примат информации в качестве основного ресурса, курсирующего по социальным сетям, в китайской командной системе информация была лишь производной доверия, доступ к которому можно было получить только через долговременную связь, которая позволяет и искателю, и дарителю пойти на совместный риск нарушения закона для укрепления гуаньси (Bian 1997).

Одной из ключевых характеристик гуаньси, позволяющей говорить о том, что в данном случае речь идет не о специфическом типе связи, а о самостоятельном социальном операторе, является его *публичность*: несмотря на то что гуаньси часто используется для реализации нелегальных обменов, результаты успешного обмена услугами презентуются социальным кругам, к которым принадлежат и искатель, и даритель. Успешная гуаньси укрепляет «лицо» (面子) искателя и дарителя; благодаря реализованному обмену даритель приумножает свою репутацию благодетеля, а искатель укрепляет собственный образ человека, который может получить доступ к различным видам социальных ресурсов.

24

«Для дарителя признание в социальных сетях его способности оказывать услуги повышает его положение или репутацию в сообществе... [что является] платой, которую дарители ищут в гуаньси... Для искателя получение успешной услуги указывает на его или ее способность получить вертикальный и восходящий доступ к ценным ресурсам в обществе... [поэтому] распространение из уст в уста успешной гуаньси повышает репутацию или социальное положение также и искателя» (Lin 2001, p. 157).

Публичность гуаньси постоянна и не зависит от конкретного институционального контекста, в котором гуаньси оказывается развернуто. Гуаньси можно описывать как неформальный институт (Barbalet 2023), однако есть и другой, более продуктивный способ — предположить, что оно обладает набором устойчивых характеристик, существенно отличных как от локальной и идиосинкразической логики применения социальных связей, так и от «опрокидывания» бюрократических структур на социальную реальность без внимания к возможным противодействиям, которые социальный мир может противопоставить попыткам его формализации и рациональной категоризации.

Операторы среднего уровня адаптивны и (часто) долговременны. Гуаньси способна встраиваться в различные институциональные контексты, сохраняя ядро своих функциональных операций, отдельные пространственные различия эволюционируют от года к году, информируя воплощение структуры социального неравенства в физическом мире, тогда как аксиологические операторы реинтерпретируются и переприсваиваются различными группами в ходе публичных дискурсивных столкновений.

Модуляция и социальные ресурсы

Коротко остановлюсь на ключевых эвристиках, которые предоставляет социологии и исследованиям неопределенности гипотеза о существовании операторов среднего уровня.

Во-первых, эта гипотеза решает проблему двух гистерезисов, схватывая переход от разрывов повседневности к структурным трансформациям: между индивидуальным восприятием и структурой реляционных характеристик социального мира можно обнаружить механизмы, ответственные за «свертку» и модификацию не только индивидуальных восприятий, но и различных видов социальных ресурсов (как в случае гуаньси). Одной из центральных функций операторов среднего уровня является *редукция интеракционной комплексности*, предполагающая возможность взаимной координации различных социальных агентов как на уровне манипуляции социальными ресурсами, так и на уровне дискурса (Латур 2014)¹. Так, операторы среднего уровня выступают механизмами контроля как повседневной (свойственной любым социальным взаимодействиям), так и абнормальной (характерной для периодов кризисов и масштабных социальных трансформаций) неопределенности. Несмотря на центральную роль операторов среднего уровня в координации социальных взаимодействий, они «недоописываются» не только рефлексивной социологией, но и социальной теорией в целом. Как «кибернетические» (в случае рефлексивной социологии), так и «энергетические» модели трансформаций соци-

25

1 Легко заметить, что один из аргументов Бруно Латура о материальном фрейминге взаимодействий людей обращается именно к этой проблеме: Латур уточняет, что редукция комплексности взаимодействия людей достигается за счет ограничений, накладываемых на взаимодействие его материальной архитектурой. Ключевое различие, которое не позволяет сказать, что Латур описывает возможность существования операторов среднего уровня, заключается в том, что его концептуализация не предполагает возможность существования социальных «рамок», которые не были бы одновременно материальными и объективными.

альной реальности (к примеру, теория социетализации Джеффри Александера) обращаются к пространству среднего уровня, в котором становится возможна социальная трансформация, одновременно делая его невидимым¹. Осуществляя редукцию комплексности, операторы среднего уровня не изолируют взаимодействия полностью от явлений структуры или практики: для описания зависимостей между уровнями социальной реальности лучше подошло бы понятие интеракционной петли (Волкова 2021; Hacking 1995) или рекуррентной каузальности².

Во-вторых, редуцируя комплексность социальных взаимодействий, операторы среднего уровня не только *ограничивают*, но также *модулируют*. Метафора модуляции (понятой в терминах теории информации) предполагает не только передачу, но и трансформацию передаваемого сигнала. В свою очередь, это означает, что операторы среднего уровня *обладают собственным содержанием*: они «свертывают» и «оформляют» социальные ресурсы и дискурсивные элементы согласно собственным историческим логикам и процедурам как в случае акта публичного поддержания «лица», являющимся ключевой повторяющейся операцией, необходимой для поддержания гуаньси. Такого рода оперативные зависимости уникальны для каждого отдельного оператора и не всегда сводятся к институциональной медиации: «множество изобретений» мая 1968 не обладает бюрократическим конатусом и связанной с ним

26

1 В случае теории социетализации таким «явленным отсутствием» становится историческая партикулярность каждого отдельного социального представления (*performance*), которая занимала Александера в его предыдущих текстах (Alexander 2018, p. 18).

2 Такая эвристика предполагает, что одним из компонентов содержания каждого оператора среднего уровня является набор *операций отбора*, определяющих возможные пути взаимодействия как между операторами и структурами, так и между операторами и практиками. В этом ключе нельзя не упомянуть исследование Марии Волковой (Волкова 2021), продемонстрировавшее историческую специфичность медиации связей между шаманскими группами в Бурятии и бюрократическими структурами, предполагающую взаимную сонстройку участников (чтобы быть распознанными в качестве религиозной организации, шаманам было необходимо изобрести «шаманскую организацию», а бюрократическим агентам — провести работу по встраиванию нового объекта в одну из категоричных ячеек бюрократического мышления). Другое исследование Марии Волковой (см.: (Волкова 2025) в настоящем номере) фокусируется на изобретении разными шаманскими группами «групповых стилей», позволяющих им координировать взаимодействие друг с другом и священными объектами, отбирая релевантные для шаманских процедур и практик обстоятельства и события. Следуя логике настоящего рассуждения, можно предположить, что в обоих случаях речь идет об операторах среднего уровня.

долговременностью, а гуаньси способно встраиваться в различные институциональные контексты, сохраняя свои функциональные черты. В свою очередь, возможность модуляции также дает ответ на вопрос о том, как возможно индивидуальное или коллективное сопротивление институтам: если индивидуальный опыт модулирован операторами среднего уровня, множество пространств индивидуальных опытов может быть скоординировано для преодоления влияния внешних сил.

Заключение

Операторы среднего уровня связывают взаимодействия микроуровня со структурами макроуровня, решая проблему двух гистезисов теории кризисов Бурдье и предоставляя социальной теории эвристики для анализа модуляции социальных ресурсов. Способность к редукции интеракционной комплексности, модуляции социальных ресурсов и адаптации к различным институциональным контекстам — ключевые характеристики этого класса социальных объектов, который длительное время оказывался за пределами внимания социальной теории.

27

Причина, по которой операторы среднего уровня оказались локализованы в качестве *фона* теоретических моделей социальных трансформаций, может быть как идиосинкразической, так и логической. Если оставить в стороне гипотезу о случайности такого положения дел, можно предположить, что причиной такой ситуации является отказ от теоретизации *неопределенности как неопределенности*, характерной для социологических моделей XX века, которые предпочли анализировать ситуации социальных трансформаций с позиций социальных структур, а не социальных операций¹.

Не жертвуя преимуществами синхронических объяснительных моделей, гипотеза операторов среднего уровня позволяет задать новые вопросы, которые принадлежат как философии, так и этно-

1 Достаточно даже поверхностной реконструкции теории социальных изобретений в рефлексивной социологии (к примеру, проведенной мной в: (Козлов 2025)), чтобы заметить, что несмотря на признание ключевой роли социальных изобретений в протекании социальных трансформаций, теория полей не стремится описывать трансформативные *операции*, предпочитая фокусироваться на фиксации изменений *социальных структур*. Возможно, именно это решение, связанное с определенной ограниченностью словаря Бурдье, не позволяет рефлексивной социологии обратиться к описаниям оперативных зависимостей в духе аллагматики Жильбера Симондона (Simondon 2020), которые могли бы сделать операторы среднего уровня центральной частью социологического описания.

графии: если операторы среднего уровня связывают структуру и практику, то могут ли они быть связаны между собой? Как происходит «кристаллизация» и стабилизация оператора среднего уровня в процессе его генезиса? Как могла бы выглядеть генетическая история оператора среднего уровня?

Благодарности / Acknowledgments

Я благодарю Алину Лихачевскую, Марию Волкову и Сабину Балишян за обсуждение черновых версий этого текста, а также участников курса «Социология риска и неопределенности», прочитанного мной в Шанинке весной 2024 года, на котором были сформированы первые гипотезы и идеи, которые легли в основу этой статьи.

Список источников / References

Бурдьё П. (2018). *Homo Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара. EDN: HDSZPD

28

— Bourdieu P. (2018). *Homo Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. In Russ. EDN: HDSZPD. (in Russ.)

Волкова М. Д. (2021). Шаманы, чиновники и их космологии: местные религиозные организации Бурятии и Иркутской области. *Антропологический форум*, 51, с. 39-71. EDN: AYMZWF. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71>

— Volkova M. (2021). Shamans, Bureaucrats, and Their Cosmologies: Local Religious Organisations in Buryatia and the Irkutsk Region. *Antropologicheskii forum*, 51, pp. 39-71. EDN: AYMZWF. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71>. (in Russ.)

Волкова М. Д. (2025) Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные инновации в шаманских организациях. *Социология власти*, 37 (2), с. 32-46.

— Volkova M. D. (2025) Group Styles as Mid-Level Operators: Situational Innovations in Shamanic Organizations. *Sociology of Power*, 37 (2), pp. 32-46. (in Russ.)

Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей. *Экономическая социология*, 10(4), с. 31-50. EDN: OYNYKJ

— Granovetter M. (2009). The Strength of Weak Ties. *Economic Sociology*, 10(4), pp. 31-50. EDN: OYNYKJ. (in Russ.)

Козлов С. В. (2025). Бурдьё + Симондон = Чернобыль: набросок общей теории (социальных) изобретений. *Логос*, 35(4) (в печати).

— Kozlov S. V. (2025) Bourdieu + Simondon = Chernobyl: Outline of General Theory of (Social) Inventions. *Logos* (Russian Federation), 35(4) (forthcoming). In Russ.

Козлов С. В. (2024). Техники дрессировки фантазии и стратегии эвфемизации советской бюрократии после Чернобыльской аварии: Саркофаги, пьесы, заклю-

чения и отчеты. *Logos*, 34(4), с. 68–80. EDN: JJZEVJ. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-4-68-80>

— Kozlov S. V. (2024) Fantasy Conditioning Techniques and Euphemization Strategies of Soviet Bureaucracy After the Chernobyl Accident: Sarcophagi, Plays, Conclusions and Reports. *Logos*, 34(4), pp. 68–80. EDN: JJZEVJ. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-4-68-80>. (in Russ.)

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С.*, Куракин Д. Ю. (2012). К анализу дотеоретических оснований социологии образования: экспликация базовых метафор. *Вопросы образования*, 4, с. 22–39. EDN: PVJFPT.

— Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. (2013). Analyzing Pre-Theoretical Foundations in Sociology of Education: Explication of Basic Metaphors. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 4, pp. 22–39. EDN: PVJFPT. (in Russ.)

Куракин Д. Ю. (2023). Катектические механизмы культуры. Часть 1. *Социологическое обозрение*, 22(3), с. 9–52. EDN: YTIUBS. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52>

— Kurakin D. (2023). Cathectic Mechanisms of Culture. Part 1. *Russian Sociological Review*, 22(3), pp. 9–52. EDN: YTIUBS. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52>. (in Russ.)

Куракин Д. Ю. (2024). Катектические механизмы культуры. Часть 2. *Социологическое обозрение*, 23(1), с. 9–39. EDN: CXVVPN

— Kurakin D. (2024). Cathectic Mechanisms of Culture. Part 2. *Russian Sociological Review*, 23(1), pp. 9–39. EDN: CXVVPN. (in Russ.)

Латур Б. (2014). Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 13(2), с. 113–162. EDN: JWURYH

— Latour B. (1996). On Interobjectivity. *Russian Sociological Review*, 13(2), pp. 113–162. EDN: JWURYH. (in Russ.)

Филиппов А. Ф. (2004). К теории социальных событий. *Logos*, 5, с. 3–28. EDN: XESKUT

— Filippov A. F. (2004). The theory of Social Events. *Logos*, 5, pp. 3–28. EDN: XESKUT. (in Russ.)

Alexander J. C. (2018). The societalization of social problems: Church pedophilia, phone hacking, and the financial crisis. *American Sociological Review*, 83(6), pp. 1049–1078. <https://doi.org/10.1177/0003122418803376>

Barbalet J. (2023). Conceptualising informal institutions: Drawing on the case of guanxi. *The British Journal of Sociology*, 74(1), pp. 70–82. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12984>

Bech J. M. (2021). Spinoza's conatus undoes Bourdieu's habitus. *Conatus — Journal of Philosophy*, 6(2), pp. 131–152. <https://doi.org/10.12681/cjp.25632>

Bian Y. (1997). Bringing strong ties back in: Indirect ties, network bridges, and job searches in China. *American Sociological Review*, 62(3), pp. 366–385. <https://psycnet.apa.org/doi/10.2307/2657311>

Bian Y. (2019). *Guanxi: How China works*. Polity.

Bonnin M. (2013). *The lost generation: The rustication of China's educated youth (1968-1980)*. Chinese University Press.

Bourdieu P. (1962). *The Algerians*. Beacon Press.

Bourdieu P. (1996). *The state nobility: Elite schools in the field of power*. Stanford University Press.

Bourdieu P. (2000). *Pascalian meditations* (R. Nice, Trans.). Stanford University Press.

Bourdieu P., & Passeron J.-C. (1977). *Reproduction in education, society and culture*. Sage Publications.

Bourdieu P., & Sayad A. (1964). *Le déracinement. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie*. Minuit.

Calabretta A. (2022). Transnational fields under change. Investigating the impacts of the Tunisian Revolution on the transnational political field. *Rassegna Italiana di Sociologia*, 2022(2), pp. 467-491. <https://doi.org/10.1423/104936>

Caselli D. (2022). Heteronomy reloaded. Tensions and transformation in the field of welfare expertise in post-2008 crisis. The case of Milan, Italy. *Rassegna Italiana di Sociologia*, 2022(2), pp. 407-433. <https://doi.org/10.1423/104934>

Ermakoff I. (2013). Rational choice may take over. In P.S. Gorski (Ed.), *Bourdieu and historical analysis* (pp. 89-107). Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822395430-005>

30

Gold T. B. (2017). Normalizing private business in China. *Journal of Chinese Political Science*, 22(3), pp. 461-472. <https://doi.org/10.1007/s11366-017-9509-4>

Gorski P.S. (2013). Bourdieu as a theorist of change. In P.S. Gorski (Ed.), *Bourdieu and historical analysis* (pp. 1-15). Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822395430-001>

Granovetter M. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 78(6), pp. 1360-1380. <https://doi.org/10.1086/225469>

Granovetter M. (1995). *Getting a job: A study of contacts and careers*. University of Chicago Press.

Hacking I. (1995). *The social construction of what?* Harvard University Press.

Kennedy J. M. (1974). *A psychology of picture perception: Images and information*. Jossey-Bass Publishers.

Lin N. (2001). Guanxi: A conceptual analysis. In A. Y. So, N. Lin, & D. Poston (Eds.), *The Chinese triangle of mainland China, Taiwan, and Hong Kong* (pp. 153-166). Greenwood Press.

Marom N. (2014). Relating a city's history and geography with Bourdieu: One hundred years of spatial distinction in Tel Aviv. *International Journal of Urban and Regional Research*, 38(4), pp. 1344-1362. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12027>

Rubin E. (1958). Figure and ground. In D. C. Beardslee, & M. Wertheimer (Eds.), *Readings in perception* (pp. 194-203). D. Van Nostrand.

Sapiro G. (2020). The transnational literary field between (inter)-nationalism and cosmopolitanism. *Journal of World Literature*, 5(4), pp. 481-504. <https://dx.doi.org/10.1163/24056480-00504002>

Sapiro G (2022). Structural crises vs. situations of (political) crisis. *Rassegna italiana di Sociologia*, LXIII (2), pp.299-321. <https://dx.doi.org/10.1423/104930>

Sapiro G. (2023). Against self-interest: The codification of „disinterestedness” as an axiological operator in religion, aesthetics, and law. In S. Geroulanos & G. Sapiro (Eds.), *The Routledge handbook of the history and sociology of ideas* (pp. 256–274). Routledge.

Simondon G. (2020). Allagmatics. In G. Simondon, *Individuation in light of notions of form and information* (pp. 661–671). University of Minnesota Press.

Strand M., & Lizardo O. (2017). The hysteresis effect: Theorizing mismatch in action. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 47(2), pp. 164–194. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12117>

Wang Y. (2016). Homology and isomorphism: Bourdieu in conversation with new institutionalism. *The British Journal of Sociology*, 67(2), pp. 348–370. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12197>

Yakubovich V. (2005). Weak ties, information, and influence: How workers find jobs in a local Russian labor market. *American Sociological Review*, 70(3), pp. 408–421. <https://doi.org/10.1177/000312240507000303>

* Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

Об авторе / About the author

31

Козлов Степан Викторович — MA in Sociology, аспирант ИОН РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, руководитель Лаборатории исследований социальных изменений Шанинки (ЛИСИ). Научные интересы: социология неопределенности, историческая социология техники, история катастроф.

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Stepan V. Kozlov — MA in Sociology, graduate student at ISS RANEPА, lecturer of the Social Sciences department of MSESES, head of Laboratory of Social Change Research of Shaninka (LSCR). Research interests: sociology of uncertainty, historical sociology of technology, history of catastrophes.

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные инновации в шаманских организациях

МАРИЯ Д. ВОЛКОВА

Университет Эксетера, Эксетер, Великобритания

<https://orcid.org/0000-0001-9537-3309>

Рекомендация для цитирования:
Волкова М. Д. (2025) Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные инновации в шаманских организациях. *Социология власти*, 37 (2): 32-46.
EDN:

For citation:
Volkova M. D. (2025) Group Styles as Mid-Level Operators: Situational Innovations in Shamanic Organizations. *Sociology of Power*, 37 (2): 32-46.

Поступила в редакцию: 12.02.2025;
прошла рецензирование: 21.04.2025;
принята в печать: 30.04.2025
Received: 12.02.2025; Revised:
21.04.2025; Accepted: 30.04.2025

© Volkova M. D., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Этот комментарий к статье Степана Козлова рассматривает групповые стили как один из типов операторов среднего уровня — механизмов, обеспечивающих медиацию между различными социальными порядками. Исходная концепция группового стиля, предложенная Ниной Элиасоф и Полом Лихтерманом, описывает его как фильтр, через который группы адаптируют публичную культуру в своих взаимодействиях. Однако я показываю, что предложенная ими операционализация группового стиля — через групповые границы, связи и правила разговора — приводит к смешению его с групповой идентичностью и структурой, что ограничивает его аналитический потенциал и создает концептуальные проблемы. Я предлагаю альтернативный подход, в котором групповой стиль анализируется через стратегии работы с неопределенностью и разрывами во взаимодействии. Используя различие между «нарушением ради» (disruption for) и «нарушением из-за» (disruption of), введенное Тавори и Файном, я исследую две шаманские организации с диаметрально противоположными стилями преодоления сбоя в взаимодействиях. В одной организации любое отклонение воспринимается как нарушение порядка, требующее немедленного исправления, в другой — как момент потенциальной трансформации, открывающий возможность для переосмысления коллективных представлений и изменения ритуальной практики. Этот анализ демонстрирует более широкий принцип: операторы среднего уровня не только меди-

руют разные уровни социальной реальности, но и создают условия для ее трансформации, связывая микроуровневые взаимодействия с культурными и институциональными изменениями. Такой подход позволяет объяснить, почему одни группы устойчивы к изменениям, а другие используют неопределенность как ресурс для культурных инноваций.

Ключевые слова: культуриинтеракционизм, культура, взаимодействие, изобретение, групповые стили

Group Styles as Mid-Level Operators: Situational Innovations in Shamanic Organizations

Maria D. Volkova

University of Exeter, Exeter, United Kingdom
<https://orcid.org/0000-0001-9537-3309>

Abstract: This commentary on Stepan Kozlov’s article examines group styles as a type of middle-range operator—mechanisms that mediate between different social orders. The original concept of group style, proposed by Nina Eliasoph and Paul Lichterman, describes it as a filter through which groups adapt public culture in their interactions. However, I argue that their operationalisation of group style—through group boundaries, group ties, and rules of speech—leads to its conflation with group identity and structure, limiting its analytical potential, and creating conceptual problems. I propose an alternative approach, analysing group style through strategies for handling uncertainty and interactional breakdowns. Drawing on Tavory and Fine’s (2020) distinction between disruption for and disruption of, I examine two shamanic organisations with contrasting approaches to managing interactional disruptions. In one case, any interactional misalignment is perceived as a violation of order requiring immediate correction, while in the other, it is seen as a moment of potential transformation, enabling the reinterpretation of collective understandings and modifications of ritual practice. This analysis highlights a broader principle: middle-range operators not only mediate between different levels of social reality but also enable its transformation, linking micro-level interactions to cultural and institutional change. This perspective helps explain why some groups remain resistant to change while others utilise uncertainty as a resource for cultural innovation.

Keywords: cultural interactionism, culture, interaction, invention, group styles

Введение

В статье, опубликованной в этом номере, Степан Козлов представляет концепцию операторов среднего уровня — класса социаль-

ных объектов, соединяющих макроструктуры с микропорядком взаимодействия. Эти операторы обеспечивают взаимосвязь между различными уровнями социальной реальности, демонстрируя, как изменения в структурах приводят к трансформациям в практиках, и наоборот. Хотя сама идея операторов среднего уровня напрямую вытекает из языка Бурдьё, в частности из анализа двух гистерезисов (подробнее см. статью С. Козлова в этом номере), Козлов подчеркивает, что его теоретическая амбиция выходит за рамки бурдьевистской традиции. По его словам, его концепция — это «*попытка перезадать вопрос о возможности медиации разных порядков социальной реальности не только в бурдьевистике, но и за пределами рефлексивной социологии*» (Ibid.).

Концепция групповых стилей была предложена Ниной Элиасоф и Полом Лихтерманом (Eliasoph & Lichterman, 2003) для изучения того, как коллективы фильтруют и адаптируют публичную культуру в своих взаимодействиях. Изначальная амбиция этой теории заключалась в том, чтобы описать механизм медиации между макроуровнем — публично разделяемыми коллективными представлениями — и микроуровнем, то есть непосредственным взаимодействием. В этом подходе групповой стиль рассматривается как связующий механизм, определяющий, какие элементы публичной культуры становятся релевантными для группы и каким образом они интегрируются в ее идиокультуру. Однако предложенный Элиасоф и Лихтерманом способ описания группового стиля создает проблему: фиксируя его через групповые границы, групповые связи и правила разговора (Ibid.), они неизбежно смещают фокус с анализа взаимодействий на описание групповой идентичности и организационной структуры группы.

Я предлагаю расширить их понимание группового стиля, рассматривая его как принятый в группе метод работы с интеракционными сбоями и неопределенностью. В частности, я опираюсь на различие между «*нарушением ради*» (*disruption for*) и «*нарушением из-за*» (*disruption of*), предложенное Иддо Тавори и Гари Файном (Tavoru & Fine, 2020). Это различие позволяет объяснить, почему одни группы воспринимают разрывы во взаимодействиях как угрозу порядку и стремятся немедленно их устранить, тогда как другие используют их как возможность для ситуативных инноваций. Чтобы проиллюстрировать свой тезис, я анализирую две шаманских организации с различными групповыми стилями. В одной организации порядок взаимодействий строго регламентирован, а любые отклонения от ритуального сценария воспринимаются как нарушение, требующее исправления. В другой же группе отклонения, напротив, становятся частью процесса взаимодействия и используются для генерации новых интерпретаций и представлений.

Пример с групповыми стилями иллюстрирует один сквозной сюжет, который объединяет разнородный набор социальных феноменов, который Степан Козлов назвал операторами среднего уровня: если мы хотим понять, где и как происходит медиация между различными порядками социальной реальности, то наши поиски должны начинаться с анализа моментов кризиса, полочки и неопределенности.

Микро/макроинтерфейс в культуринтеракционизме

Пол Лихтерман ввел понятие *культурного интеракционизма* в 2007 году как исследовательскую программу, изучающую, каким образом культура — в понимании культурсоциологии (Alexander, 1990), то есть как набор публично разделяемых всем обществом коллективных представлений (далее я буду называть ее публичной культурой) — используется в повседневных ситуациях взаимодействия (Lichterman, 2007). Таким образом, в центре этой программы стоит вопрос о том, как именно устроено взаимодействие между макрофеноменами социальной реальности — публичной культурой и символическими кодами, используемыми определенными подсистемами общества, такими как гражданское общество или религия — и микрофеноменами, включая повседневные взаимодействия между членами одной организации, политической партии или социального движения.

35

Модель взаимодействия между публичной культурой и культурными смыслами в повседневных взаимодействиях была предложена Элиасоф и Лихтерманом через пять лет в их программной статье «*Культура во взаимодействии*» (Eliasoph and Lichterman, 2003). Центральное место в этой модели занял концепт *группового стиля*, описывающий правила и устойчивые паттерны взаимодействия внутри малой группы, которые в числе прочего определяют и то, как именно внутри группы принято использовать те или иные символические коды. В основе концепции группового стиля лежит гофманианская интуиция *фрейма взаимодействия* или *сцены* (Лихтерман отмечает, что рассматривает фрейм и сцену как синонимы, но предпочитает использовать термин *сцена*) (Goffman, 1986). Это правила взаимодействия, позволяющие группе ответить на вопрос: «*Что сейчас происходит?*»

«Мы размещаем наш подход в рамках активно развивающейся литературы по американским и неамериканским кейсам, которая рассматривает эти модели взаимодействия как “стили”. Это означает, что мы опираемся на одно из фундаментальных социологических прозрений: когда человек входит в определенную ситуацию, первыми, неявно возникающими вопросами, на которые

каждый участник должен ответить, являются: “Чем является эта ситуация?” и “Как мне в ней действовать?”» (Lichterman & Eliasoph, 2014).

Групповой стиль — это дополнительный уровень, накладывающийся на повседневные фреймы взаимодействия. Существуют устойчивые фреймы, такие как лекция или ожесточенная дискуссия в пабе. Однако группы — будь то небольшое научное сообщество или политическая партия — вырабатывают собственные стили ведения лекций или участия в пьяных дискуссиях, формируя собственные паттерны взаимодействия внутри привычных сцен.

Центральная идея Элиасоф и Лихтермана заключается в том, чтобы показать, как групповые стили могут служить фильтрами для публичной культуры. Сцена и групповой стиль определяют, какие символические коды становятся релевантными в данной ситуации, и каким образом они могут быть использованы. Публичная культура не просто присутствует в группе, но проходит через процесс фильтрации и отбора, который формирует способы ее применения в конкретных контекстах взаимодействия. Групповой стиль выступает в виде медиатора или оператора среднего уровня для публичной культуры. Так, Маром демонстрирует, как правила обсуждения политических ценностей меняются в зависимости от контекста: члены одной американской либертарианской организации иначе формулируют одни и те же взгляды, когда выступают публично в подкасте, по сравнению с их неформальными обсуждениями в кругу единомышленников (Maгом, 2024).

Однако, когда Элиасоф и Лихтерман формулируют, каким образом исследователь должен фиксировать групповой стиль и какие измерения он включает, их изначальный интеракционистский и гофманианский подход теряется. Они пишут, что групповой стиль имеет три изменения:

1. Групповые границы (boundaries) — правила взаимодействия группы с внешним миром, различие между своими и чужими (group identity).
2. Групповые связи (bounds) — представления о взаимных обязательствах участников группы друг перед другом (моральные правила группы и солидарность).
3. Правила разговора (rules of speech) — правила коммуникации во внутригрупповом контексте (Eliasoph & Lichterman, 2003; Lichterman & Eliasoph, 2014).

Элиасоф и Лихтерман утверждают, что эти три измерения могут служить эвристическими инструментами, позволяющими эмпирическому исследователю выявить групповой стиль, но сам по себе он не сводится лишь к этим характеристикам. Однако такой набор индикаторов неизбежно порождает проблему. Авторы заимствуют

эти характеристики, по их словам, из исследований идентичности и символических границ (Lamont & Fournier, 1992), неоинституционализма (Powell & Dimaggio, 1991) и символического интеракционизма (Eliasoph & Lichterman, 2003, p. 741). В результате групповой стиль, описанный через эти категории, легко сливается с групповой идентичностью или структурой группы, затрудняя разграничение между характеристиками группы как целого и ее стилем взаимодействия в конкретной ситуации. Эта сложность становится еще более очевидной в интерпретациях последующих исследователей: например, встречаются работы, где групповой стиль фактически используется как синоним *идентичности* (Friis, 2023).

Возвращаясь к статье Степана Козлова, с которой этот текст ведет диалог, я хочу отметить, что пример с групповым стилем иллюстрирует, как операторы среднего уровня стремятся исчезнуть из поля зрения исследователя, становясь невидимыми и сливаясь с фоном (Козлов, с. 20). Когда мы пытаемся описать групповой стиль, мы либо фокусируемся на ситуации и видим все как ее конкретные элементы, либо обращаемся к самой группе и фиксируем лишь ее устойчивые характеристики, упуская из виду собственно взаимодействие.

Неопределенность, амбивалентность и поломки как связки между порядками социальной реальности

Основная цель этого текста заключается в том, что понятие группового стиля не утрачивает аналитической ценности только потому, что стремится слиться с идентичностью или структурой группы. Чтобы избежать этой проблемы, можно изменить сам подход к его фиксации. Вместо предложенных Лихтерманом и Элиасоф эвристики я предлагаю опираться на другие характеристики:

1. Степень толерантности группы к амбивалентности в определении ситуации — насколько жесткими или, напротив, проницаемыми являются границы фреймов взаимодействия.
2. Методы группы справляться с поломками и разрывами взаимодействия — какие стратегии используются для восстановления порядка, когда взаимодействие нарушается.

Эта идея опирается на концепции Иддо Тавори о роли разрывов в порядке взаимодействия и интеракционной амбивалентности в связывании различных уровней социальной реальности. Тавори показывает, что моменты неопределенности и разрывы в координации взаимодействий не просто дестабилизируют порядок, но и создают возможности для его переопределения, создания инноваций и соединения разных порядков социальной реальности. В этом смысле групповой стиль можно рассматривать не как фиксирован-

ную характеристику группы, описываемую через ее структуру или идентичность, а как механизм работы с амбивалентностью, определяющий, насколько гибкими или, наоборот, жесткими становятся границы фреймов взаимодействия.

Далее я кратко опишу, как формировалась концепция Тавори в его собственных работах, а также в коллаборациях с Ниной Элиасоф и Гари Файном. Тавори начинает с наблюдения, что микросоциология традиционно сосредоточена на исследовании беспроблемного и бесшовного взаимодействия, где все участники разделяют общее понимание ситуации (Tavory, 2018a). Поломки, когда они случаются, воспринимаются как сбой социального порядка, который участники стремятся немедленно устранить. Однако есть случаи, когда неопределенность — это не помеха, а сама основа взаимодействия. Канонический пример такого рода взаимодействия для Тавори — это флирт¹. В большинстве ситуаций успешное взаимодействие предполагает, когда все участники определяют ситуацию одним и тем же образом и соглашаются в своем определении. Но флирт, напротив, удается именно тогда, когда остается пространство для нескольких интерпретаций. Эта амбивалентность поддерживается за счет того, что в одном и том же взаимодействии одновременно поддерживаются два фрейма. Например, оно колеблется между манерой общения, характерной для коллег, и той, что присуща любовникам (Tavory, 2009).

38

Следующий шаг Тавори делает в совместной статье с Ниной Элиасоф, где они описывают три модуса координации будущего: протенции, траектории и темпоральные ландшафты (Tavory and Eliasoph, 2013). Протенции — это моментальные антиципации будущего во взаимодействии, близкие к бурдьевскому понятию габитуса как интернализованного умения чувствовать правила игры. Они проявляются в непосредственных протенциях и ожиданиях, формирующих ход взаимодействия в настоящем. Траектории представляют собой более длительный темпоральный модус, описывающий, как типовые ситуации связаны между собой в индивидуальной биографии человека, а также как формируются относительно устойчивые отношения между социальными акторами и их позициями. Например, дружба — это траектория, предполагающая продолжение определенного формата взаимодействия в будущем. Позиция студента также задает определенную траекторию, включающую прохождение курсов, написание эссе и получение диплома. Наконец, темпоральные ландшафты — это календари, расписания

1 В своем понимании флирта Тавори, несомненно, опирается на классическую работу Зиммеля (Simmel, 1984).

и другие временные структуры, создаваемые институтами. Они организуют и координируют действия акторов, задавая ритмы социальной жизни (Tavory, 2018b). По замыслу Тавори и Элиасоф, анализ того, как эти модусы координации могут в одних случаях оставаться независимыми, а в других — оказывать влияние друг на друга, позволяет проследить, как микроуровень взаимодействия соотносится с мезо- и макроуровнями социальной реальности: «Это эмпирический способ связать микроисследования взаимодействия с институциональными, историческими макросилами, которые часто остаются за рамками этнографических и других “микро” исследований» (Tavory and Eliasoph, 2013, p. 910). Трансформация темпоральных ландшафтов может привести к изменению индивидуальных траекторий; аналогичным образом несовпадение ожиданий на уровне протенций может повлиять на траектории.

Наконец, в статье, написанной совместно с Гари Файном, Тавори показывает, как разрывы и сбои во взаимодействии могут становиться источниками культурных инноваций и трансформировать траектории и темпоральные ландшафты (Tavory & Fine, 2020). Так, нарушение взаимодействия между двумя акторами, находящимися в длительных отношениях, например, между знакомыми, не обязательно ведет к разрыву. Напротив, оно может привести к переопределению ситуации и перестройке совместных траекторий, поскольку участники уже вложились в продолжение этих отношений в будущем (Ibid., p. 15). Такое продуктивное нарушение порядка они называют «нарушение ради» (disruption for), в противовес «нарушению из-за» (disruption of), которое воспринимается как угроза стабильности и требует немедленного устранения.

Таким образом, амбивалентность в отношении возможного будущего, а также несоответствия в ожиданиях на уровне протенций или траекторий становятся точками, где могут происходить соединения и трансформации различных порядков социальной реальности. Если соединить концепцию Тавори и Элиасоф о взаимодействии между тремя темпоральными порядками с введенным Тавори и Файном различием «нарушения ради» и «нарушения из-за», вырисовывается следующая картина: сбой на одном уровне — например, на уровне взаимодействий и протенций — может инициировать трансформации на других уровнях, если он функционирует как «нарушение ради». Такая инновация может либо остаться временным решением в рамках конкретной ситуации, либо закрепиться в идиокультуре группы, меняя ее коллективную космологию или перестраивая внутренние отношения. Это процесс, который Файн в других работах называет оседанием (sedimentation) новых элементов культуры внутри групповой идиокультуры (Fine, 1993). Именно в этих процессах кроется механизм, посредством

которого групповой стиль может не просто структурировать взаимодействие, но и выполнять функцию оператора среднего уровня, соединяя микроуровень взаимодействий с траекториями, институциональными ландшафтами и публичной культурой.

Этот вывод возвращает нас к предложенному мной в начале раздела переопределению группового стиля. Если рассматривать его через призму того, как группа вырабатывает типовые способы справляться с амбивалентностью и сбоями во взаимодействии, это позволит глубже понять, каким образом групповой стиль связывает микро-, мезо- и макроуровни социальной реальности. Такой подход также открывает возможность для анализа различий между группами: некоторые групповые стили могут способствовать более высокому уровню амбивалентности во взаимодействиях или чаще порождать «*нарушения ради*», что, в свою очередь, ведет к большому количеству инноваций на уровне групповой культуры. Таким образом, изучение групповых стилей позволяет не только фиксировать механизмы воспроизводства порядка, но и строить гипотезы о том, почему одни группы оказываются более склонными к трансформации своих представлений, в то время как другие закрепляют устойчивые формы космологий. Для иллюстрации этой идеи я приведу небольшой пример из исследования шаманских организаций, которое было проведено в 2019–2020 году (Волкова, 2021).

40

Два шаманских стиля

Поскольку данный раздел служит иллюстративной функции, я не буду подробно останавливаться на описании поля, которое можно найти в предыдущей статье (Ibidem), но использую несколько примеров, чтобы показать, как групповые стили работы с поломками и амбивалентностью позволяют группе создавать культурные инновации и менять индивидуальные траектории участников, или, наоборот, ограничивают подобные переопределения. Этот анализ позволит увидеть, как различия в групповых стилях влияют на методы работы с поломками и разрывами, превращая их либо в угрозу порядку (disruption of), либо в возможность для переинтерпретации (disruption for).

Я опишу две локальные организации шаманов, которые радикально отличаются друг от друга по своему групповому стилю. Первая организация, назовем ее условно «Небесный бык», — это организация с «ограничивающим стилем». Он проявляется в том, как члены организации относятся к порядку проведения ритуалов. От участников и наблюдателей ожидается, что они будут четко следовать порядку ритуала — любое отступление от сценария может иметь в качестве последствия социальные и сакральные санкции.

Когда я наблюдала ритуал в этой организации, меня попросили вести себя максимально тихо и бесшумно, чтобы не нарушать порядок. Кроме того, ритуал имеет жесткие темпоральные и материальные рамки. Он начинался с продолжительных приготовлений, включая облачение в шаманские костюмы, и завершался только тогда, когда шаманы снимали одеяния и убирали атрибуты, тем самым символически фиксируя его границы. Эти правила находят свое выражение в разделяемом участниками организации представлении, что шаман может видеть и взаимодействовать с духами только во время и в рамках ритуала.

Ламы, которые постоянно с утра до вечера занимаются. Батюшки и там, что у них там при церкви. У нас такого, конечно, нет. Мы — шаманы, когда мы делаем обряды. Вышли за пределы, скажем, сняли свои атрибуты, мы — обычные люди со всеми человеческими слабостями в том числе. (Шаман, «Небесный бык», декабрь 2019)

Вторая организация, которую я условно назову «Северные духи», придерживается «амбивалентного стиля». Это проявляется в том, что нарушения порядка — как во время ритуала, так и за его пределами — не воспринимаются участниками как ошибки, требующие исправления, а скорее как явления, нуждающиеся в переосмыслении. Для шаманов из организации «Северные духи» разрывы и сбои во взаимодействии соответствуют тому, что Тавори называет «нарушением ради» — моментам, открывающим новые возможности для интерпретации. Напротив, для шаманов из «Небесного быка» схожие ситуации становятся «нарушением из-за» — нарушением, которое требует немедленного устранения и восстановления изначального порядка (Tavory & Fine, 2020). Кроме того, ритуал в организации «Северные духи» не имеет настолько же жестких темпоральных и материальных рамок, что проявлялось в том, что шаманы могли видеть и взаимодействовать с духами вне ситуации, которая маркировалась как ритуал.

Далее я приведу два примера того, как амбивалентный стиль позволял шаманам из организации «Северные духи» использовать разрывы и сбои во взаимодействии для переопределения индивидуальных траекторий и темпоральных ландшафтов организации, а также для создания инноваций в собственной космологии. Первый я зафиксировала в качестве записи в полевом дневнике:

Женщина-шаманка во время совместного чаепития вдруг принимает отсутствующий вид и начинает смотреть за спину одному из шаманов. Все внимание устремляется на нее. «Что ты видишь?» — спрашивают ее. «Его бабушку». Теперь тема разговора смещается на обсуждение того, что хочет дух, и какой ритуал должен быть проведен, чтобы удовлетворить его желания. Шаманка сообщает другому шаману, что к ним пришла одна из его прапрабабушек, так

как ее забыли упомянуть в предыдущем ритуале, и она хочет подношения.
(Шаман, «Северные духи», январь 2020)

Телесным выходом из текущего взаимодействия шаманка создала сбой, который позволил совместно переинтерпретировать происходящее: это уже не просто чаепитие, но и момент общения с духами. Такая переинтерпретация становится возможной, поскольку амбивалентный групповой стиль не устанавливает жестких границ между ритуалом и повседневными ситуациями. В свою очередь, эта переинтерпретация приводит к изменениям на уровне индивидуальных траекторий и институционального ландшафта организации. Шаман теперь знает о новом духе предка, влияющем на его судьбу, а организация — о новом поводе для проведения ритуала, который должен быть включен в будущие практики.

Второй пример демонстрирует, как нарушение порядка во время самого ритуала переосмысливается таким образом, что это приводит к инновациям на уровне внутренней космологии организации.

42

Шаманы из организации «Северные духи» (название изменено) рассказали мне, что если они забыли выключить мобильный телефон во время ритуала, и он зазвонил в самый ответственный момент — во время призывания духов, это больше не является для них проблемой, так как они познакомили своих духов с мобильными телефонами. Позже в интервью я расспросила об этом подробнее:

(Как вы объясняете предкам, что время изменилось?) Ну объясняем, время такое, что приборы появились, что радио, телефон. Они удивляются. (Вы им телефон показываете?) Да, вот телефон есть! Можно на том конце света человек находится, можно с ним поговорить. Им-то без разницы, они могут хоть куда. На луну поедешь, они туда придут. Для них расстояние не существует. (Январь 2020)

Как и в первом случае, нарушение сценария взаимодействия здесь не воспринимается как угроза порядку. В других организациях звонок телефона во время обряда считается серьезным нарушением — даже более серьезным, чем звонок в театре во время спектакля для театралов. Однако здесь его рассматривают иначе: не как серьезный промах, а как возможность для переосмысления собственной космологии. Теперь духи «узнают» о существовании телефонов и начинают относиться к таким помехам спокойнее.

Заключение: Полочки, групповые стили и операторы среднего уровня

Пример с шаманскими организациями, как я надеюсь, помогает более наглядно сформулировать мой основной аргумент: если анализ груп-

пового стиля начинать с того, как группа справляется со сбоями и разрывами во взаимодействии, можно избежать его смещения с групповой идентичностью или структурой. Более того, фокус на стратегиях работы с поломками (*disruption for*) позволяет увидеть, как именно групповой стиль связывает уровень взаимодействия с другими уровнями социальной реальности, например, с публичной культурой. Такой подход дает возможность зафиксировать конкретные моменты, когда интерпретация интеракционных сбоев приводит к локальным переосмыслениям и изобретениям, а также проанализировать, в каких случаях эти изменения остаются ситуативными, а когда выходят за пределы конкретной ситуации, трансформируя групповую культуру и влияя на будущие траектории взаимодействий.

На мой взгляд, аналитическая ценность концепта операторов среднего уровня заключается в том, что он предоставляет язык для описания трансценденции между социальными порядками, происходящей в моменты кризиса и неопределенности. Если предложенное в данном тексте переосмысление групповых стилей через методы работы с неопределенностью показывает, как может осуществляться медиация между взаимодействиями внутри группы и ее культурой, то идея операторов среднего уровня позволяет найти более широкий класс подобных медиаторов. Например, Козлов (*forthcoming*), опираясь на бурдьевистскую концепцию изобретения, показывает, как неопределенность, возникающая как следствие проблем координации между группами или борьбы за ресурсы, может приводить к созданию институтов (Бурдье, 2012). В таких ситуациях решения, найденные в одном контексте, обретают автономию и начинают воспроизводиться в других. Так, комиссия, королевская печать или государственная должность — изначально ситуативные изобретения, решающие локальную координационную проблему — со временем превращаются в устойчивые институты и становятся само собой разумеющейся частью государственной системы. Они больше не сводятся к локальным попыткам групп скоординироваться и договориться, а создают свой собственный порядок социальной реальности. На следующем этапе такие изобретения начинают оказывать обратное влияние на другие порядки, создавая интеракционные петли. Комиссия, став устойчивым институтом, формирует новые типовые ситуации, в рамках которых возникают новые сбои и неопределенности. Эти поломки, в свою очередь, могут приводить к переопределению того, что такое комиссия и чем она занимается. Таким образом, фокус на «нарушениях для» или операторах среднего уровня позволяет увидеть, как социальное оказывается постоянным процессом изобретения и переизобретения.

Возможна и другая интерпретация того, что представляют собой операторы среднего уровня — не только как мосты между различ-

ными уровнями социальной реальности, но и как эпистемические стратегии. Именно в таком ключе к ним подходит Наталья Волкова в своей статье в этом номере (Волкова, 2025). Она показывает, что разрыв между языком описания и ситуацией, которую стремится зафиксировать исследователь, может быть не препятствием, а продуктивной точкой — возможностью переосмысления используемых понятий и способов описания. Именно в такие моменты, согласно ее аргументу, и рождаются новые концепты, «заточенные» под конкретные эмпирические ситуации. Волкова связывает такую практику с классическим мертоновским понятием теорий среднего уровня в социологии и даже делает шаг дальше, предполагая, что эта способ экспериментирования, который стал доминирующим методом производства концептов в социологии после 1980-х. Подобным образом, антропологические концепты часто возникают из ситуации, в которой исследователь вынужден переосмыслить свою исходную категориальную сетку — когда старые инструменты дают сбой в поле. Именно такую эпистемологическую установку эксплицитно формулируют Мартин Холбрад в работе о кубинских оракулах (Holbraad, 2012) и Пьер Бурдьё в своей концепции включенной объективации (Бурдьё, 2005): поле должно не подтверждать готовые теоретические рамки, а создавать неопределенность в описании, которая вынуждает исследователя пересобирать понятийный аппарат и формулировать новые концепты. Таким образом, если в моем тексте я показываю, как моменты взаимодействия с полемками могут становиться точками медиации и институциональной трансформации, то Волкова демонстрирует, что такие же полемки могут быть источником эпистемических трансформаций.

Список источников / References

Волкова М. Д. (2021) Шаманы, чиновники и их космологии: местные религиозные организации Бурятии и Иркутской области. *Антропологический форум*, 51, с. 39-71. EDN: АУМЗWF. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71>

— Volkova M. D. (2021) Shamans, bureaucrats, and their cosmologies: Local religious organizations in Buryatia and Irkutsk Oblast. *Anthropological Forum*, 51, pp. 39-71. (In Russ.) <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71>

Волкова Н. А. (2025) Как управлять будущим? Операторы среднего уровня и эксперименты. *Социология власти*, 37 (2), с. 47-68.

— Volkova N. A. (2025) How to Manage the Future? Mid-level Operators and Experiment. *Sociology of Power*, 32 (2), pp.47-68. (In Russ.)

Козлов С. В. (2025) Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема. *Социология власти*, 37 (2), с. 12-31.

— Kozlov S. V. (2025) Middle-range operators: The sociology of uncertainty as a gestalt theorem. *Sociology of Power*, 37 (2), pp.12-31. (In Russ.)

Козлов С. В. (forthcoming) Забытое новое: порождающая логика изобретений в рефлексивной социологии.

— Kozlov S. V. (forthcoming) The forgotten new: The generative logic of inventions in reflexive sociology. (In Russ.)

Бурдье П. (2012) *Лекции о государстве*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— Bourdieu P. (2012) *Lectures on the State*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (in Russ.)

Alexander J. C. (1990) Durkheimian sociology: Cultural studies. *Social Forces*, 19(3), p. 1006.

Bourdieu P. (2012) *Lectures on the State*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (in Russ.)

Eliasoph N. & Lichterman P. (2003) Culture in interaction. *American Journal of Sociology*, 108(4), pp. 735-794. <https://doi.org/10.1086/367920>

Fine G. A. (1993) The sad demise, mysterious disappearance, and glorious triumph of symbolic interactionism. *Annual Review of Sociology*, 19(1), pp. 61-87. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.19.080193.000425>

Friis C. B. (2023) Group styles of justice or service: How ticket inspectors manage contested citizen encounters. *Symbolic Interaction*, 46(1), pp. 26-46. <http://dx.doi.org/10.1002/symb.617>

Goffman E. (1986) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press.

Lamont M. & Fournier M. (Eds.). (1992) *Cultivating differences: Symbolic boundaries and the making of inequality*. Chicago: University of Chicago Press.

Lichterman P. (2007) Invitation to a practical cultural sociology. In *Culture, Society, and Democracy*.

Lichterman P. & Eliasoph N. (2014) Civic action. *American Journal of Sociology*, 120(3), pp. 798-863. <https://doi.org/10.1086/679189>

Marom O. (2024) Situational orders: Interaction patterns and the standards for evaluating public discourse. *Sociological Theory*, 42(1), pp. 1-22. <https://doi.org/10.1177/07352751231218479>

Powell W. W. & DiMaggio P. (1991) *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago: University of Chicago Press.

Simmel G. (1984) *On women, sexuality, and love*. Translated by Guy Oakes. New Haven, CT: Yale University Press.

Tavory I. (2009) The structure of flirtation: On the construction of interactional ambiguity. *Studies in Symbolic Interaction*, 33, pp. 59-74. [http://dx.doi.org/10.1108/S0163-2396\(2009\)0000033007](http://dx.doi.org/10.1108/S0163-2396(2009)0000033007)

Tavory I. (2018a) Culture and micro-sociology. In *Routledge Handbook of Cultural Sociology* (pp. 257-264). <https://doi.org/10.4324/9781315267784-28>

Tavory I. (2018b) Between situations: Anticipation, rhythms, and the theory of interaction. *Sociological Theory*, 36(2), pp. 117-133. <http://dx.doi.org/10.1177/0735275118777007>

Tavory I. & Eliasoph N. (2013) Coordinating futures: Toward a theory of anticipation. *American Journal of Sociology*, 118(4), pp. 908-942. <https://doi.org/10.1086/668646>

Tavory I. & Fine G. A. (2020) Disruption and the theory of the interaction order. *Theory and Society*, 49(3), pp. 365-385. <https://doi.org/10.1007/s11186-020-09384-3>

Об авторе / About the author

Волкова Мария Дмитриевна — магистр социологии, PhD researcher в университете Эксетера, Центр философии наук о жизни Egenis. Научные интересы: социология бюрократии, исследования инфраструктуры, социальные взаимодействия.

<https://orcid.org/0000-0001-9537-3309>. E-mail: m.volkova@exeter.ac.uk

Maria D. Volkova — MA in Sociology, PhD researcher at the University of Exeter, Centre for the Study of Life Sciences (Egenis). Research interests: sociology of bureaucracy, infrastructure studies, social interactions.

<https://orcid.org/0000-0001-9537-3309>. E-mail: m.volkova@exeter.ac.uk

Как управлять будущим? Операторы среднего уровня и эксперименты

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА

Университет Нархоз, Алматы, Казахстан;

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н. А. (2025) Как управлять будущим? Операторы среднего уровня и эксперименты. *Социология власти*, 37 (2): 47-68.
EDN:

For citation:

Volkova N. A. (2025) How to Manage the Future? Mid-level Operators and Experiments. *Sociology of Power*, 37 (2): 47-68.

Поступила в редакцию: 24.04.2025;
прошла рецензирование: 27.05.2025;
принята в печать: 30.05.2025
Received: 24.04.2025; Revised:
27.05.2025; Accepted: 30.05.2025

© Volkova N. A., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Данный текст работает как комментарий к двум публикациям этого номера: статьям Степана Козлова, который вводит концепт «операторов среднего уровня», и Марии Волковой, которая показывает, как этот концепт применим в рамках гоффмановского подхода к описанию групповых стилей. Опираясь на работы Бурдые, Козлов описывает операторов среднего уровня как инструменты управления неопределенностью, но не раскрывает механизмы их воздействия на форму неопределенности. Разделяя предложенный подход, данный текст показывает, как возможно расширить действие предложенного концепта, опираясь на идеи Роберта Мертона и исследований науки и техники (Science and technology studies, STS). Обращение к экспериментальному характеру операторов среднего уровня позволяет рассматривать их как основу для реконцептуализации теорий среднего уровня как инструмента исследований, имеющего не только прикладное, но и концептуальное значение. На примере экспериментов, описанных в STS, представлено действие оператора среднего уровня, если речь идет об ограниченной неопределенности или способах ее ограничения в ходе эксперимента. Анализ российской градостроительной реформы как кейс сложно сконструированного и длительного эксперимента демонстрирует, как выделение оператора среднего уровня, объединяющего разные масштабы изменений, позволяет определить конструирование образа будущего как основное направление действия реформы

и механизмы сдерживания изменений, которые приводят к ее затуханию. Таким образом, концепт оператора среднего уровня позволяет сместить акцент социальных исследований на эмпирические кейсы и служит инструментом для формализации их концептуальных возможностей.

Ключевые слова: градостроительная реформа, эксперимент, Science and technology studies, Роберт Мертон, теории среднего уровня

How to Manage the Future? Mid-level Operators and Experiments

Nataliya A. Volkova

Narkhoz University, Almaty, Kazakhstan;

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>

48

Abstract: This text serves as a commentary on two articles in this issue: Stepan Kozlov's work, which introduces the concept of "middle-level operators" based on Bourdieu's texts, and Maria Volkova's article, which demonstrates the applicability of this concept within a Goffmanian approach to describing group styles. Kozlov describes middle-level operators as tools for managing uncertainty but does not reveal the mechanisms of their impact on the form of uncertainty. Building on this approach, the present text shows how the concept can be extended by drawing on Robert Merton's ideas and Science and Technology Studies (STS). Examining the experimental nature of middle-level operators enables us to reconceptualize middle-range theories as research tools with both applied and conceptual significance. Drawing on experiments described in STS, the text demonstrates how middle-level operators function under conditions of limited uncertainty and the ways this uncertainty can be constrained during experimentation. The analysis of Russian urban planning reform as a case of complex, long-term experimentation shows how identifying middle-level operators that combine different scales of transformation allows us to recognize the construction of future images as the reform's primary direction and to identify mechanisms of change restraint that lead to its decline. Thus, the concept of middle-level operators shifts the focus of social research toward empirical cases and serves as a tool for formalizing their conceptual potential.

Keywords: urban planning reform, experiment, science and technology studies, Robert Merton, middle-range theories

Управляя неопределенностью

В двух статьях, опубликованных в этом номере, Степан Козлов предлагает концепт «операторов среднего уровня», развивая

его из перспективы рефлексивной социологии Бурдьё (Козлов, 2025), а Мария Волкова показывает, какой объяснительной силой обладает этот концепт за пределами бурдьёвистского языка, на примере концепции групповых стилей Элиасоф и Лихтермана ((Волкова, 2025), а также (Eliasoph & Lichterman, 2003)).

Основным условием выделения операторов среднего уровня из «фона теоретических моделей социальных трансформаций» Козлов называет возвращение к теоретизации «неопределенности как неопределенности» (Козлов, 2025, с. 27) и анализ трансформаций на уровне операций, а не на уровне фиксации их влияния в социальных структурах и способах организации. Смещение фокуса внимания с последствий трансформаций на операцию их протекания позволяет решить сразу несколько теоретических и методологических проблем, характерных для евроамериканской социологии второй половины XX века. Во-первых, как и показывает Козлов, выделение операторов именно на среднем уровне позволяет связать между собой макро- и микроуровень, переходя «от разрывов повседневности к структурным трансформациям» (Козлов, 2025, с. 25). Во-вторых, основная операция, благодаря которой становится возможно такое соединение различных масштабов, — это инверсия фигуры и фона, если пользоваться основными понятиями гештальта, что хорошо сочетается с концептом «изобретений» Бурдьё (Бурдьё, 2018, с. 339), на который опирается Козлов, выделяя операторы среднего уровня. Наконец, в-третьих, операторы среднего уровня позволяют сделать видимой работу теорий среднего уровня как значимого, а не промежуточного элемента в эмпирической работе социологов с понятными критериями объективности ее объяснительных моделей.

49

Это третье следствие из введения концепта операторов среднего уровня не артикулируется Козловым, но кажется существенным для операционализации предлагаемой им схемы. Вопросы, которые остаются к операторам среднего уровня, касаются, прежде всего, их способа действия: каким образом они позволяют управлять неопределенностью, поддерживая, а не редуцируя ее изменчивый характер?

В трех кейсах, которые Козлов приводит в статье, операторами среднего уровня попеременно оказываются «понятия... которые описывают системы культурных оппозиций» у Жизель Сапиро (Sapiró 2022, p. 317), пространственные различия, укорененные в пространстве Тель-Авива у Натана Марома, и китайская практика гуаньси, которая организует отношения обмена услугами и их публичное признание. Во всех трех кейсах можно наблюдать, что операторы среднего уровня позволяют редуцировать комплексность символических, пространственных или институциональных отношений, тем самым снижая степень неопределенности. Однако, по-

скольку их действие не является регламентированным и обладает широкими возможностями для интерпретации, можно также предположить, что они трансформируют неопределенность из одной формы в другую. В тексте Марии Волковой показано, как подобная трансформация неопределенности начинается с поломок и сбоев в коммуникации, которые создают локальные разрывы и ситуации амбивалентности и могут служить источниками социальных инноваций (Волкова, 2025). Но именно форма преобразования неопределенности, которая описывает действие операторов среднего уровня, остается за рамками рассмотрения обоих текстов.

Далее, развивая идею Козлова и ее приложение к концепции групповых стилей, которое предлагает Волкова, будет показано, что форму управления неопределенностью, которая возникает при действии операторов среднего уровня, можно описать как экспериментальную или определяющую ее границы. Экспериментальность действия определяется не только характером неопределенности, но и способами организации эксперимента. Необходимо уточнить, как именно проходит эксперимент и что описание действия операторов среднего уровня как экспериментальных добавляет к их пониманию (Merton, 2007). Чтобы показать это, далее будет дана краткая экспликация различных способов описания экспериментов в евроамериканской социологии второй половины XX века, начиная с докторской диссертации Мертона (Merton, 1938), продолжая идеями эпистемологического эксперимента Бурдьё (Bourdieu, 2004) а также идеями экспериментирования в STS, развивающимися с начала 1980-х годов (Shapin, Schaffer, 2011).

50

Сочетание идей оператора среднего уровня Бурдьё с описанием эксперимента в STS позволяет наглядно показать, что введение этого концепта не только имеет метатеоретическое значение и работает для разных теоретических языков, но также позволяет выделять теории среднего уровня как основу для пересборки социологии как единого дисциплинарного поля, которая начинается в 1980-х годах.

Средний уровень: эксперименты и неопределенность

Эксперимент: пуританская техника

Исследование естественнонаучных экспериментов в социологии впервые вводит Мертон в своей докторской диссертации и книге, изданной на ее основе (Merton, 1938). В диссертации и более поздних работах на ту же тему Мертон показывает, что одним из факторов появления британской эмпирической науки стало пуританство и тот тип утилитарной этики, о котором писал Вебер. При этом, поскольку в основе веберовской трактовки протестантской этики

лежала неопределенность, связанная с предназначением, которое было уготовано каждому верующему, калькуляции, которые позволяли оценивать вероятность того или иного исхода (Вебер, 2017, с. 25-43), можно было назвать экспериментальной, или эмпирической проверкой утверждения о (не)избранности.

Тезис Мертона о том, что в основе развития английской эмпирической науки лежала пуританская этика, активно критиковали историки науки, поэтому он отстаивал его очень осторожно, показывая, что пуританство было только одним из факторов в становлении научного метода и этим фактором могла бы быть другая религия и идеология (Merton, 1936). В то же время Мертон утверждал, что английская эмпирическая наука породила тот тип знания, который он позже описывал как «теории среднего уровня». К теориям среднего уровня Мертон относил те, которые не претендуют на универсальные объяснения и имеют строгие ограничения для применения, учитывая специфические условия и обстоятельства (Merton, 2007).

Однако Мертон не раскрывает социальные механизмы установления знания в эмпирической и экспериментальной науке, ограничиваясь этическими предпосылками. В отличие от него, Шейпин и Шеффер показывают именно социальную механику естественно-научного эксперимента на примере эксперимента Бойля, который доказывал существование вакуума (Sharin, Schaffer, 2011). Чтобы подтвердить результаты своих экспериментов и получить научное признание, Бойль использует три техники оправдания: материальную, сконструировав воздушный насос и организовав публичные демонстрации эксперимента с ним; литературную, описывая в деталях свой эксперимент и его вариации; и, наконец, социальную, выбирая респондентов для переписки, чей голос и авторитет были бы значимыми для формирования научного сообщества и научного авторитета (Law, 2015).

Таким образом, эксперимент Бойля выходит за границы научных изысканий и лаборатории, а пространство, в котором он существует и признается, расширяется до всей Европы. Если предполагать, что Шейпин и Шеффер продолжают придерживаться идеи Мертона об эмпирических теориях как о теориях среднего уровня (Sharin, 1988), то возникает вопрос, что означает при наличии широкой поддержки «срединность» теории и чем она ограничивается?

От дискурсивной к описательной эпистемологии

Ответ на вопрос о том, как при широте охвата сохраняют ограничения, можно найти у Алперс, книгу которой о живописи в Нидерландах XVII века Шейпин и Шеффер также упоминают (Алперс, 2022; Sharin, Schaffer, 2011). Алперс говорит о противоборстве в XVII

веке двух эпистемологий: южной, итальянской, дискурсивной, опирающейся на слова, и северной, описательной, для которой важны техники и методы описания. И если дискурсивная эпистемология обращается к универсальности понятий, то описательная эпистемология делает акцент на деталях, локальных особенностях, эмпирических и практических наблюдениях, избегая значительных обобщений.

Принцип действия описательной эпистемологии Алперс разбирает на примере кейса двух астрономов — Кеплера и Тихо Браге, у которого Кеплер служил помощником в 1600 году (Алперс, 2022, с. 81). Согласно наблюдениям Браге, диаметр Луны во время солнечного затмения казался меньше, чем обычно, хотя было известно, что Луна не меняет размера и удаленности от Земли. Решение, которое предложил Кеплер для этой энигмы или парадокса, было само по себе парадоксальным: он сделал акцент на том, чтобы оценивать точность оптики прибора, а не ставить под вопрос наблюдаемый объект и его характеристики. Таким образом, Кеплер доказал, что в наши способы наблюдения и описания заложены искажения и ошибки, которые могут мешать воспринимать узнаваемое.

52

Рассматривая эксперимент Бойля из этой перспективы, можно утверждать, что Шейпин и Шеффер смещают акцент с предмета эксперимента (доказать, что существует вакуум, то есть возможность отсутствия воздуха в емкости) на насос, который он сконструировал, и язык, который он предлагает для описания конструкции насоса и самого эксперимента (Shapin, Schaffer, 2011). В ходе эксперимента становятся видимыми локальные ограничения ситуации, связанные с профессиональным дискурсом (описание экспериментов и результатов) и техническими ограничениями (способы конструирования и изображения насоса, по которым его собирают). Эти ограничения, как показывают Шейпин и Шеффер, действуют независимо от места проведения эксперимента — в Англии или на материке, поскольку теория среднего уровня ограничена в данном случае социально — языком описания, который выступает как техника репрезентации эксперимента (Shapin, 1984).

Таким образом, неопределенность, которая возникает в ходе эксперимента Бойля, работает на срединном уровне и может быть ограничена и управляться материальными (например, лаборатории) или социальными границами (например, профессиональной техникой репрезентации). Материальные или социальные границы позволяют управлять неопределенностью и являются операторами среднего уровня в том смысле, что они задают границы среднего уровня и не позволяют отклониться в сторону макроописаний структуры или микроописаний практик (Козлов, 2025).

В то же время сохраняется вопрос, как операторы среднего уровня работают с искажениями, которые порождают накладываемые ограничения, и можем ли мы считать операторами только границы, или же только сами объекты (практику гуаньси или символические оппозиции (Там же)), или границы и объекты оказываются взаимосвязаны? Далее возможности операционализации оператора среднего уровня будут рассмотрены на примере кейса российской градостроительной реформы и ее ключевого регулирующего инструмента — правил землепользования и застройки¹.

Однако прежде чем перейти к описанию кейса, покажем в текстах Бурдые соотношение между экспериментами и операторами среднего уровня.

Эксперименты и изобретения Бурдые

Для Бурдые экспериментальный подход был, прежде всего, связан с его описанием исследовательского и жизненного опыта пребывания в Алжире. Как пишет Татьяна Богуш, экспериментализм Бурдые в Алжире не был теоретическим, а скорее происходил из практических нужд и наблюдаемого несоответствия между концептуальным языком европейской и американской социологии и антропологии и локальными способами описания практик (Bogusz, 2018).

53

Практическое значение экспериментального подхода Бурдые было связано также с необходимостью снижать степень неопределенности во французском колониальном управлении Алжиром. Так, в Алжире не существовало важного для французской системы администрирования различия между человеком с постоянной работой и безработным. Это делало проблематичным учет рабочей силы, а также оценку экономических и социальных эффектов: чтобы организовать статистику, требовалось этнографическое изучение местных обычаев и порядков, чтобы описать его на языке французской бюрократии и тем самым сделать управляемым (Wasquant, 2004).

В этом случае понятия французской бюрократии в Алжире, так же как и у Жизель Сапиро, работали как операторы среднего уровня, но их способ работы был определенно экспериментальным. Необходимо было понять, где проходят границы применимости устоявшихся бюрократических понятий и как можно организовать перевод между двумя не пересекающимися логиками описания одного события.

¹ В основе этой части лежат материалы исследования, проведенного в 2020–2021 годах, а также материалы развития градостроительной реформы, которые анализировала в ходе подготовки кандидатской диссертации.

Другой пример обращения Бурдые к идее эксперимента можно найти в обсуждении Homo Academicus с Луи Ваканом, где Бурдые описывает свой научный путь как «эпистемологический эксперимент». Бурдые описывает суть этого эксперимента как перенос экспериментальной практики по изучению алжирских крестьян на знакомую ему среду: «сделать обыденное экзотическим, а экзотическое обыденным» (Wasquant, 1989, p. 33). Этот подход Бурдые можно соотнести с тем, что Степан Козлов называет принципом гештальта и описывает как основную функцию операторов среднего уровня — перевод фона (обыденного) в фигуру (экзотическое) (Козлов, 2025, с. 20).

Описывая процедуру перехода из фона в фигуру, Козлов подчеркивает, что оператор среднего уровня является также «изобретением» в терминологии позднего Бурдые (Там же). При этом «изобретения» работают как «ваза Рубина», то есть обладают двумя равноценными способами прочтения, что дает им возможность полноценно действовать в различных взаимоисключающих друг друга ситуациях. Это делает операторов среднего уровня потенциально мобильными и позволяет говорить о них как о мобильной технике, путешествующей между различными сетями.

54

Такие «мобильные техники» наиболее полно описывает Ло на примере португальского галеона, который перемещается между Европой и Индией, и зимбабвийского насоса, который путешествует между Европой и Африкой (Ло, Вахштайн¹, 2006). Перемещения этих объектов становятся возможны только за счет их встроенных механизмов изменчивости: у галеона жесткая оболочка и гибкое ядро, а у насоса — жесткое ядро и гибкая оболочка-периферия. Однако Ло не просто описывает эти две техники: его описание, которое основывается на единой структуре мобильных объектов, состоящих из оболочки и ядра, позволяет отнести их к единому классу объектов, у которых характеристики структурных элементов могут меняться на свою противоположность (жесткий/гибкий).

Если пользоваться терминологией Козлова, этот класс объектов работает на срединном уровне и является его оператором. В то же время анализ Ло позволяет более детально описать действие операторов среднего уровня как «изобретений» Бурдые: два равноценных и взаимоисключающих способа прочтения задают границы для градиента возможных конфигураций изобретения. Тогда множественность интерпретаций делает объект изобретением, поскольку создает неопределенность и сбои в коммуникации, которые запу-

1 В. С. Вахштайн включен Минюстом в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

скают эксперимент и становятся источником социальных инноваций (Кузнецов, Шайтанова, 2012). В этом смысле методология Бурдье работает точно так же, как социальная инновация, которая обрела устойчивость в результате его эксперимента в Алжире и переноса его принципов на французскую и европейскую почву.

Оператор среднего уровня: операционализация неопределенности

Если принять в качестве рабочей гипотезы экспериментальный характер действия операторов среднего уровня, то можно предположить, что они могут действовать не только в процессе коммуникации социальных акторов, но и когда в фокусе анализа оказывается мобильная техника. При этом остается вопрос, в чем их особенность и как они изменяют сложившееся представление о теориях среднего уровня как об инструменте прикладных исследований, не имеющих потенциала для расширения выводов на другие кейсы (Филиппов, 2002).

Отчасти ответом на этот вопрос может служить уже упоминавшийся способ сопоставления двух различных кейсов «мобильной техники» — «португальского галеона» и «зимбабвийского насоса», реализованный Ло (Ло, Вахштайн, 2006). Необходимо отметить, что между двумя кейсами, которые рассматривает Ло, и исследованиями, на которых основано описание, прошло более 15 лет (Law, 1984; De Laet, Mol, 2000). При этом, если проследить историю дискуссий в ANT и STS (Мол, Писарев, 2018) по поводу «мобильной техники», то можно отметить, что кроме двух упоминавшихся кейсов было также несколько промежуточных кейсов Латура (2017), Ло, Мол (1994) и Арчер (1989), которые показывают этапы развития концепта и перехода между двумя пограничными примерами «мобильной техники».

Множественность и неопределенность интерпретаций «мобильной техники» как оператора среднего уровня и как «изобретения» становится видимой благодаря наложению ее различных версий. Каждая из этих версий тестирует границы изначального определения, которое содержит две взаимоисключающие характеристики — мобильность/изменчивость и неизменность/техничность. Тогда неопределенность конструируется как оператор среднего уровня, который реализуется в пространстве взаимоисключающих признаков. Но операционализируется неопределенность через развертывание изменений во времени в виде траектории движения оператора среднего уровня (объекта или концепта), через экспериментальное тестирование ограничений его действия.

Если вернуться к параллели между оператором среднего уровня и теориями среднего уровня, то, согласно классическому определению, они описывают взаимодействие с конкретными объектами или концептами в конкретной ситуации (Riley, Merton, 1963, p. 16). Однако, следуя логике Ло и его коллег, объекты исследования сами по себе не являются определенными, если они сочетают материальные и социальные черты (Law, 2009). В результате в рамках теорий среднего уровня тестируются границы определения объектов и подвижность концептов. Теории среднего уровня, таким образом, перестают быть жестко определенными и ограниченными областями исследований. Наоборот, они ориентированы на работу с неопределенностью границ и эксперименты со своими объектами, которые они изобретают и переизобретают в процессе исследования, — знанием, наукой, рабочим классом, городом, психиатрией, религией, методами исследования или другими явлениями социальной реальности (Гаазе, Колозариди, 2020).

Кейс градостроительной реформы: временная и пространственная неопределенность

56

Вопрос об историческом кейсе: техники описания

Российскую градостроительную реформу 2004–2016 годов можно описывать как эксперимент с двух позиций. С одной стороны, она связывала два параллельных процесса: экономические рыночные реформы, начавшиеся в 1990-х годах, и административные реформы 2000-х годов. С другой стороны, градостроительная реформа экспериментировала с градостроительным регулированием, через введение нового инструмента — Правил землепользования и застройки, которые встроились в структуру градостроительной документации между долгосрочным документом Генерального плана и краткосрочными Проектами планировки.

В первом случае градостроительная реформа развивается на протяжении 1990-х годов как инструмент привлечения инвестиций, систем ипотеки и кредитования и развития банковской системы. Так, с начала 1990-х годов разрабатываются экспериментальные формы градостроительной документации, а в 1998 году принят первый Градостроительный кодекс. Однако полноценно процесс привлечения инвестиций в города стал возможен только после принятия Земельного кодекса РФ (2001), создав правовые основания для передачи земли в собственность (Медушевский, 2002). Косарева и Трутнев пишут, что для развития системы ипотечного кредитования (по аналогии с развитием банковского сектора в США в XX веке (Косарева, Трутнев, 2005; Раджан, 2013)), которая является локомотивом банковского сек-

тора, «...необходимо отказаться от практики выделения земельных участков для строительства на период, ограниченный длительностью строительства. Предоставление таких земельных участков на правах долгосрочной аренды или собственности позволит повысить ликвидность активов застройщиков, которые могут быть использованы в форме залога, и привлечь в строительный сектор дополнительные кредитные и инвестиционные средства» (Косарева, Трутнев, 2003, с. 100-101). Таким образом, в основе градостроительной реформы лежала идея передачи городской земли в собственность и активизация за счет этого банковского сектора как основы рыночной экономики.

Однако поскольку градостроительная реформа регулировала отношения в населенных пунктах, она также напрямую зависела от муниципальной реформы 2003–2009 годов (о принципах реформы и ее правовых предпосылках см.: Гриценко, 2014)). Реформа, основанная на положениях Конституции РФ, изменяла статус местной (муниципальной) власти по сравнению с советским периодом и наделяла ее особыми полномочиями, которые не должны были ограничиваться исполнением решений государственных властей — федеральных и региональных. При этом участие жителей в самоуправлении на местном уровне рассматривалось как основа демократии и вовлечение граждан в решение проблем территориального развития. В рамках градостроительной реформы развитие местного самоуправления воплощалось в наличии процедур согласования — сначала публичных слушаний, а затем общественных обсуждений, которые предполагали участие широкого круга заинтересованных лиц (Сафарова, 2021). При этом само появление подобного элемента в российском градостроительстве описывалось в том числе как коммуникативный поворот: возможность прямой коммуникации между жителями и местной администрации не была предусмотрена унаследованными от позднесоветского градостроительства практиками (Москалева, 2023).

Таким образом, градостроительная реформа оказалась элементом, который связывал различные масштабы регулирования, выступая как оператор среднего уровня. Если кейсы операторов среднего уровня Козлова (2025) и Волковой (2025) работали только в пространственном измерении социальных отношений, то особенность градостроительной реформы в ее временной протяженности. В то же время пример с развитием кейса «мобильной техники» Ло показывает, как можно работать с историческим кейсом, опираясь на социологический, а не исторический метод: рассматривая крайние ситуации изменения действующего объекта или объектов (Ло, Вахштайн, 2006).

Для градостроительной реформы таким изменчивым объектом стали «Правила землепользования и застройки» (далее — ПЗЗ), кото-

рые были впервые приняты в 1998 году в Великом Новгороде (Нарт, 1998), а к 2023 году основные его положения вошли в состав «Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа» (статья 28.1 Градостроительного кодекса РФ). Циклическое изменение статуса ПЗЗ можно рассматривать как признак завершившегося тестирования или эксперимента той сети отношений в городском планировании, которая осталась в качестве позднесоветского наследия. Однако чтобы раскрыть значение этого эксперимента, необходимо реконструировать его дизайн и показать, какое явление он переопределяет.

Дизайн эксперимента: три версии срединности

58

В отличие от кейсов, которые описывали Козлов и Волкова, в случае градостроительной реформы можно говорить, что речь идет о сетевой мобильности оператора среднего уровня. Если сама градостроительная реформа является оператором среднего уровня для социально-экономических преобразований в России после 1991 года, то внутри нее также можно выделить оператор среднего уровня в виде ПЗЗ, которые встраиваются в систему сложившихся отношений между стратегическим документом Генерального плана и тактическим документом Проекта планировки территории. При этом, поскольку структура документа ПЗЗ, принятая в ходе реформы описана крайне схематично в виде трех элементов — карты, процедуры согласования и параметров — в структуре ПЗЗ также можно выделить набор элементов, который работает как оператор среднего уровня, — процедуры согласования, регламентирующие принятие документа и внесение в него изменений.

Можно предположить, что все три элемента — градостроительная реформа, ПЗЗ и процедуры их согласования — являются разновидностями одного оператора среднего уровня, представленного в различных по масштабу сетях. Ло описывает схожую ситуацию с португальским галеоном следующим образом:

«Например, корабль может быть представлен в виде сети — сети *остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды*. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, *штурманами* и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, *кораблями*, военными диспозициями, рынками и купцами может быть описана в тех же категориях» (*курсив — Н. В., жирным обозначены как представлен объект*

на разных масштабах, простым курсивом — как представлены сети) (Ло, Вахштайн, 2006, с. 32).

Португальский галеон путешествует между различными сетями — от команды к точке в навигационной системе и затем к элементу в португальской имперской системе в целом. Если следовать этой аналогии, процедуры согласования переходят от документа ПЗЗ к структуре градостроительного регулирования, в которую встроен документ ПЗЗ, и затем к системе российских реформ, частью которых является реформа градостроительного регулирования. При этом ограничения, описывающие границы среднего уровня для каждого из масштабов, фактически являются теми границами, которые тестируются в ходе эксперимента по введению правового зонирования в российское законодательство. В свою очередь, операторы среднего уровня во всех масштабах организуют форму публичного взаимодействия различных акторов, объединенных различными типами экспертизы — повседневной (публичной), технической или организационной (Семенов, Гилева, 2022).

Таким образом, оператор среднего уровня, который возникает в случае градостроительной реформы, можно определить как практику формализации социальных взаимодействий на каждом из масштабов. Будучи формальной практикой, оператор среднего уровня градостроительной реформы соотносится не только с представлением о среднем масштабе, но также с публичностью как разделяемым пространством, пространством между различных ролей, дисциплин и способов организации (Vogch, Kornberger, 2015).

В результате концепт срединности становится подвижным. Средний уровень может быть ограничен фреймом взаимодействия (публичное пространство), крайними значениями (микро/макро-масштабы) или сам становится границей между различными процессами (градостроительная реформа). Однако в отличие от кейса публичного пространства или промежуточного масштаба, оператор среднего уровня, действующий как разграничивающий объект, невозможно наблюдать непосредственно. Перемещаясь, он размечает и индексирует пространство, оставляя в нем следы, по которым можно сконструировать описание текучих и ненаблюдаемых объектов, с которыми он связан¹. Тогда предметом эксперимента становится не столько уточнение границ рассматриваемого социального явления, сколько выявление и определение текучих объектов и формы взаимодействия, которые они задают.

1 Этот кейс напрямую соотносится с идеей не-анатомического пространства и анемией у Ло и Мол, которые затем нашли выражение в индексальном характере зимбабвийского насоса в статье де Лаэт и Мол десятилетие спустя.

В отличие от двух других форм срединности — ограниченной в пространстве и по уровню — индексальный или текучий объект как оператор среднего уровня не ограничен явным образом. Поскольку индексальный или текучий объект не наблюдаем непосредственно, то возможно только наблюдение его действия, которое обретает материальную форму в виде следов-индексов его движения (Lash, 1998). Распределение следов, полученное в результате наблюдения ситуации, выделенной как экспериментальной, описывает пространство нормального действия объекта — средний уровень — и позволяет сделать предположения о способах организации действия объекта и параметрах его отклонения от нормы. В пределах отклонений становится возможным сконструировать представление об экспериментальном, текучем и ненаблюдаемом объекте как множественном, обладающем минимум двумя формами (Ло, Вахштайн, 2006). Чтобы показать, как работает ПЗЗ как текучий объект, нужно рассматривать его как двойственный, где две формы его действия определяют способы и границы изменчивости.

60

Средний уровень градостроительной реформы: временные горизонты и неопределенность

В случае градостроительной реформы ПЗЗ выступают как оператор среднего уровня, прежде всего, поскольку работают как двойственный объект на разных масштабах. С одной стороны, ПЗЗ это формат документа, который описан в Градостроительном кодексе и имеет единую структуру для всей страны. С другой стороны, ПЗЗ это нормативный акт, характер и наполнение которого меняется в течение всего периода реформы и в зависимости от конкретного муниципалитета, где он принимается.

Две формы действия ПЗЗ задают границы его пространства от макромасштаба федерального законодательства до микромасштаба локальных характеристик территории и социальных отношений. Поскольку ПЗЗ является инструментом градостроительного планирования, обе формы документа связаны с конструированием образа будущего за счет сочетания различных по дальности временных горизонтов планирования: долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных¹. Чтобы координировать эти различные временные рамки и снижать степень неопределенности, каждой из двух форм ПЗЗ соответствует также двойственность, которая отражается в структуре документа (см. рис. 1).

1 В этом смысле городское планирование является набором техник, которые координируются в пространственном и временном измерении, см.: (Bijker, Bal, Hendriks, 2009; Айбар, Бейкер, 2017).

Рисунок 1. Схема переходов между разными уровнями планирования в городском регулировании. Красным обозначены операторы среднего уровня на каждом из масштабов. Голубым — изменения, которые произошли после 2023 года с введением «Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа».

Figure 1. Schematic of transitions between different planning levels in urban regulation. Red indicates mid-level operators at each of the scales. In blue are the changes that occurred after 2022 with the introduction of the «Unified document of territorial planning and town-planning zoning of a settlement, municipal district, urban district».

На локальном уровне ПЗЗ трансформируются из документа, который закрепляет договоренности в среднесрочной перспективе, в документ, который позволяет согласовывать и закреплять краткосрочные планы и договоренности. Это противоречит идее реформаторов, для которых основой ПЗЗ было жесткое материальное право, основанное на закреплении регламентов использования земельных участков в зависимости от их отнесения к определенным зонам на картах. Однако практика внесения значительного количества изменений в карты делает основными процедурные аспекты градостроительного регулирования, связанные с согласованием изменений (Семенов, Гилева, 2022).

Тем не менее изменение характера градостроительного регулирования от жесткого регулирования земельных отношений к гибким процедурным нормам остается на уровне правоприменения и не закрепляется в законодательной форме. Подобное изменение отражает работу ПЗЗ как оператора среднего уровня. ПЗЗ работают на среднем уровне, но не с точки зрения пространства, а с точки зрения временного горизонта планирования и упорядочивают поток

частных краткосрочных локальных интересов, позволяя гибко реагировать на резкие изменения. Однако по ходу реформы процедурное изменение градостроительного права становится все менее формализованным и публичным, трансформируясь из публичных слушаний в обсуждения и далее в запрос к муниципалитету о возможности тех или иных изменений (Волкова, 2021).

ПЗЗ как обобщенный формат документа был введен в Градостроительный кодекс 2004 года в минимально формализованном виде с основной целью — упростить формализацию среднесрочного планирования и сделать его публичным. Однако такое понимание ПЗЗ было ориентировано на представление о градостроительном регулировании как о материальном и непосредственно действующем и не было ориентировано на переход к процедурному праву. В результате ПЗЗ стали инструментом не только для уточнения долгосрочных целей, отраженных в генеральном плане, но пространством для внесения изменения в документы градостроительного планирования на основании изменения краткосрочных интересов локальных акторов (Семенов, Минаева, 2019).

62

Невозможность обобщить краткосрочные цели на среднесрочную перспективу и согласовать их с долгосрочными целями на уровне документа ПЗЗ была связана с тем, что ПЗЗ не имели правового процессуального статуса и не могли работать как инструмент для дифференциации целей с различным временным горизонтом. На уровне градостроительной документации возможный формат дифференциации планов по степени детальности был предусмотрен за счет материальных норм: размера участка зонирования и степени вариативности установленных регламентов.

Таким образом, ПЗЗ как оператор среднего уровня в практике правоприменения предполагал трансформацию неопределенности планов за счет перевода краткосрочных локальных инициатив в более устойчивый вид материальных норм. Кроме того, изменение материальных норм и ограничений в ПЗЗ требовало соблюдения процедур согласования этих изменений с градостроительными документами других уровней и другим временным горизонтом планирования. Таким образом, функция ПЗЗ как оператора среднего уровня с течением реформы и усложнением процессов согласования все больше смещалась из публичного пространства в непубличные взаимодействия, для соблюдения формального соответствия нормам процедурного права.

Этот процесс снижения роли ПЗЗ как оператора среднего уровня в качестве отдельного формата регулирования и в качестве локальных нормативных актов завершился включением ПЗЗ в «Единый документ», основой которого стал Генеральный план муниципалитета. При этом можно предположить, что введение «Единого

документа» не предполагает полного отказа от результатов градостроительной реформы, но показывает попытку удержать контроль над регулированием за счет вывода обсуждения и формализации краткосрочных изменений из публичной сферы.

Описание российской градостроительной реформы как эксперимента, где ПЗЗ выполняют роль оператора среднего уровня, делает видимыми попытки организовать управление горизонтами планирования и образами будущего. Город и городское планирование в этом случае представляются лишь наиболее явными примерами такой организации временных горизонтов и образов будущего, где социальные практики в меньшей степени зависят от природных и естественных явлений и в большей — подчиняются регулированию.

Заключение

Описание операторов среднего уровня, предложенное Степаном Козловым, позволяет показать, как возможен экспериментальный дизайн социальных исследований и каким образом он работает как инструмент работы с неопределенностью. Возвращение экспериментального дизайна исследований в социологию дает возможность рассматривать теории среднего уровня как важный элемент эмпирически фундированной теоретической коммуникации в социальных науках. Если теории среднего уровня работают в рамках экспериментального дизайна исследований, то и границы социальных явлений, которые они рассматривают, оказываются предметом тестирования. Таким образом, основной задачей теорий среднего уровня выступает описание изменчивости границ социальных явлений.

В то же время описание операторов среднего уровня как элементов экспериментального исследовательского дизайна позволяет операционализировать и уточнить идею срединности, которая может быть связана как с конкретным пространством-между, показывать промежуточный уровень или являться индексальной отсылкой к текучим и скрытым объектам. Предложенные способы формализации срединности показывают, что в рамках конкретного эксперимента определение того, к какому типу срединности относится оператор, является критичным: от этого зависят способ постановки вопроса и экспериментальный дизайн, а также техники его интерпретации.

Наконец, кейс градостроительной реформы как эксперимента показывает, каким образом изменяется форма неопределенности в рамках эксперимента. Сложная структура кейса, сочетающего систему вложенных операторов и различные формы срединности,

делает видимым, как неопределенность будущего на локальном уровне в виде краткосрочных планов трансформируется в неопределенность на уровне материальных норм. Неопределенность материальных норм воплощается в их техническом описании в виде обобщенных зон на картах и гибких регламентов использования. Таким образом, неопределенность трансформируется устойчивым образом, но не за счет линейного перехода между масштабами разного уровня, а за счет преобразования неопределенности, связанной с временным измерением, в неопределенность в описании пространства.

Ситуация перехода неопределенности между временным и пространственным измерением показывает, что анализ операторов среднего уровня позволяет описывать неявные и текучие объекты, не поддающиеся непосредственному наблюдению. При этом кейс градостроительной реформы, где ПЗЗ выступают как сложный оператор среднего уровня, показывает также, что данная концептуализация позволяет смоделировать идеальную сеть взаимодействий в рамках эксперимента. Однако существенным для описания эксперимента является соотнесение этой идеальной модели работы оператора среднего уровня с социальными практиками, в которых она тестируется, а также определение сбоев в работе операторов среднего уровня, которые становятся видимыми в процессе эксперимента.

64

Список источников / References

Айбар Э., Бейкер У. И. (2017) Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны. *Социология власти*, 29 (1), с. 203-232. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-203-232>. EDN: YPKVUI

— Aibar E., Bijker W. I. (2017) Constructing the City: Cerdà's Plan for the Extension of Barcelona. *Sociology of Power*, 29 (1), pp. 203-232. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-203-232>

Алперс С. (2022) *Искусство описания. Голландская живопись в XVII веке*. М.: V-A-C press.

— Alpers S. (2022) *The Art of Description. Dutch Painting in the Seventeenth Century*. Moscow: V-A-C press. (in Russ.)

Бурдые П. (2018) *Номо Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара.

— Bourdieu P. (2018) *Номо Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (in Russ.)

Вебер М. (2017) Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранное*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; с. 19-186.

— Weber M. (2017) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; pp. 19-186. (in Russ.)

Волкова М. (2025) Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные инновации в шаманских организациях. (Комментарий к статье Степана Козлова). *Социология власти*, 2025 (2), с. 32-46.

— Volkova M. (2025) Group Styles as Middle-Level Operators: Situational Innovations in Shamanic Organizations. (Commentary on Stepan Kozlov's Article). *Sociology of Power*, 2025 (2), pp. 32-46. (in Russ.)

Волкова Н. (2021) Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника. *Экономическая социология*, 22(5), с. 54-82. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-55-83>. EDN: VZZYBN

— Volkova N. (2021) Urban Zoning Rules: Legal Variable Technique. *Economic Sociology*, 22(5), pp. 54-82. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-55-83>

Гаазе К., Колозариди П. (2020) Социальные исследования после метода. Запись регулярного семинара Research&Write. (<https://youtu.be/7lQhJaBoT44>)

— Gaaze K., Kolozaridi P. (2020) *Social Research After Method*. Recording of the regular Research&Write workshop. (<https://youtu.be/7lQhJaBoT44>). (in Russ.)

Гриценко Е. В. (2014) В поисках утраченных идеалов: российская муниципальная реформа и опыт Германии. *Сравнительное конституционное обозрение*, 6 (103), с. 17-43. EDN: TEDWQZ

— Gritsenko E. V. (2014) In Search of Lost Ideals: Russian Municipal Reform and German Experience. *Comparative Constitutional Review*, 6 (103), pp. 17-43. (in Russ.)

Козлов С. В. (2025) Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема. *Социология власти*, 2025, (2), с. 12-31.

— Kozlov S. V. (2025) Middle-range operators: The sociology of uncertainty as a gestalt theorem. *Sociology of Power*, 2025, (2), pp. 12-31. (in Russ.)

Косарева Н. Б. (2005) Рынок жилья в России: сегодня и в перспективе. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, (3), с. 24-30. EDN: PFRXBN

— Kosareva N. B. (2005) Housing Market in Russia: Today and in Perspective. *Property Relations in the Russian Federation*, (3), pp. 24-30. (in Russ.)

Косарева Н. Б., Трутнев Э. К. (2003) Роль государства в развитии рынка земли и иной недвижимости. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 7, с. 89-101. EDN: PUNHNB

— Kosareva N. B., Trutnev E. K. (2003) The Role of the State in the Development of Land and Other Real Estate Markets. *Property Relations in the Russian Federation*, 7, pp. 89-101. (in Russ.)

Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А. (2012) Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости. *Социология власти*, (6-7), с. 137-149. EDN: RNIFGP

— Kuznetsov A. G., Shaitanova L. A. (2012) Route Taxi at the Crossroads of Justice Regimes. *Sociology of Power*, (6-7), pp. 137-149. (in Russ.)

Латур Б. (2017) Визуализация и познание: изображая вещи вместе (пер. с англ. М. Маслюковой, М. Расторгуевой, С. Гавриленко). *Логос*, 27(2), с. 95-156. EDN: YMICCL

— Latour B. (2017) Visualization and Cognition: Drawing Things Together (trans. from English by M. Maslyukova, M. Rastorgueva, S. Gavrilenko). *Logos*, 27(2), pp. 95-156. (in Russ.)

Ло Дж., Вахштайн, В. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5 (1), с. 30-42.

— Law J., Vakhshayn V. (2006) Objects and Spaces. *Russian Sociological Review*, 5 (1), pp. 30-42. (in Russ.)

Медушевский А. Н. (2002) Власть и собственность в современной России: принятие Земельного кодекса Российской Федерации. *Конституционное право: восточно-европейское обозрение*. 1, с. 1-13.

— Medushevsky A. N. (2002) Power and Property in Modern Russia: Adoption of the Land Code of the Russian Federation. *Constitutional Law: Eastern European Review*, 1, pp. 1-13. (in Russ.)

Мол А., Писарев А. (2018) Подоплеку и истории. Интервью с Аннмари Мол. В кн.: *Множественное тело. Онтология в медицинской практике* / пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. Пермь: Hyle Press, с. 7-20.

— Mol A., Pisarev A. (2018) Backgrounds and Stories: Interview with Annemarie Mol. In: *The Multiple Body. Ontology in Medical Practice* / trans. from English by V. Guseinova, D. Kozhemyachenko, G. Konovalov. Perm: Hyle Press, pp. 7-20. (in Russ.)

Москалева С. М. (2023) Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008-2021 годы). *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 15(3), с. 31-48. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2>. EDN: CPHWOC

— Moskaleva S. M. (2023) Urban Studies in the Context of Social Transformations of Urban Planning Activities (2008-2021). *Interaction. Interview. Interpretation*, 15(3), pp. 31-48. (in Russ.) <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2>

Раджан Р. Г. (2013) *Линии разлома: скрытые трещины, все еще управляющие мировой экономикой*. М.: Изд. Ин-та Гайдара.

— Rajan R. G. (2013) *Fault Lines: Hidden Fractures Still Governing the World Economy*. Moscow: Gaidar Institute Press. (in Russ.)

Сафарова М. Д. (2021) Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения. *Городские исследования и практики*, 6(2), с. 65-83. <https://doi.org/10.17323/usp62202165-83>. EDN: FRDPQC

— Safarova M. D. (2021) Citizen Participation in Urban Regulation: Theory and Practice of Legislative Support. *Urban Studies and Practices*, 6(2), pp. 65-83. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/usp62202165-83>

Семёнов А. В., Гилёва А. И. (2022) Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма. *Экономическая социология*, 23(4), с. 73-95. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-73-95>. EDN: AYQDRW

— Semenov A. V., Gileva A. I. (2022) Russian Urban Planning Tools from the Perspective of Sociological Institutionalism. *Economic Sociology*, 23(4), pp. 73-95. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-73-95>

Семенов А. В., Минаева Э. Ю. (2019) Стратегические инструменты городского планирования и гражданское участие в России. В *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений* (с. 152-158). Вологда: Вологодский центр РАН. EDN: VASYSQ

— Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2019) Strategic Urban Planning Tools and Civic Participation in Russia. In *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions* (pp. 152-158). Vologda: RAS. (in Russ.)

Филиппов А. Ф. (2002) Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия. *Полития*, 2, с. 97-117.

— Filippov A. F. (2002) Political Sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts. *Politeia*, 2, pp. 97-117. (in Russ.)

Akrich M. (1989) La construction d'un système socio-technique. Esquisse pour une anthropologie des techniques. *Anthropologie et sociétés*, 13(2), pp. 31-54. <https://doi.org/10.7202/015076ar>

Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. (2009) *The Paradox of Scientific Authority: The Role of Scientific Advice in Democracies*. Cambridge, MA: MIT press.

Bourdieu P. (2004) Algerian landing. *Ethnography*, 5(4), pp. 415-443. <https://doi.org/10.1177/1466138104048826>

Bogusz T. (2018) From crisis to experiment: Bourdieu and Dewey on research practice and cooperation. In *Questions of Practice in Philosophy and Social Theory* (pp. 157-175). Routledge.

Borch C., Kornberger M. (2015) Urban commons. *Rethinking the city. Space, materiality and the normative*.

De Laet M., Mol A. (2000) The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology. *Social studies of science*, 30(2), pp. 225-263. <https://doi.org/10.1177/030631200030002002>

Eliasoph N., & Lichterman P. (2003) Culture in interaction. *American Journal of Sociology*, 108(4), pp. 735-794. <https://doi.org/10.1086/367920>

Hart P. (1998) Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. In M. Miller (Ed.), *Novgorod Regional Investment Initiative*. Available at: <http://users.sussex.ac.uk/~ssfa2/death%20of%20socialism%2013-14.pdf> (Accessed 08.03.2023).

Lash S. (1998) Being after time: towards a politics of melancholy. *Journal for Cultural Research*, 2(2-3), pp. 305-319. <https://doi.org/10.1080/14797589809359301>

Law J. (1984) On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India. *The Sociological Review*, 32(S1), pp. 234-263. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1984.tb00114.x>

Law J. (2009) Actor Network Theory and Material Semiotics. In *The New Blackwell Companion to Social Theory*, ed. by B. S. Turner, (pp. 141-158). Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444304992.ch7>

Law J. (2015) What's wrong with a one-world world? *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, 16(1), pp. 126-139. <https://doi.org/10.1080/1600910x.2015.1020066>

Merton R. K. (1936) Puritanism, pietism, and science. *The Sociological Review*, 28(1), pp. 1-30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1936.tb01317.x>

Merton R. K., (1938). *Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England*. New York: Howard Fertig.

Merton R. K. (2007) On Sociological Theories of the Middle Range. In C. Calhoun (Ed.), *Classical Sociological Theory* (pp. 448–459). Waltham, MA: Blackwell.

Mol A., Law J. (1994) Regions, networks and fluids: Anaemia and social topology. *Social studies of science*, 24(4), pp. 641–671. <https://doi.org/10.1177/030631279402400402>

Riley M. W., Merton R. (Ed.) (1963) *Sociological Research*. Vol. 1. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Sapiro G (2022). Structural crises vs. situations of (political) crisis. *Rassegna italiana di Sociologia*, LXIII (2), pp.299–321. <https://dx.doi.org/10.1423/104930>

Shapin S. (1984) Pump and circumstance: Robert Boyle’s literary technology. *Social studies of science*, 14(4), pp. 481–520. <https://doi.org/10.1177/030631284014004001>

Shapin S. (1988) Understanding the Merton thesis. *Isis*, 79(4), pp. 594–605. <https://doi.org/10.1086/354847>

Shapin S., Schaffer S. (2011) *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton University Press.

Wacquant L. (2004) Following Pierre Bourdieu into the field. *Ethnography*, 5(4), pp. 387–414. <https://doi.org/10.1177/1466138104052259>

68 Wacquant L. (1989) Towards a Reflexive Sociology: A Workshop with Pierre Bourdieu. *Sociological Theory*, 7, pp. 26–63. <https://doi.org/10.2307/202061>

Об авторе / About the author

Наталья Алексеевна Волкова — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ). Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. E-mail: chestrek@gmail.com

Natalia A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics). Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. E-mail: chestrek@gmail.com

Неопределенная множественность и множественность неопределенностей: социальная онтология на пересечении (пост) структуралистских интуиций

САБИНА С. БАЛИШЯН

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0002-0770-4054>

Рекомендация для цитирования:

Балишян С. С. (2025) Неопределенная множественность и множественность неопределенностей: социальная онтология на пересечении (пост) структуралистских интуиций. *Социология власти*, 37 (2): 69–84. EDN:

For citation:

Balishyan S. S. (2025) Indeterminate Multiplicity and the Multiplicity of Indeterminacies: Social Ontology at the Intersection of (Post) Structuralist Intuitions. *Sociology of Power*, 37 (2): 69–84.

Поступила в редакцию: 18.01.2025; прошла рецензирование: 09.04.2025; принята в печать: 04.05.2025
Received: 18.01.2025; Revised: 09.04.2025; Accepted: 04.05.2025

© Balishyan S. S., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В статье предлагается рассмотрение понятия неопределенности в качестве центрального элемента социальной онтологии. Через обращение к ресурсам теории дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф утверждается принципиальная невозможность фиксации значений и вытекающая из этого радикальная контингентность социального. Для преодоления ограничения дискурсивной теории в анализе структурных кризисов автор обращается к теории кризиса Пьера Бурдьё, который указывает на роль неопределенности в процессе социальных трансформаций как на уровне полей, так и на уровне индивидуальных траекторий агентов. Кроме того, автор обращается к концепции аксиологических операторов Жизель Сапиро, которая указывает на роль дискурсивных элементов в теории кризисов Бурдьё. Предлагается трехуровневая модель неопределенности, каждый из уровней которой представляет собой разные уровни абстракции мышления о социальном, а именно: (1) уровень индивидуального восприятия агентов, которому соответствует неопределенность будущего из-за несоответствия между ожиданиями и объективной социальной позицией; (2) неопределенность социального пространства в целом в условиях кризиса как «открытого времени»; (3) уровень радикальной контингентности, который предлагает рассматривать неопределенность как

центр воображения о социальном вообще. Утверждается, что социальные изобретения выступают как локальные способы закрепления смыслов и связывания этих различных уровней неопределенности, в особенности через переопределение аксиологических операторов. Автор стремится показать, что понимание взаимодействия этих уровней неопределенности, основанное на теории дискурса, теории кризиса Бурдьё и концепции аксиологических операторов, является ключевым для более комплексной социальной онтологии.

Ключевые слова: социальная неопределенность, теория дискурса, социальные трансформации

Indeterminate Multiplicity and the Multiplicity of Indeterminacies: Social Ontology at the Intersection of (Post) Structuralist Intuitions

Sabina S. Balishyan

Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-0770-4054>

70

Abstract: The article positions the concept of uncertainty as a central element of social ontology. By drawing on the resources of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe's discourse theory, the author argues for the fundamental impossibility of meanings fixation and the resulting radical contingency of the social. To address the limitations of discourse theory in analyzing structural crises, the author turns to Pierre Bourdieu's theory of crisis, which highlights the role of uncertainty in processes of social transformation—both at the level of social fields and in the trajectories of individual agents. Additionally, the article incorporates Gisèle Sapiro's concept of axiological operators, which underscores the role of discursive elements in Bourdieu's theory of crises. The author proposes a three-level model of uncertainty, with each level representing distinct abstract dimensions of thinking about the social: 1) The level of individual agents' perceptions, characterized by uncertainty about the future arising from the mismatch between subjective expectations and objective social positions; 2) The uncertainty of social space as a whole during crises, understood as "open time"; 3) The level of radical contingency, which positions uncertainty as the core of imagining the social as such. The article contends that social inventions act as localized mechanisms for stabilizing meaning and bridging these distinct levels of uncertainty, particularly through the redefinition of axiological operators. The paper seeks to demonstrate that understanding the interplay of these levels of uncertainty—grounded in discourse theory, Bourdieu's crisis theory, and the concept of axiological operators—is key to developing a more comprehensive social ontology.

Keywords: social uncertainty, discourse theory, social transformations

В этом тексте мы проследим, каким образом категория неопределенности объединяет два текста, которые на первый взгляд находятся в совершенно разных теоретических контекстах: *Homo Academicus* Пьера Бурдьё (1984) и *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics* Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф (1985). Эти работы фокусируются на разных вопросах: если Бурдьё проследивает структурную трансформацию поля университета, то Лакло и Муфф отказываются от понятия структур, предлагая «монистическую онтологию» (*monist ontology*) (Jacob, 2021) как основу для теоретизирования и практики левой теории в новых условиях. При этом и *Homo Academicus*, и *Hegemony and Socialist Strategy* предлагают ответы на одни и те же исторические события (хотя в случае второго также оказывается важен «тупик», в который, по мнению авторов, зашло марксистское теоретизирование в середине 1970-х гг. (Laclau, Mouffe, 2001, p. viii). Что характерно — как теория дискурса Лакло и Муфф, так и теория кризисов, для которой предпринятый Бурдьё анализ стал субдисциплинарной классикой, исходя из разных (если не противоположных) доэмпирических установок, в общем смысле отвечают на один и тот же вопрос: каким образом возможна социальная трансформация и последующая за периодом изменений стабилизация.

71

Как указывает Рей-Араухо (Rey-Araújo, 2020), теория дискурса Лакло и Муфф, в качестве базовой предпосылки предлагающая тезис об «онтологической неопределенности любой структуры»¹, не предлагает достаточных концептуальных средств для оценки структурных кризисов — тех кризисов, которые во многом и послужили толчком для написания книги и триггером для переосмысления традиционных марксистских тезисов (см. введение к: (Laclau, 2014)). В ответ на критику, указывающую на недостаток средств анализа структурных трансформаций, Лакло вводит категорию дислокации (*dislocation*). Понятие дислокации описывает невозможность полноценного воспроизводства структуры, таким образом задавая возможность трансформации как таковую. Однако он не объясняет, при каких условиях и какие именно дислокации возможны.

Именно эту связку — между уровнем принципиальной онтологической неопределенности социального, которая приобретает (иллюзорный) характер очевидности в ситуациях нормального структурного воспроизводства, и структурной определенностью и даже предзаданностью, которая переходит в неопределенность в ситуации кризисной трансформации — я и постараюсь раскрыть далее. Обращаясь к теоретическим ресурсам теории кризиса Пьера Бурдьё и его

1 Здесь и далее перевод автора.

описаниям логики социальных трансформаций в *Homo Academicus*, я покажу, что в ее центре, как и в центре работы Лакло и Муфф, находится категория неопределенности, которая в конечном итоге и задает возможность социальной трансформации как таковой. В такой перспективе программы Бурдье и Лакло и Муфф предстают не как противоречащие, а как дополняющие друг друга, работающие на разных уровнях абстракции, объединяющие исследование на уровне дискурса, практик и объективных социальных структур.

Далее мы продемонстрируем, что понятие неопределенности является ключевым моментом теории социальных структур Бурдье. Этому способствует прочтение его теории структурной трансформации как описания изменения объема неопределенности на уровне структур и индивидуальных траекторий агентов и указание на связь социальной дифференциации с уровнем радикальной контингентности на основании аксиологических операторов — тех элементов, которые мы находим у Лакло и Муфф. Кроме того, таким образом возможно объяснить, как могут быть связаны два уровня абстракции, один из которых объясняет логику структурного воспроизводства, а другой задает потенциал к трансформации этой структуры.

72

Неопределенность

Теория дискурса Лакло и Муфф, которая была предложена в труде *Hegemony and Socialist Strategy* (2001/1985) и развита в более поздних работах (Laclau, 1991, 2006, 2014), представляет собой попытку радикальной деэссенциализации марксистской теории (с опорой в том числе на работы Грамши и Альтюссера). Деэссенциализация — исторически необходимая, с точки зрения Лакло и Муфф, в контексте подъема новых общественных движений — достигается за счет понимания политики как дискурсивного феномена, который не зависит от социальных детерминант, а, наоборот, формирует социальные идентичности через практику артикуляции. Артикуляция в контексте теории Лакло и Муфф представляет собой процесс установления отношений между элементами, в ходе которого приобретает значение.

Работа Лакло и Муфф стала классическим примером «пост-структуралистского» — при всей проблематичности этого термина (Angermuller, 2015) — анализа дискурса, который ставит под вопрос существование стабильного социального порядка за пределами языковой (или дискурсивной) реальности.

Рассматривая теорию дискурса, необходимо в первую очередь указать на базовую теоретическую предпосылку, представленную в виде аргумента об онтологическом статусе дискурсивного и поли-

тического (к вопросам о втором мы вернемся позднее). Здесь стоит отметить, что термин *дискурс* в словаре Лакло и Муфф используется в расширенном смысле, выходя за пределы речи и письма: дискурс определяется как «система дифференциальных образований (моментов)» (Laclau, Mouffe, 2001, p. 111). Практика артикуляции, в свою очередь, представляет собой ритуалы, практики, институции, «через которые структурируется дискурсивная формация» (Laclau, Mouffe, 2001, p. 128). Иными словами, практика артикуляции, которая может воспроизводиться как фиксация, так и как дислокация (равно трансформация) значений, отсылает не только к лингвистическим феноменам, но и к материальности институтов, ритуалов и практик, структурирующих дискурсивную формацию (Там же).

Важным для нашей задачи представляется тезис Лакло и Муфф о принципиальной невозможности фиксации значений — и, следовательно, о невозможности финального определения социального. Этот аргумент делает важной категорию контингентности, которая представлена как базовая характеристика формирования социального. Так как Лакло и Муфф отказываются от различия между дискурсивными и недискурсивными практиками (Laclau, Mouffe, 2001, p. 107), каждая социальная практика в той или иной степени представляет собой практику артикуляции, а частичный характер практики артикуляции, следовательно, делает частичной, неполной, неокончательной любую попытку определения социального; отсюда — тезис о «невозможности общества» (Laclau, 1991): «Социальное — это артикуляция постольку, поскольку “общество” невозможно» (Laclau, Mouffe, 2001, p. 114). Категории контингентного и необходимого — последнее «эквивалентно системе дифференциальных позиций в фиксированном пространстве (*sutured space*)» (Там же) — находятся в сложных отношениях, где необходимое представляется как попытка зафиксировать систему реляций. Иными словами, «необходимое существует только как частичное усилие по ограничению контингентного» (Там же).

В контексте теории Лакло и Муфф важны слова *принципиальное* и *финальное*: признавая, что существование в мире радикальной неопределенности было бы невозможно, авторы указывают на возможность временной фиксации значений. Так, они пишут:

«Если социальному не удастся зафиксировать себя в познаваемых и институционализированных формах общества, то социальное существует лишь как усилие по конструированию этого невозможного объекта» (Laclau, Mouffe, 2001, p. 112).

Инструментом этой частичной фиксации являются *узловые точки* (*nodal points*) — привилегированные *моменты* дискурса, вокруг кото-

рых ведется борьба за определение. Практика артикуляции, в свою очередь, представляется как «конструирование узловых точек, которые частично фиксируют значение» (Laclau, Mouffe, 2001, p. 113).

Однако Лакло и Муфф не предлагают удовлетворительного решения вопроса о способах фиксации — пусть и временной — значений, которые существуют в ситуации контингентности. Из-за высокого уровня теоретической сложности теория дискурса Лакло и Муфф с трудом переводится на язык конкретного эмпирического исследования (Jørgensen, Phillips, 2002, p. 24). Я полагаю, что проблема состоит не столько в высоком уровне абстракции, сколько в «плоскости» теории: отказ от внедискурсивных факторов (как способ деэссенциализации марксистского словаря) приводит к тому, что авторы теряют способность описывать конкретные этапы борьбы за означивание¹. Иными словами, отсутствует язык, способный указать, каким образом и в каких условиях неопределенность приобретает характер — как минимум частичной — определенности.

Эту задачу мы попытаемся решить через обращение к логике структурной гомологии как условию синхронизации полей у Бурдье. Гомологии представляются мне условием заданности возможных альянсов, которые в словаре теории дискурса обозначаются понятием *логик эквивалентности*. Теоретический язык Бурдье фокусируется на выявлении логики развития кризиса через синхронизацию полей, описывая, как логика политического поля распространяется на другие поля. Этот процесс открывает возможность для трансформации социального в целом и переопределения логики воспроизводства как на уровне структуры, так и на уровне дискурса.

74

Множественность

В словаре Бурдье множественность полей предполагает множественность позиций подчинения, а значит, задает возможности гомологии: агенты, занимающие подчиненные позиции в различных полях, несмотря на разность габитусов, способны солидаризироваться и объединяться. Гомология всегда остается неполной: разница габитусов и полей, производящих их, сохраняется. При этом даже неполная гомология все же может быть достаточной для эффекта синхронизации, который выражается в совпадении множества кризисов в различных полях и приводит к распространению

¹ Кажется, авторы чувствуют неудовлетворительность этого решения, когда обращаются в четвертой главе к категориям отношений угнетения/доминирования (*relations of oppression/relations of domination*).

кризиса; такова ситуация, которая описана в *Nomo Academicus*. Возможность объединения агентов из разных (суб)полей представляет собой «сходство в различии», «частичное недоразумение»; эти недоразумения — иллюзии полного сходства — «позволяют осмыслить, согласно той же логике, кризисы, присущие другим полям¹, в которых разделения происходят по другим принципам», запуская, таким образом, эффект синхронизации (Бурдьё, 2018, с. 342-343).

Критическая ситуация представляет собой «открытое время, когда любое будущее кажется возможным и именно поэтому отчасти и является таковым» (Бурдьё, 2018, с. 311) — момент, в котором появляется неопределенность более высокого уровня, чем неопределенность индивидуальных траекторий агентов. Важно, что любое будущее лишь *кажется* возможным. Во многом Бурдьё работает над задачей по деэссенциализации социальных трансформаций: кризисы историчны и заданы структурными ограничениями поля, в котором они разворачиваются; задачей, которая напоминает цели Лакло и Муфф.

Здесь стоит сделать отступление и указать на противоречия этих двух теоретических программ на уровне базовых онтологических предпосылок: Лакло наделяет политику онтологическим статусом (Laclau, 2014, p. 8), в то время как для Бурдьё это одно из полей, а распространение его логики на другие (в «нормальной» ситуации — автономные) поля — признак кризиса.

Я предлагаю решить эту проблему через обращение к различию между политическим кризисом и кризисом воспроизводства — двум концептуализациям кризиса, которые выделяет Жизель Сапиро (Sapiro, 2022)² на основании работ Бурдьё. Трансформация значений в том смысле, в котором ее описывают Лакло и Муфф, будет возможна только в ситуации политического кризиса — момента, в котором политическое поле доминирует над всеми другими полями, и его логика и риторика трансформируют неполитические структуры.

Важно, что оба типа кризиса предполагают возникновение «идеологической борьбы вокруг монополии на символическое насилие» (2022, с. 321). Как указывает Сапиро, «политизация является результатом неопределенности, порожденной кризисом, но процесс политизации, в свою очередь, порождает неопределенность» (2022, с. 300). Неопределенность указывает здесь на разбалансировку структур,

1 В контексте *Nomo Academicus* эта цитата относится к синхронизации академического и неакадемического поля, однако в данном случае вопрос, о каком конкретно поле идет речь, не играет роли для описания общей схемы.

2 Русский перевод см. в этом номере.

которые задают «объективные шансы» каждого агента и позволяют предсказывать работы структур. Иными словами, теряется способность предсказывать траекторию агента в рамках этих структур: неопределенность индивидуальной судьбы и шансов агента, которая возникает в результате нарушения логики воспроизводства и сопровождается гистерезисом — рассинхронизацией между ожиданиями агента и его объективными шансами в новой ситуации (2022, с. 303), — является отличительной характеристикой политического кризиса.

Кроме того, Сапиро вводит понятие аксиологических операторов, определяемых как

«Понятия или выражения <...>, которые обеспечивают системы культурных противоположностей, и одновременно их значение и их позицию в иерархии ценностей через пространственные маркеры <...> с моральной коннотацией достойного (digne) и недостойного <...> (indigne)» (2022, с. 317).

76

Как указывает Сапиро, аксиологические операторы функционируют в рамках «идеологической структуры и социальной конфигурации» (2022), в которых им придается значение; для идеологий, в которых аксиологические операторы становятся основными понятиями, и связанных с этими идеологиями нарративов, аксиологические операторы работают по законам синекдохи (2022, с. 317). Иными словами, они приобретают статус аксиологического оператора исключительно в рамках более широкого контекста, который я рискну назвать дискурсом, занимая внутри него привилегированную позицию, что заметно сближает их с понятием узловых точек Лакло и Муффа, и указывая на этот дискурс, как часть указывает на целое.

Отличительной особенностью аксиологических операторов является их центральная позиция в поле идеологического (вос)производства, в котором происходит борьба за право на (пере)определение. Как указывает Сапиро, в ситуации кризиса аксиологические операторы распространяются между полями, внося свой вклад в гармонизацию времени полей и процесс политизации. Право на определение аксиологических операторов является ставкой в символической борьбе и в «нормальные» периоды, но в ситуации кризиса они приобретают особую значимость.

Множественность неопределенностей

В рассмотренных выше теоретических программах мы видим как минимум два уровня неопределенности. Первый уровень связан

с ситуацией гистерезиса: на этом уровне неопределенность касается индивидуальной судьбы агента, и эта неопределенность, в свою очередь, также вносит вклад в развитие кризиса. Эта неопределенность в некоторой степени является интернализированным гистерезисом: субъективное восприятие снижения объективных шансов влияет на стратегии агента. Например, одной из таких стратегий является учеба на новых для французских университетов 1960-х гг. факультетах — социологии и психологии — которая позволяет воспринимать свое будущее как неопределенное, откладывая работу по снижению амбиций — признание невозможности получить то место в поле, которое было возможно и вероятно в докризисной ситуации (Бурдые, 2018, с. 321).

Иной уровень — уровень неопределенности аксиологических операторов — указывает на неопределенность тех дискурсивных элементов, которые играют важную роль в установлении монополии на символическую власть, являющуюся центральной ставкой в ситуации политического кризиса. Борьба за определение аксиологических операторов является непосредственным выражением борьбы за символическую власть. Мы будем называть это уровнем дискурсивной неопределенности. Логика этого уровня, обусловленную фундаментальной невозможностью финальной фиксации значений, описывают Лакло и Муфф.

Я предлагаю трактовать фиксацию значений — не важно, говорим мы об аксиологических операторах или об узловых точках — как способ снижения неопределенности. Для Бурдые примерами снижения неопределенности выступают «узнавание» (т. е. осознание гомологии позиций агентов из двух разных полей) и синхронизация, т. е. совместная выработка агентами двух полей риторической программы для утверждения сходства (как уже отмечалось выше, неполного, так как «за видимостью однородности, создаваемой речами представителей, скрывается разнообразие опытов и выражений» (Бурдые, 2018, с. 355)). Эти союзы формируются на основании социальных диспозиций: для формирования общей программы необходимо хотя бы базовое сходство положения в отношениях доминируемых/доминирующих. Для Лакло и Муфф снижение неопределенности является базовым механизмом существования социального: хотя полная и окончательная фиксация значений невозможна, именно стремление к фиксации задает возможность социального как такового.

Однако остается вопрос, каким образом возможен переход от радикальной контингентности к частичной фиксации. Иными словами, нас интересует, каким образом мог бы выглядеть процесс снижения неопределенности, он же — процесс (пусть и временного) установления значений и формулирования социального.

В качестве ответа я предлагаю рассматривать подходы Бурдье и Лакло и Муфф как три разных уровня абстракции¹.

Объединяя уровни структурного анализа Бурдье и радикальную контингентность Лакло и Муфф через категорию аксиологических операторов, мы получаем возможность работать с тремя уровнями неопределенности, которые представляют собой также разные уровни абстракции мышления о социальном:

1. Уровень индивидуального восприятия агентов. Этому уровню анализа соответствует неопределенность будущего, связанная с рассогласованием ожиданий и объективной социальной позицией. Этот уровень неопределенности схватывается как этнографический гистерезис (Козлов, 2025).
2. Уровень структурного анализа, описываемый понятием гистерезиса (Там же). Здесь мы имеем дело с неопределенностью социального пространства в целом, характеризующей ситуацию кризиса как «открытое время» (Бурдье, 2018, с. 310) (вопрос о возможности такой открытости нам предстоит решить далее). В этом случае мы говорим не о смутности перспектив социальных агентов и сомнительности их ставок в социальной игре, а об открытости социального пространства к изменениям как о ситуации «идеологической диффузии» (Бурдье, 2018, с. 339), перспективе совпадения множества кризисов и последующей синхронизации (Бурдье, 2018, с. 335). Этот взгляд я обозначаю как неопределенность социального пространства в целом.
3. Уровень радикальной контингентности. Этот взгляд, помещающий категорию неопределенности в центр воображения о социальном пространстве, мы и обнаруживаем в работах Лакло, который совершает «тщетную попытку институционализировать невозможный объект: общество» (Laclau, 1991, p. 24), релятивизируя позицию субъекта в системе дискурсов.

Отдельный вопрос состоит в том, как связаны эти уровни. И если вопрос о связи двух первых уровней решается через обращение к операторам среднего уровня (Козлов, 2025), то остается вопрос, каким образом происходит символическая фиксация структуры, переход от радикальной контингентности к порядку. Можно предположить, что ответом на этот вопрос является категория социальных изобретений — локальных способов фиксации, которые «переводят» высокий уровень абстракции и релятивизации в риторические конструкции, вступая, таким образом, в борьбу за символическую

1 Подобное решение предлагает Рей-Араухо в своей попытке реабилитировать политэкономия в глазах дискурс-теоретиков (Rey-Araújo, 2020, p. 191).

власть — переопределение аксиологических операторов. Иными словами, социальные изобретения можно назвать инструментами определения, которые работают на снижение уровня неопределенности и фиксации значений, определяя тот оператор, вокруг которого ведется борьба, и способствуя фиксации значения. Социальное изобретение выполняет роль «фиксатора», снижающего открытость и устанавливающего порядок.

Остается открытым и более интересный вопрос: насколько кризисный момент является по-настоящему открытым к трансформации — настолько ли он радикально открыт, как это представляется в теории дискурса. Я склоняюсь к отрицательному ответу: радикальная открытость становится следствием теоретических выборов Лакло и Муффа, которые отказываются от рассмотрения структурных элементов, обеспечивающих жесткость социальных диспозиций. Так, критический момент — это ситуация, в которой

«все становится возможным (по крайней мере, на первый взгляд), когда перспективы на будущее кажутся по-настоящему открытыми (contingent), будущие события действительно не предопределенными (indeterminate), а данный момент — действительно моментальным, приостановленным, без предполагаемого или предписанного продолжения» (Бурдые, 2018, с. 349).

79

Таким образом, критический момент — это не только возможность изменений, но и иллюзия возможности изменений. Открытость только *кажется* таковой — в ситуации исторического момента с ее историей и структурной предзаданностью логика дальнейших изменений во многом определяется изначальной структурной позицией агентов (как политические взгляды профессоров определяются их позицией в поле университета). Хотя в ситуации критического момента «каждый получает возможность верить, что процессы воспроизводства в данный момент приостановлены и любое будущее возможно для каждого» (Бурдые, 2018, с. 350), я предполагаю, что иллюзия открытости — это результат смешения второго и третьего уровня неопределенности в субъективном восприятии кризиса, которое порождает иллюзию случайности на уровне структуры.

Логика радикальной контингентности на дискурсивном уровне также позволяет прояснить, каким образом работают аксиологические операторы и откуда они черпают свой потенциал к трансформации, позволяющий определить риторические структуры и задать потенциал социальных изобретений в риторическом пространстве. Аксиологические операторы поддаются рефреймингу, следовательно, они обладают потенциалом к открытости наподобие узловых точек дискурса (Sapigo, 2022, p. 318). В таком случае они позволяют указать на уровень, располагающийся над уровнем законов

структурного воспроизводства внутри полей. Можно сделать предположение, что открытость аксиологических операторов является источником иллюзии открытости структуры к изменению. Кроме того, я предполагаю, что эта открытость аксиологических операторов также является фундаментом для создания риторических альянсов на основании структурных гомологий, когда сила риторического объединения скрывает разность опыта.

Важно, что роль аксиологических операторов — и дискурсивного уровня в целом — по-прежнему остается ограниченной социальными структурами: как пишет Бурдье,

«критические дискурсы и демонстрации могут разорвать докисческую связь с социальным миром <...> лишь в той степени, в какой они встречаются в объективной реальности критическое состояние, способное своей собственной логикой расстроить неосознанные ожидания и предположения, образующие основание аисторичной непрерывности восприятий и действий здравого смысла» (Бурдье, 2018, с. 348).

80

Более того, сам кризис ограничивает агентов, заставляя их мыслить в рамках политического поля. Кризис объединяет агентов на основании иных категорий — иных по сравнению с нормальной ситуацией воспроизводства социальных структур (с. 359). Можно сказать, что существование этих специфических категорий является и ограничением теории дискурса, которая в своей базовой метафорике связана с ситуацией политического кризиса и трансформации, а также с кризисом значений, сопровождающим трансформацию. Агентами, «навязывающими» новые «кризисные» категории, становятся обладатели «речевых техник и техник присвоения мест, где произносят эти речи, а также обладателям организационных техник производства единодушия и монополизации смысла и его выражения» (Бурдье, 2018, с. 367). Здесь важно пространственное, материальное (и темпоральное) измерение дискурса: не только сам факт фиксации значения, но и то, где и когда была произведена фиксация. Обращение к материальному измерению дискурса также позволяет уточнить теорию дискурса, указывая, каким образом распределяются «веса» в борьбе за определение значений, и указывает на структурную ограниченность того, какие (группы) агентов в конечном итоге получают больше шансов на установление привилегированных значений и одержат победу в борьбе за символическую власть.

К проблеме распределения весов обращаются Чулиараки и Фейркло, которые критикуют Лакло и Муфф за невозможность объяснения дискурсивных иерархий, т. е. того, почему одни социальные силы обладают большим потенциалом производить изменения артикуляции, чем другие (Chouliaraki, Fairclough, 2009, p. 125). Эти авторы

предлагают объединить структурное и контингентное, возвращая в теорию дискурса социальные структуры (через обращение в том числе к ресурсам теории полей Бурдьё), и указывают на то, что открытость или закрытость дискурсивных практик зависит от социальных позиций агентов, которые в них участвуют. Однако отказ от уровня радикальной контингентности и фокус на уровне практического дискурсивного воспроизводства в конечном итоге не позволяет прояснить, почему значения способны изменяться. Чулиараки и Фейркло указывают на существование набора «потенциалов» — на уровне значения (семантики), формулировки (лексикограмматика) и выражения (Chouliaraki, Fairclough, 2009, p. 140). Вопрос о потенциалах — это как раз и есть вопрос о возможности радикальной контингентности, которая, приобретя недискурсивное изменение, в конечном итоге оказывается условием возможности социального воображения как такового.

Можно предположить, что потенциалы значений представляют собой пограничные ситуации — менее явные во время «нормально-го» состояния поля, более явные в ходе разворачивающегося кризиса. Через связывание разных уровней неопределенности можно предположить, каким образом может осуществляться работа по «связыванию» дискурсивного и структурного измерений, не отказываясь полностью от идеи о дискурсивном доступе к реальности, который предлагают Лакло и Муфф, но уточняя ее. Структуры в конечном итоге тоже описываются, и описываются с определенной позиции — например, позиции исследователя. В «социальных условиях возможности <...> переживания познающего субъекта» (Бурдьё, 2011, с. 23) я вижу снижение уровня структурной неопределенности — ограничения того взгляда, который доступен исследователю.

Эти пограничные случаи представляют собой наиболее интересную точку анализа, потому что мы ставим вопрос иным образом: не как из ничего появляется нечто, а как в нечто отражается ничто. Радикальная контингентность, «проникающая» в ситуации кризиса на уровень структуры, заставляя переосмыслить докризисную ситуацию в социальном пространстве, и задает — через разнообразие моделей описания, которые базово заложены в языке и расширяются в ситуации неопределенности — возможность изменения (которая, как уже было замечено неоднократно, остается по-прежнему ограниченной: в этом смысле радикальная контингентность представляется скорее удобной эвристикой на высоком уровне абстракции, чем формализованным инструментом методического анализа). На уровне агента она становится триггером для переосмысления агентом ситуации неопределенности, в которой он обнаруживает себя во время кризиса, к возможности переосмысления своей позиции. В конечном итоге именно действия — как

и дискурсивные акты — агентов, набор социальных изобретений «на местах» задают потенциал как к повышению, так и к сокращению уровня неопределенности. Радикальная контингентность и структурный гистерезис связаны через локальные действия агентов, работу по снижению неопределенности, которая может отсылать как к борьбе в дискурсивном поле, так и к борьбе за переопределение социальных позиций и социального пространства в целом. Аксиологические операторы, взятые в первую очередь в исторической перспективе, в таком случае представляются аналитическим ресурсом, который, в сочетании с уровнем структурного анализа, позволяет рассматривать ситуации социальных трансформаций как работу по повышению и снижению уровней неопределенности на всех уровнях.

Ситуация кризиса, в таком случае, оказывается «модельным кейсом» для социологии, так как она позволяет проследить стратегии агентов по снижению/повышению уровней неопределенности (я предполагаю, что это единый процесс, рассматриваемый с разных точек зрения). Кроме того, ситуация кризиса открыта для социальных изобретений, которые позволяют эти стратегии реализовывать в ситуации расширения пространства возможного.

82

Остается открытым вопрос, что «запускает» развитие неопределенности. Кажется, что ответ также задан логикой действия агентов поля. Однако перед нами встает тот же вопрос, что и перед теорией дискурса: когда можно сказать, что в борьбе за монополию на определение была одержана победа? Можем ли мы аналитически выделить необходимый «массив» действий, изобретений, произнесенных речей и осуществленных стратегий, которого было бы минимально достаточно для «приоткрытия» пространства радикальной контингентности? Вопрос представляется скорее риторическим: пессимистичный ответ для социальных наук — аналитическое объяснение на исторической дистанции, «двадцать лет спустя».

Заключение

Исходной точкой аргумента стало заключение, что «оторванность» языка теории дискурса от уровня практик препятствует анализу потенциала структур к трансформациям, хотя возможность таких изменений остается принципиально открытой. Важную роль в этом контексте играет категория неопределенности, которая в теории кризисов Бурдье проявляется на уровнях этнографического и структурного гистерезиса. Для углубления анализа была введена категория аксиологических операторов Сапиро, которая расширяет понятийный аппарат Бурдье и сближает его с идеей узловых точек.

Категория неопределенности, как было предложено, может работать на разных уровнях: на уровне индивидуального восприятия агентов, на уровне гистерезиса и на уровне радикальной контингентности.

Список источников / References

Бурдые П. (2011) Включенная объективация (пер. Г. Юдин). *Социологический журнал*, (2), с. 21-38.

— Bourdieu P. (2011) Participant Objectivation (Trans. G. Yudin). *Sociological Journal*, (2), pp. 21-38. (in Russ.)

Бурдые П. (2018) *Homo academicus* (пер. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлев, Д. Ж. Кондов, Е. В. Кочетыгова, О. О. Николаева, Н. В. Савельева). М.: Издательство Института Гайдара.

— Bourdieu P. (2018) *Homo academicus* (Translated by S.M. Gavrilenko, O.M. Zhuravlev, D. Zh. Kondov, E. V. Kochetigova, O. O. Nikolaeva, N. V. Savelieva). Gaidar Institute Publishing. (in Russ.)

Козлов С. В. (2025) Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема. *Социология власти*, 37(2), 12-31.

— Kozlov S. V. (2025) Middle-Range Operators: The Sociology of Uncertainty as a Gestalt Theorem. *Sociology of Power*, 37(2), 12-31. (in Russ.)

Angermuller J. (2015) *Why There is No Poststructuralism in France: The Making of an Intellectual Generation*. London: Bloomsbury.

Chouliaraki L., Fairclough N. (2009) *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Jacobs T. (2021) Institutions and Political Strategy in Post-Marxist Discourse Theory: A Reply to Pedro Rey-Araújo. *Rethinking Marxism*, 33(1), pp. 154-161. <https://doi.org/10.1080/08935696.2020.1847018>

Jørgensen M., Phillips L. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: SAGE Publications.

Laclau E. (1991) The Impossibility of Society. In Kroker A., Kroker M. (Eds.) *Ideology and Power in the Age of Lenin in Ruins* (pp. 21-24). Macmillan Education UK.

Laclau E. (2006) Ideology and post-Marxism. *Journal of Political Ideologies*, 11(2), pp. 103-114. <http://dx.doi.org/10.1080/13569310600687882>

Laclau E. (2014) *The Rhetorical Foundations of Society*. London: Verso Books.

Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Rey-Araújo P. M. (2020) Ernesto Laclau's Oblivion of Political Economy: Capitalism and Institutions in Post-Marxist Discourse Theory. *Rethinking Marxism*, 32(2), pp. 187-206. <https://doi.org/10.1080/08935696.2020.1727257>

Sapiro G. (2022) Structural crises vs. situations of (political) crisis. *Rassegna italiana di Sociologia*, LXIII (2), pp. 299-321. <https://doi.org/10.1423/104930>

Об авторе / About the author

Балишян Сабина Самвеловна — MA in Critical Media Studies, магистрантка МВШСЭН, участница Лаборатории исследований социальных изменений МВШСЭН, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: теория дискурса, рефлексивная социология, социология знания, социология кризисов и трансформаций.

<https://orcid.org/0009-0002-0770-4054>. E-mail: sabinabalishyan@gmail.com

Sabina S. Balishyan — master's student at the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES), and a member of the Laboratory for Social Change Research at MSSSES, Moscow, Russian Federation. Research interests: discourse theory, reflexive sociology, sociology of knowledge, sociology of crises and transformations.

<https://orcid.org/0009-0002-0770-4054>. E-mail: sabinabalishyan@gmail.com

Порядок и изменение в блумерианской социологии: возможности и ограничения

АНТОН И. БАРАНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>

Рекомендация для цитирования:

Баранов А. И. (2025) Порядок и изменение в блумерианской социологии: возможности и ограничения. *Социология власти*, 37 (2): 85-107. EDN:

For citation:

Baranov A. I. (2025) Order and Change in Blumerian Sociology: Opportunities and Constraints. *Sociology of Power*, 37 (2): 85-107.

Поступила в редакцию: 29.12.2024; прошла рецензирование: 20.03.2025; принята в печать: 12.04.2025
Received: 29.12.2024; Revised: 20.03.2025; Accepted: 12.04.2025

© Baranov A. I., 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Внимание символических интеракционистов к спонтанным аспектам социальной нередко рассматривалось критиками как неспособность осмыслить структуру. Статья рассматривает данный вопрос сквозь призму проблемы социальных изменений, то есть проблемы соотношения между порядком и процессом его трансформации. Работа преследует две цели: различить интерпретации изменения в рамках блумерианской социологии; определить, предусматривают ли трактовки изменения существование механизмов их сдерживания. Для обнаружения интерпретаций изменения рассматриваются теоретические основания символического интеракционизма (самовзаимодействие и не/символическое взаимодействие), блумерианская версия области коллективного поведения (элементарные коллективные группировки толпы, массы и публики), интеракционистская макросоциология (идея макроорганизации как сети совместных действий), теория моды и концепция индустриализации как агента социальных изменений), эпистемология (процесс создания понятия) и онтология (реальность как диалектика постоянства и изменения). Утверждается, что блумерианская социология демонстрирует симметричный взгляд на соотношение между порядком и изменением. Вопреки когнитивистскому прочтению символического интеракционизма, важную роль в блумерианской социологии играет взаимодополняемость

символа и аффекта как механизмов поддержания порядка и инициации изменений. Символы и аффекты способны взаимно подкреплять или блокировать действия друг друга. Во всех случаях они могут выступать как источники изменения, так и порядка. Поздняя разработка диалектической онтологии постоянства и изменений фиксирует желание Блумаера представить наиболее общий и фундаментальный взгляд на соотношение между порядком и изменением. Идея сопротивления упрямой реальности становится способом процессуальной реинтерпретации социальной структуры. Противостояние сил порядка и изменения принимает форму непрекращающихся взаимных приспособлений.

Ключевые слова: символический интеракционизм, социальные изменения, структура, постоянство, интерпретация, аффект, сопротивление, мода, индустриализация

Order and Change in Blumerian Sociology: Opportunities and Constraints

Anton I. Baranov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>

86

Abstract: The symbolic interactionists' focus on the spontaneous aspects of sociality has often been seen by critics as a failure of the perspective to comprehend structure. The article examines this issue through the prism of the problem of social change, that is, the problem of the relationship between order and the process of its transformation. The paper pursues two goals: to distinguish the interpretations of change within the framework of Blumerian sociology; to determine whether interpretations of change provide for the existence of mechanisms to contain them. In order to identify interpretations of change, the theoretical foundations of the symbolic interactionist perspective (self-interaction and non-/symbolic interaction), the Blumerian version of the collective behavior domain (elementary collective groupings of crowd, mass, and public), interactionist macrosociology (the idea of macroorganization as a network of joint actions, fashion theory, and the concept of industrialization as an agent of social change), epistemology (process of concept creation), and ontology (reality as a dialectic of persistence and change) are considered. It is argued that Blumerian sociology exhibits a symmetrical view of the relationship between order and change. Contrary to the cognitivist reading of SI, an important role in Blumerian sociology is played by the complementarity of symbol and affect as mechanisms for maintaining order and initiating change. Symbols and affects can mutually reinforce or block each other's activity. In all cases, they can act as sources of change and order. The later development of a dialectical ontology of persistence and change captures Blumer's desire to present the most general and fundamental view of the relationship between order and change. The confrontation of the forces of order and change takes the form of incessant mutual adjustments.

Keywords: symbolic interactionism, social change, structure, persistence, interpretation, affect, definition of situation, fashion, industrialization

Введение: корни блумерианской социологии и проблема изменения

Если теория порядка стремится выявить условия возможности организованной социальной жизни, теория социальных изменений акцентирует внимание на соотношении между порядком и процессом его трансформации. Проблему социальных изменений можно свести к ряду вопросов: что является источником изменения; какие формы могут приобретать изменения; как возможно поддержание порядка в условиях перманентной трансформации; какие изменения влекут за собой разрушение социального порядка?

Функционалистский подход к социальным изменениям обобщил Роберт Мертон (Мертон 1994; Merton 1968). Во-первых, социальные изменения прежде всего понимаются здесь как «структурные изменения», то есть изменения, затрагивающие элементы социальных систем в их взаимосвязи с другими элементами. Во-вторых, для функционализма характерно негативистское понимание изменения в терминах «напряжений» и «дисфункций». Козер замечает, что в основе такого взгляда лежит метафора болезни или патологии¹ (Coser 1956, p. 22; Козер 2000, с. 41). Любое структурное изменение интерпретируется как потенциально способное разрушить существующий социальный порядок. Таким образом, изменение трактуется как отклонение от базовой ситуации равновесия в форме «чистого баланса функциональных последствий». Ключевую проблему такого взгляда намечает сам Мертон (Мертон 1994, с. 417): «...сосредоточивая преимущественное внимание на понятии социального равновесия, не игнорируют ли тем самым функциональные аналитики явление социального неравновесия?» Таким образом, внутри функционалистского лагеря тема неравновесия и конфликта оставалась источником теоретического напряжения.

Тема новизны, процессуальности, эмерджентности и динамики социальной жизни являлась одной из ключевых для прагматистской традиции социальной мысли (Кули 2017; Cooley 1897; Дьюи 2003; Dewey 1920; Мид 2014; Mead 1932; Park 1926; Hughes 1949). Перспектива символического интеракционизма (далее — СИ), созданная Гербертом Блумером, в этом смысле не является исключением. Ее внимание к контекстуально специфичным процессам создания

¹ Про истоки и критику патологистского мышления в американской социологии 20–30-х годов см.: (Миллс 2013; Mills 1943).

и интерпретации значения даже послужило причиной обвинений в «аструктурной предвзятости» (Reynolds & Reynolds 1973; Wood & Wardell 1983). Ло и Боуден отмечают, что представление об ограниченности СИ анализом микроуровня является наиболее частой ошибкой интерпретаторов (Low & Bowden 2020, p. 6). Хотя тезис аструктурной предвзятости не раз оспаривался сторонниками СИ (Maines 1977, 1988; Fine & Kleinman 1983; Musolf 2016; Thomson & Low 2021), Файн и Тавори заключают, что «интеракционизм упустил важную возможность осмыслить структуру в своих собственных терминах», почему современным интеракционистам необходимо инкорпорировать ресурсы иных социологических традиций (Fine & Tavory 2019, p. 460).

Мы предлагаем оригинальный способ оценки чувствительности блумерианского СИ к «твердым» формам социальности, рассматривая этот вопрос с точки зрения адекватности решения проблемы социальных изменений. Блумер иногда допускает противоречивые суждения о природе реальности и степени ее изменчивости. Отрицая отстаиваемое Тернером сходство базовых предпосылок Мида и Парсонса (Turner 1974), он пишет (Blumer et al. 1975, p. 61): «Ни Мид, ни я не приравнивали процесс символического взаимодействия к состоянию непрерывного изменения (flux). Мы признаем, что этот процесс можно изучать и анализировать в форме пропозиций». Моррионе же приводит следующее высказывание Блумера из личной беседы декабря 1985 года (Morgione 2021, p. 41): «От природы, не эпизодически, а от природы, имеет место непрерывное изменение (flux)...». Неопределенность позиции Блумера требует прояснения. Дает ли блумерианская социология столь же асимметричный взгляд на соотношение между упорядоченностью и изменчивостью, как и функциональный анализ в замечании Мертонса? Чтобы изменчивость не препятствовала возможности упорядоченной социальной жизни, необходимо, чтобы каждая интерпретация изменения включала в себя встроенный противовес. Данная работа преследует две ключевые цели:

- 1) различить интерпретации изменения в рамках блумерианской социологии;
- 2) определить, предусматривают ли данные трактовки изменения наличие механизмов их сдерживания.

Особый интерес для данного обсуждения представляет прояснение роли аффекта в инициации изменений и поддержании порядка.

Рефлексивный акт и социальное взаимодействие: обращение со значением и переопределение акта

Ключевой работой «зрелого» Блумера может считаться «Методологическая позиция символического интеракционизма» (Blumer 1986;

Блумер 2017а), в которой выдвигаются постулаты СИ, являющиеся визитной карточкой всей перспективы (2017а, с. 38–39):

1. «Люди действуют в отношении вещей исходя из значений, которые эти вещи для них имеют».
2. «Значение вещей выводится или возникает из социального взаимодействия, в которое человек вступает с окружающими».
3. «Значения используются и преобразуются в ходе интерпретативного процесса, посредством которого человек обращается с вещами, с которыми сталкивается».

Третья посылка СИ открывает основной механизм изменения, который локализуется в интерпретативном процессе, приобретая форму трансформации значений. Блумер отсылает к «триадической природе значений» по Миду (Mead 1962, p. 76, 80), которая предусматривает три аспекта значения (2017а, с. 48): «индикация предполагаемого действия другого», «индикация плана действия актора» и «индикация формирующегося совместного акта». Так, значение жеста служит актерам средством предвосхищения будущей деятельности. Формирование значений оказывается возможно благодаря «обладанию Self», которое заключается в способности делать себя объектом собственных действий (Blumer 1966b; Блумер 2008а). Так, Self выступает одновременно источником социального контроля — «Me» — и спонтанной активности — «I».

89

Аспектам Self соответствуют фазы интерпретативного процесса (2017а, с. 42–43): «указание значимых объектов» и «обращение со значением». Если первая фаза заключается в определении «готовых» значений из ролей других, то фаза обращения со значением подразумевает комплекс возможных операций со значениями, включающий возможность перегруппировки и трансформации значений. Таким образом, интерпретация, лежащая в основе самовзаимодействия, является ключевым аспектом в социальных изменениях (Блумер 2017b, с. 155): «...любое направление социального изменения, коль скоро оно предполагает изменение в человеческом действии, неизбежно опосредовано интерпретацией со стороны людей, затрагиваемых изменением, — изменение проявляется в форме новых ситуаций, в которых людям приходится конструировать новые формы действия».

Блумерианская схема социального взаимодействия сохраняет ту же двухфазовую структуру, но рассматривается уже не с позиции интерпретирующего актора и конструирования индивидуального акта, а в формате взаимообмена между актерами. Тогда социальное взаимодействие превращается в процесс чередования определения и интерпретации, где определение отвечает за передачу значений, включая групповые установки, а интерпретация за идентификацию данных значений (2008а, с. 123). Интерпретация в узком смысле соот-

ветствует первой фазе интерпретативного процесса индивидуального актора, в ходе которого он, принимая роль другого, вычленяет значимые объекты, имеющие отношение к предстоящей линии деятельности. Определение же имплицитно подразумевает, что релевантные объекты (включая значимые для актора жесты другого) уже выделены и начинается фаза обращения со значением, когда актер индицирует другому то направление активности, которое желательно для его собственной линии деятельности. Завершение цикла интерпретативного процесса одного актора становится началом цикла интерпретативного процесса другого. Процесс самовзаимодействия неизбежно вмешивается в протекание социального взаимодействия и определяет его траекторию. Блумер отмечает, что двусторонний процесс определения и интерпретации «...как поддерживает установленные паттерны совместного поведения, так и открывает их для трансформации. Установленные паттерны групповой жизни существуют и сохраняются лишь благодаря постоянному применению одних и тех же схем интерпретации; а такие схемы интерпретации поддерживаются лишь благодаря их постоянному подтверждению определяющими актами других» (2008a, с. 124).

90

Воспроизводимость паттернов действия становится возможной в силу того, что их релевантность наличной ситуации подтверждается определением других, разделяющих имеющуюся схему интерпретации. В ходе самоиндикации актер улавливает эти подтверждения со стороны других, что позволяет ему действовать в соответствии с культурным паттерном. Фаза обращения со значением сводится лишь к принятию и исполнению паттерна, если ничто не вынуждает актора модифицировать значение. Трансформация значения происходит тогда, когда актер перестает получать «подтверждающие определения» (affirmative definitions) других, что может стать причиной разрушения общего определения ситуации. Намеренное отклонение от стандартного паттерна становится средством «переопределения» (redefinition) акта другого (2008a, с. 125). Таким образом, выходя за пределы самовзаимодействия в ходе социального взаимодействия, изменение посредством обращения со значением принимает форму переопределения акта другого.

Элементарное коллективное поведение: амбивалентность выхода из повседневности

Тематика коллективного поведения возникает в американской социологии прежде всего под влиянием работ Парка (Парк 2011; Park 1904, 1927, 1930, 1972). В широком смысле Блумер считает коллективным поведением любую «групповую активность», любую ситуацию, требующую взаимно принаравливать (fitting together) линии

действия отдельных индивидов (Blumer 1946, p. 167). Процесс приравнивания становится возможным благодаря наличию общих ожиданий, которые представляют собой различные формы «социальных определений» или «социальных правил». Однако, поскольку далеко не все коллективное поведение упорядочивается посредством социальных определений, Блумер приходит к различению элементарного/организованного коллективного поведения.

Основным свойством элементарного коллективного поведения является спонтанность или независимость от социальных правил. Оно возникает «в условиях волнений или нарушения обычных форм жизни или жизненных рутин», когда имеющиеся социальные определения по разным причинам оказываются не способны поддерживать старые установки или удовлетворять новые желания (1946, p. 171). Изучение спонтанной групповой активности оказывается подчинено интересу к процессу перехода, поскольку в конечном итоге коллективное поведение определяется как раздел, изучающий процессы формирования «нового социального порядка» посредством «затвердевания новых форм коллективного поведения» (1946, p. 169).

«Круговая реакция», являясь базовой формой взаимодействия в рамках элементарного коллективного поведения, представляет собой «тип взаимной стимуляции, при котором реакция одного индивида воспроизводит стимуляцию, исходящую от другого индивида, и, отражаясь обратно к этому индивиду, усиливает стимуляцию» (1946, p. 170). Процесс формирования «действующей толпы» (acting crowd) как элементарной коллективной группировки основан на реализации механизмов элементарного коллективного поведения, в основе которых лежит простейшая интерстимуляция посредством круговой реакции, запускаемая возбуждающим событием (1946, p. 179-180). Благодаря достижимой таким образом взаимной унификации чувств становится возможно осуществление совместной активности по отношению к цели без ориентации на устоявшиеся социальные правила, место которых занимают импульсы.

Масса отличается от толпы тем, что ее участники не вступают в плотное взаимодействие друг с другом, и поэтому не подвергаются воздействию механизмов элементарного коллективного поведения. Основанием для образования массы служит особый объект интереса, выходящий за пределы привычных определений локальных групповых культур, в которых существует индивид (1946, p. 186). Поскольку в случае массы люди не находятся в тесном контакте друг с другом, спонтанность поведения вовсе не означает потерю самоконтроля. Наоборот, «индивид в массе... склонен к довольно острому самосознанию» (1946, p. 187). Не будучи опосредованной круговой реакцией, реакция члена массы оказывается непосредственно направлена на объект интереса. Индивидуальная активность, вызы-

ваемая объектом интереса, принимает «форму селекции» или выбора альтернативных линий поведения. Массовое поведение может нести угрозу формам социальной организации в тех случаях, когда способы селекции большого количества людей сдвигаются в общем направлении как в случае успешной рекламы (1946, р. 188).

Поведение на публике также предполагает не лишение способности к рефлексии, а усиление критических способностей (1946, р. 190). Публика отличается от массы прежде всего тем, что характеризуется не конвергирующими индивидуальными актами селекции, а конфликтным приспособительным взаимодействием лагерей, занимающих противоположные позиции по конкретному общественному вопросу. Достижение коллективного решения вопроса приводит к единству публики и возможности коллективного действия. Общественное мнение становится «коллективным продуктом», порожденным противостоянием сил (1946, р. 191). Блумер подчеркивает (1946, р. 196): «Появление элементарных коллективных группировок свидетельствует о процессе социальных изменений. Они имеют двойственный характер, подразумевая распад старого и появление нового».

92

Два противоположных способа реагирования на проблемную ситуацию — нейтрализация рефлексии и обострение рефлексии — делят элементарные группировки на два принципиально отличных типа. С одной стороны, мы имеем несимволический тип элементарного коллективного поведения, представленный различными вариациями толп. Они представляют собой радикальный случай отсутствия символического, поскольку возможность интерпретации в них принципиально заблокирована. С другой стороны, есть символический тип элементарного коллективного поведения, выражением которого являются такие группировки, как масса и публика. Неспособность имеющихся в локальной культуре социальных определений разрешить проблему конвенциональным способом влечет не потерю рефлексии, а, наоборот, ее обострение. Несмотря на то что каждый тип элементарных группировок имеет свои отличительные свойства, между ними нет жестких границ. Это означает, что механизмы изменения, действующие в группировках, способны взаимодополнять друг друга, а также перетекать из одних в другие.

Несимволический интеракционизм: аффект как возможность и ограничение

Иная интерпретации нерефлексивного поведения представлена в блумерианской концепции несимволического взаимодействия. Хотя в дискуссии с Бейлзом (Bales 1966) Блумер признает, что сим-

волическое взаимодействие и Self возникают из несимволического взаимодействия (Blumer 1966a, p. 548), чувства в его текстах фигурируют в основном как значимые объекты, которые актер индицирует сам себе и реорганизует, приспособляясь к линиям деятельности других (2008a, с. 122, 124). Это стало причиной критики СИ как перспективы, не учитывающей значимость привычек и эмоций в интеракционных процессах (Baldwin 1988).

Прочтение СИ как когнитивистской теории может быть отчасти скорректировано, если принять во внимание работу о несимволическом взаимодействии (Blumer 1936; Блумер 2008b). Блумер утверждает, что каждая «установка» (attitude) как «тенденция к действию» имеет два аспекта или «фазы» (2008b, с. 140): «аффективную» и «символическую». Каждый из аспектов социальной установки выполняет свою функцию, конституируя установку как цельное образование: символический аспект задает фокус или направленность установки, а аффект обеспечивает «установке живость, движение, силу и напористость». Чувство является «топливом» установки по отношению к объекту, который выделяется процедурой фокусировки на символическом уровне. Так, без символического аспекта оказывается невозможна канализация чувств, помещение их в рамки конкретных объектов, а без чувственного аспекта в принципе не ясно, что будет питать тенденцию к действию. Отсюда вытекает двоякая роль аффективной стороны установки (Ibid.):

«По-видимому, именно аффективный элемент придает установке силу и энергичность, поддерживает ее перед лицом давления и предохраняет ее от изменения. Обыденное словоупотребление, похоже, схватывает признание этого и дает ему выражение в общепринятой идее, что для изменения установки человека надо изменить его чувства».

С одной стороны, чувство обеспечивает устойчивость и стабильность сформированной социальной установки. С другой стороны, только изменение чувства «служит гарантией подлинной трансформации» установки» (2008b, с. 144). Социальные установки являются продуктом взаимодействия (2008b, с. 140). Различение двух фаз установок дифференцирует уровни взаимодействия, в рамках которых возникают эти фазы. Образование чувства оказывается непосредственно связано с «несимволическим» уровнем взаимодействия, поскольку подразумевает неосознанную реакцию на жесты других (2008b, с. 144).

Архитектура несимволического взаимодействия достаточно проста. Она представляет собой «сеть аффективных отношений, работающая (operating) в форме экспрессивной стимуляции и импрессивной реакции» (2008b, с. 145). Каналами высвобождения и не-

преднамеренной передачи аффектов служат невербальные средства коммуникации, включая вокальные средства (интонации, тон, тембр, громкость) и вариации телесного поведения (позы, мимика, характер мышечных движений и т. д.). Рассмотрение просодики в качестве канала выражения экспрессивного поведения недвусмысленно указывает на то, что взаимодействие людей протекает одновременно на чувственном и символическом уровне. Неуправляемость экспрессии может иметь в качестве следствия раскрытие того, что не раскрывается в речи и внешних действиях актора (2008b, с. 142). Импрессивный наблюдатель, в свою очередь, невольно улавливает латентные детали поведения, реагируя на них соответствующим образом.

Особая роль механизма чувственной реакции обнаруживается в феномене «первых впечатлений», которые способны перечеркнуть любую предварительную «символическую оценку» другого и сформировать «основу для нашего суждения» (2008b, с. 141-142). Непосредственность впечатления как спонтанной реакции указывает на то, что такое несимволическое взаимодействие должно протекать в рамках непосредственного контакта лицом-к-лицу, в то время как предварительные схемы интерпретации другого могут быть сформированы еще до всякого телесного соприсутствия. В поле взаимодействия лицом-к-лицу первые впечатления становятся темпорально первичными по отношению к символической оценке другого. Более того, Блумер подчеркивает, что «изменяются они труднее, чем создаются», почему «именно такую организацию (невольных реакций) необходимо менять, когда требуется произвести какое-либо значительное изменение в этих установках» (2008b, с. 142). Таким образом, установка не может быть изменена до тех пор, пока не изменится первоначально сформированное чувство.

Блумер делает сразу несколько замечаний, указывающих на существование ограничений для влияния аффектов. Во-первых, имеется механизм, позволяющий сознательно сопротивляться напору экспрессивного поведения, которое приковывает к себе внимание и вызывает импрессивную реакцию. Блумер называет его «актом решения» (2008b, с. 143). Решение может быть принято только на символическом уровне, поскольку человек в ходе саморефлексии должен для самого себя «оправдать» необходимость торможения чувственной реакции. Акт решения требует значительных усилий и далеко не всегда оказывается возможным. Тем не менее сама возможность сознательной блокировки импрессивной реакции в ответ на экспрессивную стимуляцию отражает ограничение произвола чувств. Во-вторых, Блумер показывает, что социальному кодированию подвергаются оба уровня взаимодействия (2008b, с. 144-145): «...экспрессивное поведение регулируется социальными ко-

дами в такой же степени, как язык или действие (conduct). Говорить об аффективной структуре или ритуале в обществе можно, видимо, с такой же обоснованностью и такой же достоверностью, с какой можно говорить о структуре языка или паттерне значений. Почти каждая стабилизированная социальная ситуация в жизни группы навязывает индивидам некоторую схему аффективного поведения, конформность которой от них ожидается».

Блумер приводит примеры различных стандартизированных обстановок (церковь, кабинет врача, театр и т. д.), в рамках которых «устанавливаются узкие пределы для драмы экспрессивного поведения и навязываются аффективные нормы». Так, сформированная социальная установка включает в себя не только схемы интерпретации символического уровня, но и схемы аффектов, с ними ассоциированные. Поскольку рутинные ситуации определяются на символическом уровне взаимодействия, несимволический уровень оказывается вписан в рамки стандартных определений. Экспрессивная стимуляция другого обеспечивает социальный контроль чувств индивида и способствует сохранности социальной установки, поддерживая живость традиции, ритуала или привычки.

Большая эффективность чувственной трансформации не отменяет возможности преобразования социальной установки на символическом уровне посредством изменения интерпретации. Блумер допускает ситуацию рассинхронизации двух планов взаимодействия, когда схема интерпретации объекта уже изменена, а аффективная структура осталась не затронута изменением (2008b, с. 144). Причина, по которой старая установка не была преобразована полностью, заключается в том, что новая информация была передана по символическим каналам, а несимволические каналы оказались не затронуты. Действующие аффективные нормы остаются адекватными, поскольку продолжают получать экспрессивное подкрепление от других или просто не сталкиваются с сопротивлением. Полная трансформация произойдет, если новая или проблемная ситуация потребует не только нового определения, но и нового чувственного восприятия.

Фазово-уровневая модель, представленная в работе о несимволическом взаимодействии, подразумевает прежде всего рассмотрение роли несимволического в органической связке с символическим. Чувственный контакт здесь, хотя и может блокировать предварительную схему интерпретации, как в случае первых впечатлений, сам служит основой для формирования новой интерпретации. Поэтому мы можем непротиворечивым образом рассматривать несимволическое взаимодействие как форму бессознательного элементарного поведения, которая латентно существует в рамках всех организованных форм.

Итак, мы можем расположить версии обоснования источника изменений на разных полюсах оси «Символ-Аффект». Аффективный полюс допускает развилку: «аффект как подкрепление символа» и «аффект как блокировка символа». В обоих случаях аффект рассматривается одновременно как источник порядка и изменения. Аффект может подкреплять или блокировать как уже сложившуюся, так и новую схему интерпретации. Аналогичная ситуация наблюдается на символическом полюсе: определение ситуации либо органично принимает чувственный фон, либо блокирует его посредством «акта решения».

Блумерианская макросоциология: непредписанные совместные действия, коллективный отбор и нейтральная агентность рамочных структур

96

Возможности трансформации в блумерианской перспективе не ограничены локальными формами рефлексивного и нерефлексивного взаимодействия. Модификации значения, переопределения и аффекты сказываются на более масштабных социальных изменениях. «Совместное действие» (joint action) образует эмерджентное целое, которое нельзя свести к его частям, то есть актам отдельных участников, поскольку именно вовлеченность действующей единицы в процесс приравнивания предоставляет ей особую позицию для осуществления своего акта (2008а, с. 129). Блумер признает, что действия в современном «оседлом обществе» чаще всего имеют «форму повторяющихся шаблонов совместного действия», почему их можно назвать «предустановленными» совместными действиями (2017а, с. 59). Фиксированный характер предустановленных совместных действий поддерживается благодаря «общей идентификации» или определению совместного действия, которое «снабжает каждого участника решающим руководством для направления его акта таким образом, чтобы он встраивался в акты других» (2008а, с. 130). Несмотря на то что благодаря предустановленным совместным действиям появляется возможность образовывать такие стабильные сети действий, как институты (2017а, с. 61), это не избавляет совместные действия от множества «возможностей неопределенности» (2008а, с. 130). В частности, речь идет о возможности возникновения новой ситуации, для которой нет сформированного общего определения, что указывает на существование другого типа совместных действий — «области непредписанного поведения» (2017а, с. 60). Необходимость в непредписанном совместном действии свидетельствует о том, что ситуация не может быть решена в рамках имеющегося паттерна, что вынуждает конструи-

ровать принципиально новые линии поведения. Различение предустановленных и непредписанных совместных действий составляет различие порядка и изменения на макроуровне.

Тем не менее выработка новых линий поведения не отменяет существование прошлого опыта. Так, Блумер обосновывает свой тезис об исторической укорененности совместных действий (2017а, с. 62-63): «...всегда имеется некоторая связь и преемственность с тем, что происходило прежде. Нельзя понять новую форму, не включая знания данной преемственности в анализ этой новой формы». Таким образом, как предустановленные, так и непредписанные совместные действия оказываются исторически укоренены.

В статье Блумера, посвященной феномену моды, наглядно представлен процесс формирования историчности, характеризующий как повторяемые паттерны, так и новые интерпретации (Blumer 1969; Блумер 2008с). Рассматривая парижскую индустрию модной одежды, Блумер приходит к выводу, что «мода устанавливается через процесс свободного отбора из большого числа конкурирующих образцов» (2008с, с. 139). Мода всегда опирается на прошлый опыт моды (2008с, с. 142-143). Преемственность прошлого не обязательно означает его повторение, а может служить отправной точкой его радикального изменения. При разработке новых дизайнов модельеры «подхватывают идеи прошлого, но всегда прогоняют их через фильтр настоящего» (2008с, с. 138). Селективный механизм, обнаруживающийся в основе моды, имеет несколько ключевых функций (2008с, с. 152): функция упорядочивания как «ограничение диапазона изменчивости», функция изменения как «освобождение от прошлого» и функция приспособления как «приготовление к ближайшему будущему».

Несмотря на кажущуюся специфичность концепта «моды», Блумер расширяет область применения данного понятия до универсального значения в конструировании социального порядка в современном обществе (2008с, с. 154). Вся социальность может быть представлена как механизм отбора прошлого, релевантного для настоящего. Эта идея имеет непосредственное отношение к философии времени Мида, в которой настоящее, включающее эмерджентное событие, в результате «отбора» формирует свою версию «заданного прошлого», очерчивающего «ситуацию» появления эмерджентного (Mead 1932; Мид 2014). Детерминизм, выраженный в неотменяемости условий или причин эмерджентного события в заданном прошлом, всегда оказывается неполным (2014, с. 57): «А это значит, что все, что бы ни случилось, даже эмерджентное, случается в детерминирующих условиях... но что эти условия никогда не детерминируют полностью то “что”, которое случится».

Идея ограниченной детерминации раскрывается в блумеровской концепции индустриализации (Blumer 1990). Индустриализация

имеет статус агента социальных изменений, но не является каузальным агентом конкретных форм изменений, в силу чего агентность носит нейтральный характер (1990, р. 54): «...процесс индустриализации является агентом социальных изменений. Говорить о нем как о нейтральном или индетерминированном не значит, что он несущественный или безжизненный. Напротив, его внедрение всегда приводит к некоторой степени и некоторой форме социальных изменений».

Являясь нейтральной по своему характеру, индустриализация становится «чистой рамочной структурой» (bare framework), содержательное наполнение которой определяется локальной конфигурацией взаимодействия социальной обстановки и процесса индустриализации (1990, р. 82). Связь обстановки и процесса индустриализации в форме взаимодействия не позволяет рассматривать их как набор независимых переменных, определяющих характер социальных эффектов. Сама социальная жизнь должна вписаться в рамочную структуру процесса индустриализации посредством приспособления (1990, р. 47).

98 Блумер перечисляет девять точек входа, которые составляют элементы рамочной структуры индустриализации (1990, р. 42-47). Например, необходимость режима индустриальной работы предполагает лишь наличие «рабочей схемы управления», но ничего не говорит о деталях распределения власти и полномочий, методах поддержания контроля и дисциплины, характере «духа управления», царящего на конкретном предприятии, и наличии или отсутствии недовольства персонала по отношению к действующему режиму (1990, р. 66-67). Каждая точка входа предлагает вариацию возможных путей разворачивания социальных изменений. Более того, конкретные воплощения изменения, локализованные на изначальных линиях контакта, имеют тенденцию «устанавливать разветвленные цепочки трансформации», проникающие вглубь групповой жизни, меняя ее целиком (1990, р. 54). Поскольку дальнейшие изменения оказываются связаны с началом цепочки изменений, направление трансформации групповой жизни всегда будет изначально задаваться содержательным наполнением рамочной структуры индустриализации и ее точек входа, вступающими во взаимодействие с разными сферами групповой жизни. Хотя существует универсум потенциально возможных траекторий социальных изменений, их количество не бесконечно: «Несомненно, процесс индустриализации устанавливает ограничения на диапазон альтернативных социальных изменений, которые могут произойти в любой из девяти точек контакта с групповой жизнью» (1990, р. 76).

Ключевым критерием для квалификации общества как традиционного для Блумера служит «паттерн традиционной привязанно-

сти» (pattern of traditional attachment), от которого зависит степень чувствительности общества к инновациям (Blumer 1964, p. 138-139). Чем сильнее ориентация на прошлое, тем менее восприимчивым к трансформациям окажется общество. Блумер рассматривает пять типов реакции традиционного порядка на появление индустриальной системы (1990, p. 88): «отрицающая», «разделяющая» (disjunctive), «ассимилирующая», «поддерживающая» и «разрушающая». Поскольку реакции традиционного порядка не являются ни предзаданными, ни гомогенными, их карьеры могут оказаться чрезвычайно гибкими: одни способы реагирования могут сменяться другими в том числе под воздействием факторов, не редуцируемых к позициям индустриальных и консервативных групп.

Так выстраивается симметрия во взаимодействии индустриализации и социальной обстановки: не только производственный процесс подстраивается под существующую социальную обстановку, но и сама обстановка должна вписаться в базовые требования точек входа.

От эпистемологии к онтологии: формирование понятий и идея социального постоянства

99

В блумерианской эпистемологии проблема изменения закономерно преобразуется в проблему изменения знания. Определяющим вопросом для проблемы изменения знания становится статус понятия в науке и обыденной жизни (Blumer 1931; Блумер 2017с). Акторы, будь то ученые или обыватели, используют понятия для взаимодействия с тем эмпирическим миром, в котором живут и который стремятся изучить. Понятие неотделимо от интерпретации и действия, почему его целесообразнее «рассматривать как фрагмент или эпизод научного акта, а не как отдельную сущность» (2017с, с. 243). Применяя понятия, люди определяют свои ситуации. Здесь мы возвращаемся к сюжету, связанному с различением двух базовых способов контакта с окружающей средой, которые принимают форму «чистого восприятия» и концептуального «понимания» (2017с, с. 244): «Когда восприятия в ситуации недостаточно, ситуация может пониматься определенным образом и человек может действовать исходя из создаваемой концепции. В этом случае понимание исполняет ту же биологическую функцию, что и восприятие: оно способствует новой ориентации, новой организации усилий, новой реализации действия».

Соответственно, понимание как процесс конструирования понятийных схем служит «костылем» в тех проблемных ситуациях, где рутинного восприятия оказывается недостаточно. Однако на этом процесс не заканчивается (Ibid.): «Кроме того, появляясь вследствие разрыва или недостаточности восприятия, понимание,

в свою очередь, вновь сливается с восприятием, т. е. создаваемая концепция будет определять получаемое восприятие или влиять на него. Концепция — не простой заменитель восприятия, а то, что его формирует».

Итак, мы имеем закольцованный процесс «восприятие-понимание-восприятие», где последний переход фиксирует интеграцию новообразованных понятий в повседневный неререфлективный опыт. Это дает более ясную картину взаимосвязи несимволической и символической фазы социальных установок. То, что изменение чувства является «гарантом полной трансформации» установки, подтверждается конечным возвратом на уровень восприятия после создания концепции. Само понимание служит средством формирования конечного восприятия. Важно заметить, что при формообразующем процессе существует как минимум две возможности: полное определение восприятия или частичное влияние. Степень воздействия понимания на восприятие будет определяться качеством самой концепции. Восприятие служит проверкой валидности складывающейся концепции. Цикл образования нового понятия иллюстрирует процесс закрепления упорядоченных паттернов мышления. Их устойчивость обеспечивается взаимоподдержкой схем интерпретации и схем аффектов.

100

Как поясняет Прус, познавательные способности людей открывают им возможность схватывать онтологию, то есть содержательную «чтойность» жизненных миров, в которых они обитают (Прус 2017, с. 7). Поскольку окружающая среда не пассивна, а оказывает сопротивление попыткам познать ее в полноте (в жизненные миры попадают новые объекты, а знакомые объекты могут демонстрировать новые неизвестные ранее свойства), люди вынуждены постоянно оценивать, ставить под сомнение и перепроверять определения и интерпретации объектов своих миров. Это проявляется в главном методологическом требовании Блумера «уважать упрямство данного эмпирического мира» (2017а, с. 67).

Новый виток в мысли Блумера, произошедший в 70-е годы, был связан с разработкой метатеоретического концепта «социальное постоянство» (*social persistence*), определяемого как «сохранение во времени либо форм, либо содержания человеческой групповой жизни» (Morgione 1998, p. 206). Любой анализ изменений в таком случае предполагает выделение «сопротивляющихся и упорствующих сил» (*resisting and persisting forces*) и их функционирования. Так, любой акт сталкивается с риском изменения, и чтобы акт был завершен, необходимо упорство или сопротивление возникающим изменениям (1998, p. 211). Таким образом, реальность становится «продолжающимся эмерджентным процессом, состоящим во взаи-

модействии двух „одновременно” существующих и противостоящих сил» (1998, р. 207).

Ключевой связкой метаперспективы Блумера и его теоретической рамкой служит идея «приспособления» (adjustment). Если в магистерской диссертации концепт призван описать этапы революционного процесса (Moggione 1998, р. 192), то в поздней работе он позволяет разграничить проблемы приспособления разных уровней социальной реальности (1998, р. 214–215):

- 1) личное приспособление (личные проблемы индивида: безработица, скука, старость, развод и др.);
- 2) культурное приспособление (изменение ценностей);
- 3) групповое приспособление (изменение социальной структуры);
- 4) институциональное приспособление (изменения социальных институтов).

Моррионе подчеркивает, что для Блумера «эмерджентность продолжается непрерывно и не ограничена тем, что актерам кажется „новым”» (Moggione 2021, р. 41). Подтверждение тому мы обнаруживаем в переписке с Миллером (Blumer & Miller 2004, р. 149): «Я спрашиваю, применим ли эмерджентный процесс ко всему, что попадает в протекание (passage), даже если данная вещь может сохранять свою прежнюю форму». Расширенный взгляд на эмерджентность находит отражение в двойной функции приспособления как источника постоянства и изменения. Акты действующих единиц можно рассмотреть как разновидности «трансформирующих» и «сохраняющих» приспособлений. Выделение уровней приспособления конкретизирует теорию социальных изменений, позволяя определять, на каком слое социальной реальности происходит противостояние сил. В поздней статье Блумер подкрепляет свою метаперспективу посылками, основанными на философии Мида (Blumer 1980, р. 410; Николаев 2008, с. 139):

- 1) «Есть мир реальности „вне нас” („out there”), который противостоит людям и способен сопротивляться действиям в отношении него».
- 2) «Этот мир реальности становится известен людям только в той форме, в которой он воспринимается людьми».
- 3) «Эта реальность изменяется, когда люди развивают новые восприятия ее».
- 4) «Сопротивление мира восприятиям его служит проверкой достоверности этих восприятий».

Если первый пункт отражает постоянство, выраженное в сопротивлении объектов, то на природу изменений Блумер указывает в третьем пункте. Хотя этот взгляд перекликается с третьим постулатом СИ, здесь процесс изменения переносится из локального интерпретативного процесса на саму природу реальности.

Заключение: многомерность изменения и процессуальность порядка

Опираясь на экспликацию блумеровских теоретических построений, мы можем вывести следующие интерпретации изменения:

1. Рефлексивный акт — изменение как фаза обращения со значением в интерпретативном процессе.
2. Социальное взаимодействие — изменение как переопределение ситуации.
3. Коллективное поведение — изменение как элементарное коллективное поведение.
4. Несимволическое взаимодействие — изменение как аффективная фаза установки.
5. Эпистемология — изменение как переключение между восприятием и пониманием.
6. мода — изменение как коллективный отбор.
7. Индустриализация — изменение как локальная конфигурация взаимодействия производственной системы и социальной обстановки/традиционного порядка.
8. Онтология — изменение как трансформирующее приспособление (взаимодействие постоянства и изменения).

102

Элементарное коллективное поведение предполагает сразу несколько вариантов реализации изменения:

1. Несимволические элементарные группировки (толпы) — изменение как аффективное блокирование символа.
2. Символические элементарные группировки:
 - I. Масса — изменение как острая сознательная селекция.
 - II. Публика — изменение как конфликтное приспособительное взаимодействие.

Все версии изменчивости сходятся в идее приспособительного процесса, который разворачивается на разных уровнях и проявляется в различных формах. Каждая несет в себе амбивалентность приспособления как источника постоянства и изменения. Локализация источника изменения в аффекте предполагает принципиально разные формы воздействия аффекта: «блокирование» или «подкрепление» символа. Блокирование сложившейся интерпретативной схемы в ходе несимволического взаимодействия всегда сопровождается созданием основы для новой схемы интерпретации, тогда как поведение толпы в принципе не допускает интерпретативного процесса. Круговая реакция обеспечивает аффективный контроль над участниками толпы. Если социальные определения будут восстановлены, действие механизма круговой реакции прекратится, а толпа перестанет существовать. Взаимосвязь чувственного восприятия и мышления позволяет при необходимости

формулировать новые понятия, а также отвечает за стабильность устоявшихся концептов.

Символические элементарные группировки, наоборот, характеризуются острым самосознанием перед лицом возникающей проблемы. Если самосознающие индивиды сталкиваются с проблемой анонимно, не контактируя друг с другом, то они формируют массу. Такое самосознание приводит в действие механизм селекции, частный случай функционирования которого можно увидеть в выборе моды. Идея рефлексивного отбора, имеющая основание в мидовской философии времени, становится здесь определяющей и согласуется с локализацией источника изменения в интерпретативном процессе. Публика представляет иной тип сознательной реакции на проблему, предполагающий не индивидуальный выбор, а участие в коллективной дискуссии. В рамках дискуссии дифференцируются группы, отстаивающие альтернативные способы решения проблемы. Спецификация изменения как конфликта противоборствующих групп находит отражение в прагматистской диалектике постоянства и изменения. Блумер связывает данное противостояние с селективным процессом, где постоянство отражает инертное прошлое, а изменение локализовано в настоящем (Moggiore 1998, p. 211-212). Взаимодействие постоянства и изменения превращается во взаимное приспособление прошлого и настоящего. Отрицающая реакция традиционного порядка на точки входа процесса индустриализации отражает этот всеобщий процесс приспособления на конкретном примере (1990, p. 91): «Неизменно, в какой-то степени, возникает сопротивление некоторым из вводимых вещей, и сопротивление может быть эффективным».

103

Блумерианская рамка осмысления изменения показывает, что возможности трансформации порядка всегда до некоторой степени ограничены наличными символами и аффектами, но каждый момент несет новую креативную сборку или конфигурацию старого, рожденную как компромисс между приходящим настоящим и упрямой реальностью прошлого. Идея сопротивления высвечивает процессуальный взгляд на ограничения, отражая симметричную связь между силами порядка и изменения на любых уровнях социальной реальности. Экспликация блумерианских идей демонстрирует, что интеракционизм все же обладает возможностью осмыслять не только социальную динамику, но и социальную статику в своих терминах. Подобная реактуализация забытых элементов классического СИ представляется достойной альтернативой или, по крайней мере, важным дополнением к стремлению интегрировать интеракционизм с иными теоретическими полями для преодоления аструктурной предвзятости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / References

Блумер Г. (2008a) Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (1), с. 118–137. EDN: IBXPDT

— Blumer H. (2008a) Sociological implications of the thought of George Herbert Mead. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (1), pp. 118–137. (in Russ.)

Блумер Г. (2008b) Социальные установки и несимволическое взаимодействие. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (1), с. 138–145. EDN: IBXPED

— Blumer H. (2008b) Social attitudes and non-symbolic interaction. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (1), pp. 138–145. (in Russ.)

Блумер Г. (2008c) Мода: От классовой дифференциации к коллективному отбору. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (2), с. 132–154. EDN: IIZDGT

— Blumer H. (2008c) Fashion: from class differentiation to collective selection. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (2), pp. 132–154. (in Russ.)

104

Блумер Г. (2017a) Методологическая позиция символического интеракционизма. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 37–117). М.: Элементарные формы.

— Blumer H. (2017a) Methodological position of symbolic interactionism. *Symbolic Interactionism*. М.: Elementary Forms, pp. 37–117. (in Russ.)

Блумер Г. (2017b) Общество как символическое взаимодействие. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 141–157). М.: Элементарные формы.

— Blumer H. (2017b) Society as Symbolic Interaction. *Symbolic Interactionism*. М.: Elementary Forms, pp. 141–157. (in Russ.)

Блумер Г. (2017c) Наука без понятий. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 241–259). М.: Элементарные формы.

— Blumer H. (2017c) Science without concepts. *Symbolic Interactionism*, М.: Elementary Forms, pp. 241–259. (in Russ.)

Дьюи Д. (2003) *Реконструкция в философии. Проблемы человека*. М.: Республика. EDN: QWFIPN

— Dewey D. (2003) *Reconstruction in philosophy. Problems of Man*. М.: Respublika. (in Russ.)

Козер Л. (2000) *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс.

— Coser L. A. (2000). *The Functions of Social Conflict*. Ideja-Press. (in Russ.)

Кули Ч. Х. (2017) Процесс социального изменения. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (3), с. 117–134. EDN: ZOGBMV

— Cooley C. H. (2017) The process of social change. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (3), pp. 123–141. (in Russ.)

Мертон Р. К. (1994) Явные и латентные функции. В: Е. И. Кравченко (Сост.), В. И. Добренъков (Ред.), *Американская социологическая мысль: Тексты* (с. 379–448). М.: Изд-во МГУ.

— Merton R. K. (1994) Manifest and latent functions. *American sociological thought: texts*. М.: Izd-vo MGU, pp. 379–448. (in Russ.)

Мид Дж. Г. (2014) *Философия настоящего*. М.: Изд. дом ВШЭ. EDN: ZFPHGR

— Mead G. H. (2014) *Philosophy of the Present*. М.: Изд. дом VShJe. (in Russ.)

Миллс Ч. Р. (2013) Профессиональная идеология социопатологов. *Социологический журнал*, (1), с. 10–35. EDN: QASHWL. <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.361>

— Mills C. W. (2013) The Professional Ideology of Social Pathologists. *Sociological Journal*, (1), pp. 10–35. (in Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.361>

Николаев В. Г. (2008) Символический интеракционизм Герберта Блумера (II): Теоретическая перспектива. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*, (3), с. 133–154. EDN: JJSNHT

— Nikolaev V. G. (2008) Herbert Blumer's Symbolic Interactionism (II): A Theoretical Perspective. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, (3), pp. 133–154. (in Russ.)

Парк Р. Э. (2011) Человеческая природа и коллективное поведение. В: Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 57–65). М.: ИНИОН РАН. EDN: OHJVXK

— Park R. E. (2011) Human nature and collective behavior. *Selected Essays: A collection of translations*, М.: INION RAS, pp. 57–65. (in Russ.)

Прус Р. (2017) Предисловие к русскому изданию. В: Г. Блумер, *Символический интеракционизм* (с. 7–29). М.: Элементарные формы.

Prus R. (2017) Preface to the Russian edition. (*Symbolic Interactionism*). М.: Elementary Forms, pp. 7–29. (in Russ.)

Baldwin J. D. (1988) Habit, Emotion, and Self-Conscious Action. *Sociological Perspectives*, 31(1), pp. 35–57. <http://journals.sagepub.com/doi/10.2307/1388950>

Bales R. F. (1966) Comment on Herbert Blumer's Paper. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 545–547. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/224172>

Blumer H. (1931) Science Without Concepts. *American Journal of Sociology*, 36(4), pp. 515–533. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/215473>

Blumer H. (1936) Social Attitudes and Nonsymbolic Interaction. *Journal of Educational Sociology*, 9(9), pp. 515–523. <https://doi.org/10.2307/2262360>

Blumer H. (1946) Collective behavior. In A. M. Lee (Ed.), *New Outline of the Principles of Sociology* (2nd ed., pp. 165–222). Barnes & Noble.

Blumer H. (1964) Industrialization and the Traditional Order. *Ethics*, 18(106), pp. 138–140.

Blumer H. (1966a) Reply. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 547–548. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/224173>

Blumer H. (1966b) Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 535–544.

Blumer H. (1969) Fashion: From Class Differentiation to Collective Selection. *Sociological Quarterly*, 10(3), pp. 275–291. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1969.tb01292.x>

Blumer H. (1980) Mead and Blumer: The Convergent Methodological Perspectives of Social Behaviorism and Symbolic Interactionism. *American Sociological Review*, 45(3), pp. 409–419. <https://doi.org/10.2307/2095174>

Blumer H. (1986) *Symbolic interactionism: Perspective and method*. University of California Press.

Blumer H. (1990) *Industrialization as an Agent of Social Change: A Critical Analysis*. Routledge.

Blumer H., & Miller D.L. (2004) On George Herbert Mead's contribution to understanding human conduct. In T. J. Morrione (Ed.), *George Herbert Mead and human conduct* (pp. 109–153). AltaMira Press.

Blumer H., Parsons T., & Turner J. H. (1975) Exchange on Turner, „Parsons as a Symbolic Interactionist”. *Sociological Inquiry*, 45(1), pp. 59–68. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-682X.1975.tb01214.x>

Cooley C. H. (1897) The Process of Social Change. *Political Science Quarterly*, 12(1), pp. 63–81. <https://doi.org/10.2307/2140028>

Coser L. A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. Free Press.

106

Dewey J. (1920) *Reconstruction in Philosophy*. Henry Holt and Company.

Fine G. A., & Kleinman S. (1983) Network and Meaning: An Interactionist Approach to Structure. *Symbolic Interaction*, 6(1), pp. 97–110. <https://doi.org/10.1525/si.1983.6.1.97>

Fine G. A., & Tavory I. (2019) Interactionism in the Twenty-First Century: A Letter on Being-in-a-Meaningful-World. *Symbolic Interaction*, 42(3), pp. 457–467. <https://doi.org/10.1002/symb.430>

Hughes E. C. (1949) Social Change and Status Protest: An Essay on the Marginal Man. *Phylon* (1940–1956), 10(1), pp. 58–65. <https://doi.org/10.2307/272218>

Low J., & Bowden G. (2020) An Embattled Yet Enduring Influence: Introduction to a Special Issue on Blumerian Symbolic Interactionism. *Symbolic Interaction*, 43(4), pp. 575–596. <https://doi.org/10.1002/symb.519>

Maines D. R. (1977) Social Organization and Social Structure in Symbolic Interactionist Thought. *Annual Review of Sociology*, 3, pp. 235–259. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.03.080177.001315>

Maines D. R. (1988) Myth, Text, and Interaction Complicity in the Neglect of Blumer's Macrosociology. *Symbolic Interaction*, 11(1), pp. 43–57. <https://doi.org/10.1525/si.1988.11.1.43>

Mead G. H. (1932) *The Philosophy of the Present* (A. E. Murphy, Ed.). The Open Court Company.

Mead G. H. (1962) *Mind, Self & Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist* (C. W. Morris, Ed.). University of Chicago Press.

Merton R. K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. Free Press.

Mills C. W. (1943) The Professional Ideology of Social Pathologists. *American Journal of Sociology*, 49(2), pp. 165–180. <https://doi.org/10.1086/219350>

Morrione T. J. (1998) Persistence and change: Fundamental elements in Herbert Blumer's metatheoretical perspective. In L. Tomasi (Ed.), *The Tradition of the Chicago School of Sociology* (pp. 191-216). Ashgate.

Morrione T. J. (2021) Herbert Blumer, symbolic interactionism, and 21st-century sociology. In D. V. Lehn, N. Ruiz-Junco, & W. J. Gibson (Eds.), *The Routledge international handbook of interactionism*. Routledge.

Musolf G. R. (Ed.) (2016) *The Astructural Bias Charge: Myth or Reality?* (Vol. 46). Emerald Group Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S0163-2396201646>

Park R. E. (1904) *Masse und Publikum: Eine Methodologische und Soziologische Untersuchung*. Lack & Grunau.

Park R. E. (1926) The Concept of Position in Sociology. *Papers and Proceedings of the American Sociological Society*, pp. 1-14.

Park R. E. (1927) Human Nature and Collective Behavior. *American Journal of Sociology*, 32(5), pp. 733-741. <https://doi.org/10.1086/214235>

Park R. E. (1930) Collective behavior. In A. Johnson & E. R. A. Seligman (Eds.), *Encyclopedia of the Social Sciences* (Vol. 3, pp. 631-633). MacMillan.

Park R. E. (1972) *The Crowd and the Public and Other Essays* (H. Elsner, JR., Ed.; C. Elsner, Trans.). University of Chicago Press.

Reynolds J. M., & Reynolds L. T. (1973) Interactionism, complicity, and the astructural bias. *Catalyst*, 7 (Winter), pp. 76-85.

Thomson L., & Low J. (2021) Symbolic interactionism and the myth of astructural bias: A textual defense and illustrative advice. *Canadian Journal of Sociology*, 46(2), pp. 97-120. <https://doi.org/10.29173/cjs29734>

Turner J. H. (1974) Parsons as a Symbolic Interactionist: A Comparison of Action and Interaction Theory. *Sociological Inquiry*, 44(4), pp. 283-294. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.1974.tb01162.x>

Wood M., & Wardell M. L. (1983) G. H. Mead's Social Behaviorism vs. The Astructural Bias of Symbolic Interactionism. *Symbolic Interaction*, 6(1), pp. 85-96. <https://doi.org/10.1525/si.1983.6.1.85>

107

Об авторе / About the author

Баранов Антон Игоревич — аспирант кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Научные интересы: прагматизм, интеракционизм, социальные изменения, история социологии.

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>. E-mail: tohax100@gmail.com

Anton I. Baranov — postgraduate student of Department of General Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: pragmatism, interactionism, social change, history of sociology.

<https://orcid.org/0009-0003-0418-7984>. E-mail: tohax100@gmail.com

К прогнозированию вероятности невооруженной революционной дестабилизации методами машинного обучения

Илья А. МЕДВЕДЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-3451-3790>

АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-3014-2037>

108

Рекомендация для цитирования:

Медведев И. А., Коротаев А. В. (2025)

К прогнозированию вероятности невооруженной революционной дестабилизации методами машинного обучения. *Социология власти*, 37 (2): 108-141.

EDN:

For citation:

Medvedev I. A., Korotayev A. V.

(2025) Towards Forecasting the Probability of Unarmed Revolutionary Destabilization Using Machine Learning Methods.

Sociology of Power, 37 (2): 108-141.

Поступила в редакцию: 14.05.2025;

прошла рецензирование: 19.06.2025;

принята в печать: 28.06.2025

Received: 14.05.2025; Revised:

19.06.2025; Accepted: 28.06.2025

© Medvedev I. A., Korotayev A. V., 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В своей статье авторы предлагают систематический обзор основных способов применения методов машинного обучения, релевантно для политической социологии. Описывается история перехода от использования простых регрессионных моделей к комплексным моделям машинного обучения. Анализируются причины и преимущества такого перехода. Определяются основные способы использования моделей машинного обучения, которыми пользуются в смежных дисциплинах, и приводятся способы их применения к задачам предсказания революционных событий. Рассматривается когорта других исследователей, которые по-своему решали вопрос предсказания политической нестабильности от использования множества регрессионных моделей до применения машинного обучения как классификатора для твитов во время «арабской весны». Приводится расширенное описание основных направлений в области изучения поведения предикторов в моделях машинного обучения. Анализируются кейсы их применения и ограничения, с которыми могут столкнуться исследователи. Авторы приводят описание различных статистических подходов к задаче оценки параметров моделей машинного обучения. На примере анализа моделей, построенных для предсказания

вероятности возникновения невооруженных революционных эпизодов, рассматриваются способы ранжирования параметров модели через оценку решающих деревьев и изменения в результирующей силе моделей. Авторы показывают, как коррелированные переменные могут влиять на полученный результат ранжирования, почему переменные могут при разных системах подсчета их важности оказываться в различных частях рейтинга. Также рассматривается способ определения границы, после которой параметры модели можно рассматривать как статистически значимые. Авторами проводится способ генерализованного представления направления связи различных переменных, с учетом их взаимодействия с другими предикторами, и дается интерпретация полученных результатов с использованием векторов Шепли. Из содержательных результатов проведенных тестов особо следует отметить выявление исключительно мощного эффекта революционных волн в революционных событиях XXI века, притом что в XXI веке эффект глобальных революционных волн оказывается сильнее эффекта волн региональных. Проведенные тесты заставляют предполагать, что особо сильными факторами, значимо повышающими в XXI веке вероятность начала невооруженных революционных выступлений (кроме эффекта революционных волн), являются следующие: высокий уровень политической коррупции, эффект инерции (невооруженные революционные или мощные протестные события в недавнем прошлом), аномалии экономического роста, высокие объемы помощи со стороны США (эффект «железной клетки либерализма» по Д. Риттеру), отсутствие нефтяной ренты, высокая численность населения, высокая продовольственная инфляция, средний уровень экономического развития, продолжительное пребывание первого лица у власти и промежуточный тип политического режима.

Ключевые слова: методология, политическая социология, машинное обучение, невооруженные революции, политическая нестабильность, прогнозирование, вычислительные социальные науки

Towards Forecasting the Probability of Unarmed Revolutionary Destabilization Using Machine Learning Methods

Ilya A. Medvedev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3451-3790>

Andrey V. Korotayev

National Research University Higher School of Economics;
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3014-2037>

Abstract: The authors provide a broad overview of the main applications for machine learning methods in political sociology. They describe history of

the transition from simple regression models to complex machine learning models. The reasons for and benefits of this transition are discussed. The authors identify the main uses of machine learning models in related disciplines and describe how they have been applied to the task of predicting revolutionary episodes. A cohort of other researchers who have tackled the issue of predicting political instability in their own ways, from using multiple regression models to using machine learning as a classifier for tweets during the Arab Spring, is reviewed. An extended description of the main trends in the field of studying predictor behavior in machine learning models is given. Cases of their application and the limitations researchers may face are discussed. The authors describe different statistical approaches to the task of estimating parameters of machine learning models. Using the example of analyzing models built to predict the probability of revolutionary episodes, they discuss ways of ranking model parameters through the estimation of decision trees and changes in the resulting power of models. The authors show how correlated variables can influence the obtained ranking result, why variables can appear in different parts of the ranking under different systems of calculating their importance. The authors also consider the method of determining the boundary after which the model parameters can be considered statistically significant. The authors provide a method of generalized representation of the direction of association of different variables, taking into account their interaction with other predictors, and give an interpretation of the results obtained using Shepley vectors. Among the substantive results of the tests, it is especially worth noting the identification of an exceptionally powerful effect of revolutionary waves in revolutionary events of the 21st century, given that in the 21st century the effect of global revolutionary waves turns out to be stronger than the effect of regional waves. In general, the tests suggest that the following are particularly strong factors that significantly increase the probability of the onset of unarmed revolutionary uprisings in the 21st century (in addition to the effect of revolutionary waves): a high level of political corruption, the effect of inertia (unarmed revolutionary or powerful protest events in the recent past), anomalies in economic growth, high amounts of aid from the United States (the effect of the “iron cage of liberalism” according to Daniel Ritter), the absence of oil rent, high population, high food inflation, middle-income economy, long incumbent duration and an intermediate type of political regime.

Keywords: methodology, political sociology, machine learning, unarmed revolutions, political instability, forecasting, computational social science

Введение

В современном мире политические процессы становятся все более сложными и динамичными, требующими новых подходов к их анализу и прогнозированию. Одним из таких подходов является использование методов машинного обучения, которые позволяют обрабатывать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности. Однако для того, чтобы модели машинного

обучения были эффективными, необходимо правильно оценить их параметры.

За последние 30 лет задача предсказания нестабильности приобретает все более комплексный характер. В конце XX века для анализа значительной части политических процессов использовались описательные статистики, статистические тесты и достаточно простые регрессионные модели (Caves, 1976; Edwards, 1978; King, 1988), но уже к началу XXI века практика анализа и предсказания политических процессов с технической точки зрения заметно продвинулась вперед. В первую очередь это было связано с ростом вычислительных мощностей компьютеров, но также и с развитием статистических методов в социальных науках (Keely, 2008).

Здесь надо отметить, что регрессионное моделирование имеет некоторое количество ограничений, которые значительно усложняют их использование применительно ко многим исследовательским вопросам (Алексеев, 2006). В частности, хотелось бы обратить внимание на проблему анализа комплексных процессов, подверженных влиянию большого количества факторов. Для классических регрессионных моделей достаточно остро стоит вопрос большого количества предикторов; в такой ситуации модели могут значительно завышать показатели своего качества (Lahiri, Monokroussos, Zhao, 2016). В то же время условия, которые должны быть соблюдены для состоятельной оценки с помощью такого рода моделей, достаточно жесткие. В связи с этим для анализа многофакторных процессов начали использовать более продвинутые и сложные регрессионные методы, например, методы байесовского анализа (De Mol, Giannone, Reichlin, 2008).

111

С аналогичной проблемой столкнулись и мы, когда перед нами встал вопрос изучения факторов, влияющих на возникновение революционных событий. Революция является многомерным феноменом, и на ее генезис влияет невероятное множество различных факторов. Аналогичным вопросом задавались также и другие авторы, однако для своего анализа они часто ограничивались достаточно узкой постановкой вопроса, например, задачей исключительно предсказания нестабильности или задачей анализа отдельных факторов (Goldstone et al., 2010; Ulfelder, 2012; Korotayev, Medvedev, Zinkina, 2022). Одновременно и решить задачу построения достаточно качественной модели, способной предсказывать революции, и иметь возможность проанализировать множество факторов до этого пытались всего несколько исследователей (Beissinger, 2022; Blair, Sambanis, 2020). Их работы были в основном сфокусированы на подходе, который использует множество моделей, использующих небольшое количество заранее отобранных переменных, которые достаточно подробно изучались по отдельности.

Но сегодня уже вполне распространенной становится методология, которая позволяет нивелировать достаточно большое количество факторов, осложняющих использование классических регрессионных моделей для анализа широкого спектра факторов. Это модели машинного обучения. В качестве референсного примера (схожего по сложности и многофакторности оказываемого влияния) можно привести задачу предсказания погоды, где достаточно активно начали внедрять схожие методы еще в начале XXI века (Ben Bouallègue, 2024)¹.

Прогнозирование политической нестабильности в том или ином проявлении является одной из ключевых задач в области политической социологии. Оно позволяет выявлять потенциальные угрозы и риски, связанные с политическими, демографическими, экономическими, социальными и иными процессами, и принять меры по их предотвращению или минимизации. Модели машинного обучения могут выявлять скрытые закономерности в данных, которые не очевидны или не видны в классических методах анализа. Это может помочь объяснить глубинные причины политических процессов и предсказать их более точными методами, чем это было доступно в середине XX века. Использование машинного обучения может повысить точность прогнозов политических процессов за счет учета большего количества факторов и анализа больших объемов данных.

112

У моделей машинного обучения есть несколько значительных плюсов, которые отличают их от регрессионных моделей. Например, модели машинного обучения заметно менее чувствительны к скореллированности независимых переменных в модели; поэтому в них значительно слабее ограничения на используемое в них число факторов (Chan et al., 2022). Стоит сказать, что модели машинного обучения применялись в основном для задачи прогнозирования тех или иных факторов и не применялись так активно для задачи ранжирования факторов. В связи с этим не существует сложившихся подходов, которые помогли бы проанализировать, на основе чего модель делает свое предсказание. Для множества случаев применения (что верно также и для методов использования искусственного интеллекта) она оставалась «черным ящиком» (Von Eschenbach, 2021). В своей работе мы хотели бы рассмотреть и сравнить различные способы анализа моделей машинного обучения для решения задачи ранжирования факторов предикторов нестабильности.

¹ Впрочем, сравнение социальных движений с погодой не совсем уместно, поскольку в случае с погодой прогнозы не могут ее изменять.

Основные подходы

Как мы говорили выше, методы с использованием машинного обучения были использованы в социальных науках не сами по себе, а после успешного апробирования в смежных областях. Так, работы в области экономики и демографии показали состоятельность этого метода (Bishop, 2006). Эти исследования в основном ставили перед собой задачу предсказания комплексных процессов. В то же время первые работы с применением машинного обучения для задачи анализа нестабильности начали использоваться применительно к теме «арабской весны» (Joseph et al., 2014). При этом эти работы также были сильно связаны с темой дата-майнинга (*data-mining*). Исследователи использовали полуобученные (*semi-supervised*) модели для классификации твитов и авторов твитов по различным предварительно вручную выделенным категориям. «Арабская весна» показала сильную роль социальных медиа в процессе организации революционных событий (Коротаев, Шишкина, Исаев, 2016; Akaev et al., 2017; AlSayyad, Guvenc, 2015; Bayat, 2017; Beissinger, 2017; Levin et al., 2018; Lotan, 2011). В связи с этим понадобился инструментарий для анализа текстовой информации, в частности, контента из твиттера, так как исследователи выделяли именно его как один из основных факторов среди всех медиа. Анализ текстовой информации с применением машинного обучения использовался не только для анализа и категоризации текстовой информации, но и для задачи предсказания нестабильности. Опираясь на исследования, связывающие протестную активность и наличие выборов в стране в этот год, Тумасьян с коллегами пытались обогатить данные этих моделей дополнительной информацией о характере информационного поля в твиттере за период года до выборов (Tumasjan et al., 2010). Анализ они проводили с помощью регрессионного моделирования, но набор данных был ими собран именно с помощью методов машинного обучения. Проводились также исследования с аналогичным подходом по предсказанию войн на основе новостных статей (Chadefaux, 2014).

Однако оставалась проблема, связанная со значительной степенью неинтерпретируемости логики внутренней работы модели машинного обучения. Анализируя интернациональные конфликты, Голдсмит и его коллеги также обозначают проблему неинтерпретируемости, используя методы машинного обучения «как комплементарный метод к логит-модели» (Goldsmith, Chalup, Quinlan, 2008, p. 750). Упоминается также проблема, связанная с тем, что для работы продвинутых моделей в рамках анализа данных о нестабильности часто требуется значительный объем

данных (Gleditsch, Metternich, 2014). С распространением новой методологии значительно увеличивается и необходимость в различных методах, связанных с анализом моделей машинного обучения. Так, можно выделить два направления анализа: анализ значимости и анализ направления связи. Задача выделения значимости в первую очередь связана с задачей ранжирования независимых переменных, так как ранжированный список позволяет определить, какие переменные можно с уверенностью считать значимыми для предсказания, а какие вносят несущественный вклад (Grömping, 2015; Tang, Liu, 2012). Вторым направлением работ по анализу моделей является определение направления связи между предиктором и зависимой переменной (Боровский, 2015; Sun et al., 2012). Таким образом, перед нами стояла задача по апробации и комбинации методов по анализу различных моделей машинного обучения.

Поговорим чуть подробнее про методы, связанные с определением значимых факторов моделей. Одним из первых и наиболее распространенных методов является оценка важности предикторов (*Feature Importance*). Этот метод используется для оценки параметров вклада каждого из предикторов модели в результат ее работы. Этот метод применяется преимущественно для моделей, построенных на основе дерева решений или родственных ему. При этом можно использовать два основных подхода — по уменьшению ошибки в процессе предсказания модели или по частоте использования переменной в построении деревьев (Baehrens, 2010).

114

Для моделей, построенных на деревьях решений, через анализ того, насколько каждый предиктор уменьшает неопределенность при разбиении данных, вычисляется важность предикторов по уменьшению ошибки. Модель делит данные на основе значений предикторов, чтобы сделать подгруппы максимально гомогенными, и при этом максимизировать различия между ними. Важность признака определяется через сумму уменьшения критерия расщепления, например, энтропии или индекса Джини для всех узлов, где предиктор используется. Выбор критерия расщепления делается в зависимости от характера зависимой переменной. На каждом узле дерева выбирается тот предиктор, который обеспечивает наибольшее уменьшение неопределенности. Чем больше предиктор уменьшает неопределенность, тем выше важность признака. Это позволяет выявить признаки, наибольшим образом влияющие на результаты модели. Важно отметить, что этот метод может быть чувствителен к мультиколлинеарным предикторам, так как при условии сильной корреляции модель может выбирать только один признак из набора скоррелированных метрик, снижая видимую важность других.

Поэтому обычно этим методом пользуются в сочетании с другими способами оценки важности признаков, чтобы получить более полную картину (Altmann, 2010; Nicodemus, 2010; Nirmalraj et al., 2023; Medvedev et al., 2022).

Для оценок, построенных на изменении в функции потерь, оценивается вклад каждого признака в модель машинного обучения путем анализа того, как изменение предикторов модели влияет на ее предсказательную способность. Этот подход использует информацию о том, насколько исключение или изменение значения конкретного предиктора увеличивает или уменьшает ошибку модели. Функция потерь в данном случае — это математическая формула, измеряющая степень отклонения предсказания модели от реального результата, известного нам заранее. В задачах классификации чаще всего применяются такие функции потерь, как *Cross-Entropy*, *AUC*, *PRAUC*. Важно отметить, что оценка через функцию потерь может быть чувствительна к размерности данных, которые мы используем (Muthukumar et al., 2021). Однако этот подход особенно хорошо работает не просто в моделях с деревьями решений, а в ансамблевых моделях с применением градиентного бустинга, где интерпретация важности признаков может быть менее очевидной за счет построения не одного, а целого набора из решающих деревьев. При этом по отдельности каждое из этих деревьев обладает относительно низкой предсказательной силой, но достаточно высокую предсказательную силу они демонстрируют в комплексе (Li, Yang, 2003).

115

Оценки модели по методу случайной переменной необходимы в первую очередь для определения порога значимости переменных в модели. Основная идея метода заключается в добавлении случайно перемешанной переменной в тестовом наборе данных и последующем измерении влияния этого на точность модели; перед этим оценивается производительность модели на тестовом наборе данных без изменений, чтобы получить референсное значение (Yun, 2015). Далее мы проводим оценку важности наших предикторов по любому из вышеописанных методов и получаем границу отсечения, по которой мы способны измерить то, с какой точки мы не можем быть уверены в реальной статистической значимости наших переменных. Этот метод легко интерпретируется и может применяться к различным типам моделей, включая сложные ансамблевые методы. Однако метод может быть чувствителен к выбросам и шуму в данных.

Поговорим теперь про методы оценки направления связи наших предикторов с зависимой переменной. Одним из основных и самых известных является метод с использованием векторов Шепли (*SHAP Values*). Метод становится все более популярным

среди исследователей и практиков, стремящихся получить прозрачные и обоснованные интерпретации моделей машинного обучения. Этот метод оценивает важность признаков, обеспечивая интерпретацию на уровне каждого предсказания. Метод основан на концепции из теории игр, где значения Шепли используются для справедливого распределения выигрыша среди игроков, участвующих в кооперативной игре (Antonini et al., 2024). При использовании этого подхода к машинному обучению «игроками» являются признаки, а «выигрыш» — предсказание модели. При оценке учитываются все возможные комбинации признаков и вычисляется среднее изменение в предсказании модели. Такой подход обеспечивает уникальную интерпретируемость как на уровне каждого отдельного наблюдения, так и для направления связи на уровне усредненных данных. Одной из главных особенностей SHAP является его способность учитывать взаимодействия между признаками. При этом SHAP Values обеспечивают согласованность и точность, что делает оценки, сделанные с помощью данного метода, особенно полезными для сложных моделей, таких как ансамбли деревьев решений, в том числе бустинговые (Hamilton, 2023).

116

Используемые данные и ограничения

Для начала стоит обозначить, какие данные мы будем использовать для наших задач. Так как перед нами базово стояла задача предсказания, то мы использовали максимально широкий спектр данных, которые охватывают большую часть аспектов, влияющих на возникновение революционных событий. В большой степени используемый нами набор пересекается с теми факторами, которые выделяет Бейсинджер в своей книге об анализе различных факторов, влияющих на революции (Beissinger, 2022), а также теми, значимость которых для генезиса революционной дестабилизации была показана нами в наших предыдущих исследованиях (см., например: (Коротаев, Васькин и др., 2017; Коротаев, Исаев и др., 2015; Коротаев, Сойер и др., 2020; Мусиева и др., 2023; Устюжанин, Гринин и др., 2022; Устюжанин, Костин и др., 2023; Устюжанин, Степанищева и др., 2023; Grinin et al., 2019; Korotayev, Issaev et al., 2015; Korotayev, Vaskin et al., 2018; Korotayev, Zhdanov et al., 2025; Kostin, Korotayev, 2024).

Список использованных независимых переменных представлен ниже в таблице 1.

Таблица 1. Используемые параметры в модели
Table 1. Parameters used in the model

Название переменной в БД	Расшифровка	Источник
By_world_main_dv	Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в самой стране)	Собственный подсчет
By_region_main_dv	Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	Собственный подсчет
VDEM_v2x_corr	Индекс политической коррупции	V-Dem
domestic6_8	Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и бунтов в стране	CNTS
gap_GDP_per_capita_growth	Рост ВВП на душу населения, в %	GAP
Us_foreign_aid_obligationsconstant_amount	Помощь со стороны США (в \$)	USAID
WPOil production (TWh)	Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	BritishPetroleum
WB_InflationConsumerPrice	Индекс потребительских цен	World Bank
WPP_All_Sum	Население	World Population Prospects
Polity5_durable	Количество лет с предыдущей смены режима	Polity 5

Название переменной в БД	Расшифровка	Источник
FAO_FoodPriceIndex	Изменение цен на продовольственную корзину, в %	Food Agriculture Organisation
gap_Income_per_person	ВВП на душу населения, в пост. \$ США	GAP
REIGN_Incumbent_duration	Время пребывания первого лица у власти	REIGN
VDEM_v2x_polyarchy	Индекс электоральной демократии (0-1)	V-Dem
Bessinger_percmuslim_plus_WPopReview_muslim_in...	Процент мусульманского населения	(Beissinger, 2022) и UNDP
WPP_15_29_share_15plus	Доля молодежи в возрасте 15–29 лет в численности населения от 15 лет и старше	World Population Prospects
BESS_plus_WB_Urbanization	Урбанизация	(Beissinger, 2022) и World Bank
HDR_BL_sovmest_mys	Среднее число лет обучения	(Barro, Lee, 1996) и Human Development Report
CDetat_total_5yrSum	Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота	CIFP, Coup D'Etat
epg_discriminated_size	Доля дискриминируемого населения	(Wimmer et al., 2009)

118

В то же время у нас имеется значительное количество пропущенных данных, которые могут сильно влиять на работу нашей модели. Чтобы избежать ситуации, когда пропуски в данных могут быть не случайными и приводить к проблеме эндогенности, мы использовали подход по вероятностному заполнению пропусков. Так,

страны с более низким уровнем благосостояния и государственной состоятельности и, соответственно, более низким качеством сбора государственной статистики имеют бóльшую вероятность того, что в их данных могут быть пропуски (Lall, 2016). В качестве основного подхода к заполнению данных использовалась модель Amelia II, учитывающая панельную структуру наших таблиц (Honaker, King, Blackwell, 2011).

Также отдельно стоит сказать об используемой зависимой переменной. Мы используем данные о революционных эпизодах за XXI век (с 2000 года по 2024 год) (Коротаев, Гринин, Устюжанин, 2024). Эта база данных включает в себя информацию о типе тактики протестующих, цели, степени успеха и вооруженности протестующих. Наша база данных содержит более пяти с половиной тысяч строчек данных и состоит из 20 факторов, пропуски в которых заполнены по 50 разным сценариям. Далее все оценки будут приводиться нами по усредненным значениям.

Необходимо особо подчеркнуть, что в тестах, результаты которых мы приводим ниже, в качестве зависимой переменной использованы исключительно невооруженные революционные выступления. Это важная оговорка, так как исследования последних лет (которые можно отнести к пятому поколению исследований революций (Коротаев, Гринин и др., 2025; Grinin, Korotayev, 2024; Korotayev, Grinin et al., 2025; Korotayev, Ustyuzhanin et al., 2025)) убедительно показали, что предикторы начала вооруженных и невооруженных революционных выступлений различаются очень сильно; так что факторы, увеличивающие вероятность начала невооруженных революций, могут снижать вероятность начала вооруженных восстаний, и наоборот (см., например: (Коротаев, Жданов, 2023а; Устюжанин, Жодзишская и др., 2022; Устюжанин, Сумерников и др., 2022; Устюжанин, Коротаев, 2022; Beissinger, 2022; Butcher, Svensson, 2016; Chenoweth, Ulfelder, 2017; Pinckney, RezaeeDaryakenari, 2022)).

Перейдем к непосредственному описанию модели, которую мы используем. Для начала нам необходима была модель, которая построена на основе решающих деревьев с ансамблем, так как они показывают наилучший результат при прочих равных. Под эти критерии подходит достаточно большое количество моделей, но мы решили прибегнуть к моделям с градиентным бустингом, так как мы используем не так много переменных, поэтому имеем возможность применить не самые производительные, но наиболее точные модели. Среди таких моделей можно выделить *AdaBoost*, *XGBoost* и *CatBoost*. Подробнее о причинах выбора модели мы говорили в предыдущих работах (Медведев, Коротаев, 2020), но стоит сказать дополнительно, что для задачи предсказания нестабильности использование *CatBoost* может быть предпочтительным по несколь-

ким причинам. Во-первых, *CatBoost* обладает встроенной поддержкой категориальных признаков, что делает его особенно полезным в контексте анализа социально-экономических и политических данных, где такие признаки часто встречаются. За счет хорошо подобранных стандартных параметров риск переобучения меньше, а модель более устойчива к шуму в данных. Во-вторых, *CatBoost* известен своей высокой производительностью и точностью, особенно на небольших и средних наборах данных. Алгоритм основан на градиентном бустинге, но использует уникальные методы для устранения смещения, вызванного порядком обучения, и для повышения общей стабильности модели. Эти особенности позволяют *CatBoost* эффективно справляться с перекосами и взаимодействиями между признаками, что особенно полезно для задач с исследованием различных факторов.

120

Также среди условий работы нашей модели была кросс-валидация по методу *K-fold*. Одним из базовых принципов работы модели машинного обучения является разбиение выборки на обучающую и тестовую. Тестовая выборка не принимает участия в процессе разбиения параметров модели в деревьях, но на ее основе принимается решение о качестве работы модели. Это защищает нас от так называемой проблемы переобучения. Чтобы получить правильно обобщенный прогноз, на который не влияет эффект разбиения данных, кросс-валидация делит данные на несколько частей, обучает модель на одних данных и проверяет ее на других. Это помогает понять, насколько хорошо модель работает на новых данных и насколько она устойчива к переобучению, при этом проверка происходит путем поочередного перебора всего датасета, попеременно делая тестовой одну из заранее разбитых частей.

При этом для подбора оптимальных параметров мы будем использовать поиск по сетке параметров (*GridSearch*). Этот метод используется в процессе обучения модели, когда такие ее гиперпараметры, как количество деревьев, глубина деревьев, скорость обучения, существенно влияют на производительность и точность предсказаний. *GridSearch* позволяет систематически перебрать все возможные комбинации заданных гиперпараметров и найти наиболее оптимальную конфигурацию, которая минимизирует ошибку модели на валидационном наборе данных. Это критически важно, так как правильная настройка гиперпараметров может значительно улучшить качество предсказаний, избежать переобучения и повысить общую устойчивость модели.

Все вышеописанные операции будут применяться к каждому из 50 прогнозных датасетов с импутацией. Помимо этого, 2023 и 2024 годы мы исключали из тестовой и обучающей выборок и сделали из них отдельный валидационный датасет, на котором

проверяли качество предсказания модели на данных, которые не принимали участия в обучении. Все эти методы требуют много времени и вычислительных ресурсов для обработки данных, а также диапазонной оценки факторов, что усложняет процесс прогнозирования.

Результаты тестирования методов

Рассмотрим теперь полученные нами результаты (см. табл. 2).

Таблица 2. Оценка параметров модели через важность в разбиении данных в деревьях
Table 2. Estimating model parameters via importance in data partitioning in trees

Название переменной	Уровень вклада, в %
Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	7,084
Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	6,907
Индекс политической коррупции	6,628
Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и массовых беспорядков в стране	6,552
Рост ВВП на душу населения, в %	6,351
Помощь со стороны США (в \$)	6,253
Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	5,986
Индекс потребительских цен	5,737
Численность населения	5,677
Количество лет с предыдущей смены режима	5,571
Изменение цен на продовольственную корзину, в %	4,970
ВВП на душу населения, в пост. \$ США	4,608

Название переменной	Уровень вклада, в %
Время пребывания первого лица у власти	4,256
Индекс электоральной демократии (0-1)	4,091
Процент мусульманского населения	3,953
Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в численности населения от 15 лет и старше	3,880
Урбанизация	3,431
Среднее число лет обучения	3,179
Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота	2,765
Доля дискриминируемого населения	2,117

Для начала отметим, что мы не имеем значительно доминирующей переменной, что уже положительно говорит о качестве модели. В то же время снижение уровня вклада идет плавно, без скачков, что дополнительно указывает на состоятельность полученной модели. На первые два места в нашей модели попали переменные, которые отвечают за наличие революционных эпизодов в стране и в мире в конкретный год. Это подчеркивает исключительно высокую значимость феномена революционных волн, которому в рамках пятого поколения теорий революции уделяется очень большое внимание (Beck, 2011, 2014; Beissinger, 2022; Grinin, 2022; Grinin, Grinin, 2022; Grinin et al., 2022; Rozov, 2022). При этом примечательно, что вклад эффекта глобальных революционных волн оказывается даже сильнее эффекта волн региональных, хотя ряд исследований пятого поколения и утверждают, что значимы только лишь региональные волны (Gleditsch, Rivera, 2017). Это дает дополнительные аргументы в пользу утверждений об исключительно высокой значимости глобальных волн в революционных процессах XXI века (Braithwaite et al., 2015; Goldstone et al., 2022; Grinin, 2022; Grinin, Grinin, 2022; Grinin et al., 2022; Issaev, Korotayev, 2022; Голдстоун и др., 2022). Также данный феномен подтверждается и исследованиями в области распространения протестных настроений (*protest diffusion*) (Huang, Boranbay-Akan, Huang, 2019). Стоит также упомянуть, что исследуя такие движения, как *Оссиру*, исследователи сходятся во мнении, что процесс распростра-

нения протестов происходит через интернет и часто не связан с конкретным регионом (Tremayne, 2016; Kavada, 2020).

В то же время примечательно, что в топе факторов оказываются именно те параметры, которые выделялись как одни из сильнейших и при использовании других методов: динамика ВВП (Устюжанин, Жодзишская и др., 2022; Beissinger, 2022; Cebul, Grewal, 2022; Knutsen, 2014; Ustyuzhanin, Sawyer et al., 2023), индекс коррупции (Устюжанин, Костин и др., 2023; Beissinger, 2022), численность населения (Brunnschweiler, Lujala, 2019; Dahl et al., 2021), эффект инерции (Устюжанин, Коротаев, 2022; Albrecht, Koehler, 2020; Braithwaite et al., 2014, 2015; Brooks, White, 2023; Butcher, Svensson, 2016; Dahl et al., 2021), продовольственная инфляция (Жданов, Коротаев, 2024). При этом значимая роль здесь общей инфляции была ранее выявлена с использованием именно методов машинного обучения (Pinckney, RezaeeDaryakenari, 2022).

Посмотрим теперь, какой результат даст разбиение по принципу ухудшения качества результирующей метрики. Обратим внимание, что мы применили два принципа пересчета — с полным исключением переменной из расчета и со случайным перемешиванием ее значений (см. табл. 3).

123

Таблица 3. Оценка параметров модели через изменение в функции оценки. Оба подсчета проранжированы по убыванию вклада
Table 3. Estimation of model parameters via change in the scoring function.
Both estimates are ranked in descending order of contribution

Название переменной	Изменение оценки при исключении	Название переменной	Изменение оценки при рандомизации колонки
Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и бунтов в стране	0,062661	Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	0,009708
Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	0,055752	Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и бунтов в стране	0,006212

Название переменной	Изменение оценки при исключении	Название переменной	Изменение оценки при рандомизации колонки
Индекс потребительских цен	0,04654	Рост ВВП на душу населения, в %	0,003742
Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота	0,04652	Индекс политической коррупции	0,003625
Помощь со стороны США (в \$)	0,038953	Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	0,003286
Количество лет с предыдущей смены режима	0,038932	Количество лет с предыдущей смены режима	0,003222
Доля дискриминируемого населения	0,037925	Помощь со стороны США (в \$)	0,003088
Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в численности населения от 15 лет и старше	0,037637	Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	0,003058
Изменение цен на продовольственную корзину, в %	0,035416	Население	0,002873
Индекс electoralной демократии (0-1)	0,034532	Индекс потребительских цен	0,002832
Население	0,033936	Изменение цен на продовольственную корзину, в %	0,002799

124

Название переменной	Изменение оценки при исключении	Название переменной	Изменение оценки при рандомизации колонки
Рост ВВП на душу населения, в %	0,027418	Время пребывания первого лица у власти	0,002716
Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	0,024724	Индекс электоральной демократии (0-1)	0,002218
Индекс политической коррупции	0,023737	Среднее число лет обучения	0,002171
Процент мусульманского населения	0,023038	ВВП на душу населения, в пост. \$ США	0,001964
ВВП на душу населения, в пост. \$ США	0,020283	Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в численности населения от 15 лет и старше	0,001815
Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	0,0202	Урбанизация	0,001690
Среднее число лет обучения	0,019234	Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота	0,001587
Урбанизация	0,018823	Процент мусульманского населения	0,001573
Время пребывания первого лица у власти	0,007945	Доля дискриминируемого населения	0,000843

Интересно отметить, что наиболее сильным и стабильным фактором оказались усредненные протесты за последние 5 лет, и количество революционных эпизодов в мире. В то же время показатель количества революционных эпизодов в регионе значительно снизился, особенно в версии с исключением его из датасета. Как и предполагалось, фактор региональных революционных волн не так значительно влияет на модель и может быть «абсорбирован» другими переменными и их взаимодействием. Это дает дополнительное подтверждение того, что в XXI веке эффект глобальных революционных волн оказывается сильнее эффекта волн региональных.

Из стабильных факторов также показывает себя количество лет с предыдущей смены режима (что в заметной степени отражает эффект революционной инерции (Коротаев, Жданов, 2023а; Устюжанин, Коротаев, 2022; Albrecht, Koehler, 2020; Braithwaite et al., 2014, 2015; Brooks, White, 2023; Butcher, Svensson, 2016; Dahl et al., 2021)). Интересно, что доля дискриминируемого населения оказывается для оценки с перетасовыванием значений внутри параметра наименее важным фактором, в то время как для исключения он оказывается среди средне-значимых (в какой-то степени это может быть связано с тем обстоятельством, что фактор этот, безусловно, очень важен, но только для одного типа революций, «этно-сепаратистских» (Ustyuzhanin, Korotayev, 2023)). И для того, чтобы окончательно принять решение по списку значимых переменных, проведем нашу операцию с включением случайно сгенерированной переменной в модель и посмотрим, какие из метрик для какой из оценок она исключит (см. табл. 4).

126

Таблица 4. Оценка параметров модели путем добавления случайной нормально распределенной переменной

Table 4. Estimation of model parameters by adding a random normally distributed variable

Топ по исключению из датасета	Топ по рандомизации	Топ по важности при разбиении
Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и бунтов в стране	Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)

Топ по исключению из датасета	Топ по рандомизации	Топ по важности при разбиении
Количество революционных эпизодов в мире в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и бунтов в стране	Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)
Индекс потребительских цен	Рост ВВП на душу населения, в %	Индекс политической коррупции
Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота	Индекс политической коррупции	Усредненные за 5 лет данные о количестве протестов и бунтов в стране
Помощь со стороны США (в \$)	Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	Рост ВВП на душу населения, в %
Количество лет с предыдущей смены режима	Количество лет с предыдущей смены режима	Помощь со стороны США (в \$)
Доля дискриминируемого населения	Помощь со стороны США (в \$)	Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч
Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в численности населения от 15 лет и старше	Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	Индекс потребительских цен
Изменение цен на продовольственную корзину, в %	Население	Население
Индекс электоральной демократии (0-1)	Индекс потребительских цен	Количество лет с предыдущей смены режима
Население	Изменение цен на продовольственную корзину, в %	Изменение цен на продовольственную корзину, в %

Топ по исключению из датасета	Топ по рандомизации	Топ по важности при разбиении
Рост ВВП на душу населения, в %	Время пребывания первого лица у власти	ВВП на душу населения, в пост. \$ США
Количество революционных эпизодов в регионе в исследуемый год (исключены революционные события в стране)	Индекс электоральной демократии (0-1)	Время пребывания первого лица у власти
Индекс политической коррупции	Среднее число лет обучения	Индекс электоральной демократии (0-1)
Процент мусульманского населения	ВВП на душу населения, в пост. \$ США	Процент мусульманского населения
ВВП на душу населения, в пост. \$ США	Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в численности населения от 15 лет и старше	Доля молодежи в возрасте 15-29 лет в численности населения от 15 и старше
Объем добычи нефти и газа, в Твт/ч	Урбанизация	Урбанизация
Среднее число лет обучения	Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота	Среднее число лет обучения
Урбанизация	Процент мусульманского населения	Усредненные за 5 лет перевороты и попытки переворота
Время пребывания первого лица у власти	Доля дискриминируемого населения	Доля дискриминируемого населения

128

Примечательно, что количество незначимых независимых переменных в этом случае оказалось меньше, чем для других моделей. Можно вполне однозначно говорить о высокой важности таких факторов, как: количество революционных эпизодов в мире (эффект глобальных революционных волн), усредненные за пять лет данные

о количестве антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков в стране, численность населения, рост ВВП на душу населения, финансовая помощь со стороны США (о последнем факторе см.: (Kostin, Korotayev, 2024; Medvedev et al., 2022)). Посмотрим теперь более внимательно на усредненные направления связи по некоторым из этих переменных.

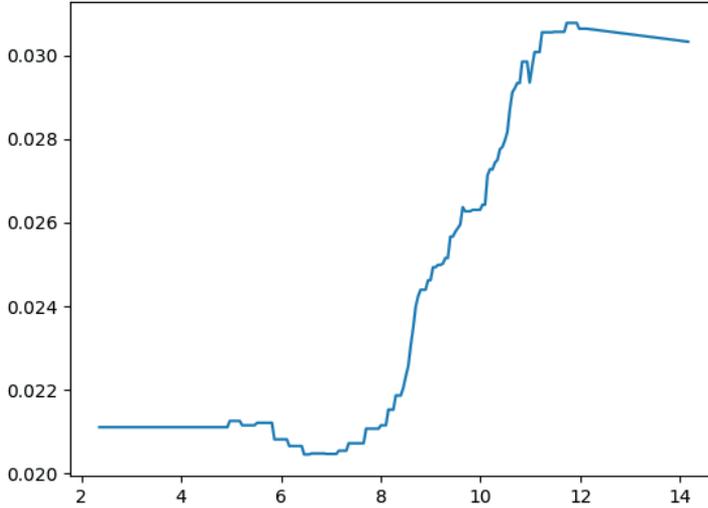

Рис. 1. SHAP Values для численности населения, в тысячах, ln
Fig. 1. SHAP Values for population, in thousands, ln

Как мы видим, высокая численность населения очень заметно увеличивает вероятность невооруженных революционных выступлений, особенно для стран, которые переходят порог в 80 миллионов, при этом показывая стабильно низкий результат для малых стран, что выглядит вполне оправданным, ведь с ростом населения у нас растет и вероятность возникновения того или иного эпизода нестабильности (Dogward, Fox, 2022); чем больше людей, тем больше и потенциальных точек пересечений разных интересов (Cincotta, Weber, 2021; Gleditsch и др., 2021). Как отмечает М. Бейссинджер, «кросс-национальные исследования уже давно показали, что численность населения страны положительно связана с уровнем дестабилизационной активности в ней¹. Причины никогда не были полностью прозрачными, но могут объясняться теорией критической

¹ Отметим, что это подтверждает и целый ряд проведенных нами кросс-национальных исследований (см., например: (Коротаев, Сойер, Гладышев

массы, которая утверждает, что размер населения облегчает мобилизацию, увеличивая вероятность того, что достаточное количество потенциальных участников может иметь необходимое время, ресурсы и мотивацию для участия» (Beissinger, 2022, p. 115).

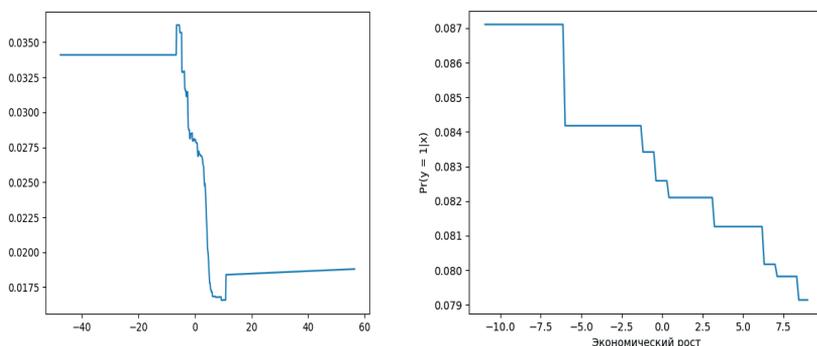

Рис. 2. SHAP Values для годовых темпов роста ВВП на душу населения, %
Слева мы можем видеть полный вид диаграммы. Справа же мы видим только ее часть для диапазона между -10 и 8%

130

Fig. 2. SHAP Values for annual growth rates of GDP per capita, %. On the left we can see the full view of the chart. On the right we see only a part of it for the range between -10 and 8%

Здесь мы видим значительный перекося в сторону стран с резким экономическим ростом или падением. В то же время видим значительный рост для стран с небольшой отрицательной динамикой и резкое падение для стран с динамикой роста около 5-10%. Рост около нуля выступает промежуточным звеном. В целом центральная часть графика, которая не зааффецтена выбросами в данных, выглядит более чем логично и предсказуемо. При этом провоцировать такие выступления может как экономический спад (Cebul, Grewal, 2022; Knutsen, 2014; Shaheen, 2015; Ustyuzhanin, Sawyer et al., 2023; Слав, Коротаев, 2021), так и экономический подъем (Beissinger, 2022; Медведев и др., 2022; Устюжанин, Жодзишская и др., 2022). Более подробно о связи экономического развития и возникновения протестов и революций мы уже писали в своих предыдущих работах (Коротаев, Жданов, 2023; Устюжанин, Михеева и др., 2023; Korotayev, Sawyer, Romanov, 2021).

и др., 2021; Романов и др., 2021; Korotayev, Sawyer et al., 2021; Korotayev, Vaskin et al., 2021)).

1 Со ссылкой на: (Marwell, Oliver, 1993). В применении к революциям см.: (Kurzman, 1996).

Заключение

В данной работе мы показали, каким образом можно применить находки различных исследователей в области социальных наук применительно к задаче ранжирования факторов революционных событий. Мы рассмотрели самые распространенные способы анализа результатов, выдаваемые машинным обучением. В то же время данная область постоянно развивается и появляется множество иных способов использовать модели машинного обучения не просто как «черные ящики», а вытащить из них больше информации о внутренней логике модели. При этом появляется возможность разработки таких моделей, которые не просто являются интерпретируемыми, но и дают возможность прогнозировать будущие риски возникновения нестабильности с большей точностью. Также мы рассмотрели спорный вариант метода с отсечением незначимых переменных, однако в итоге оказалось отсечено небольшое их количество, и многие из них действительно пересекались между собой. Из содержательных результатов проведенных тестов особо следует отметить выявление исключительно мощного эффекта революционных волн в революционных событиях XXI века, притом что в XXI веке эффект глобальных революционных волн оказывается сильнее эффекта волн региональных. В целом проведенные тесты заставляют предполагать, что наиболее сильными факторами, значимо повышающими в XXI веке вероятность начала невооруженных революционных выступлений (кроме эффекта революционных волн), являются следующие: высокий уровень политической коррупции, эффект инерции (невооруженные революционные или мощные протестные события в недавнем прошлом), аномалии экономического роста, высокие объемы помощи со стороны США (эффект «железной клетки либерализма» по Д. Риттеру (Ritter, 2015)), отсутствие нефтяной ренты, высокая численность населения, высокая продовольственная инфляция, средний уровень экономического развития, продолжительное пребывание первого лица у власти и промежуточный тип политического режима.

131

Финансирование / Founding

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

The study was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2025 with the support of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00535).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / References

Алексеев Т. Д. (2016) Анализ последовательностей в социологии: возможности, ограничения и потенциал применения. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, 43, с. 100–127. EDN: WPVYSV

— Alekseev T. D. (2016). Sequence analysis in sociology: possibilities, limitations and application potential. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*, 43, pp. 100–127. (in Russ.)

Боровский А. А. (2015) Перспективы применения технологий машинного обучения к обработке больших массивов исторических данных. *Кибернетика и программирование*, (1), с. 77–114. EDN: TEUTCF. <https://doi.org/10.7256/2306-4196.2015.1.13730>

— Borovsky A. A. (2015) Prospects for the application of machine learning technologies to the processing of large arrays of historical data. *Cybernetics and programming* (1), pp. 77–114. <https://doi.org/10.7256/2306-4196.2015.1.13730> (in Russ.)

Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*, (4), с. 108–119. EDN: DVNOBV. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>

— Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Political Studies*, (4), pp. 108–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09> (in Russ.)

132

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2024) Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ. *Социология власти*, 36 (2), с. 113–141. EDN: NQBWZK. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-113-141>

— Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2024) Inflationary Pressure and Revolutionary Destabilization: Impact Assessment and Comparative Analysis. *Sociology of Power*, 36 (2), pp. 113–141. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-113-141> (in Russ.)

Коротаев А., Васькин И., Билюга С. (2017) Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 16(1), с. 9–49. EDN: YKUXXJ. <https://doi.org/10.17323/1728-192X2017-1-9-49>.

— Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. (2017) Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*, 16(1), pp. 9–49. <https://doi.org/10.17323/1728-192X2017-1-9-49>. (in Russ.)

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Устюжанин В. В. (2024) База данных по революционным событиям XXI века. М.: НИУ ВШЭ. EDN: AVSRLM

— Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2024) *Database of revolutionary events of the 21st century*. Moscow: HSE University, 2024.

Коротаев А., Гринин Л., Устюжанин В., Файн Е. (2025) Пятое поколение исследований революции. Систематический обзор. *Логос*, 35(1), с. 191–316. EDN: RFTSEX. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-1-193-296>

— Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. (2025) The Fifth Generation of Revolution Studies. A Systematic Review. *Logos*, 35(1), pp. 191-316. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-1-193-296>. (in Russ.)

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023а) Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации. Опыт систематического обзора. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (3), с. 149-171. EDN: NAZUCB. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171>

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023a) Quantitative analysis of political factors of revolutionary destabilization. A systematic review. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 108(1), pp. 64-87. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171>. (in Russ.)

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023б) Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти*, 35(1), с. 118-159. EDN: VKRMWA. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-118-159>

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023b) A Quantitative Analysis of Economic Factors of Revolutionary Destabilization: Results and Prospects. *Sociology of Power*, 35(1), pp. 118-159. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-118-159>. (in Russ.)

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. (2015) Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. *Социологические исследования*, (8), с. 119-127. EDN: UFZJFZ

— Korotayev A., Isaev L., Vasilev A. (2015) Quantitative Analysis of 2013-2014 Revolutionary Wave. *Sociological Studies*, (8), pp. 119-127. (in Russ.)

Коротаев А. В., Сойер П. С., Гринин Л. Е., Шишкина А. Р., Романов Д. М. (2020) Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных. *Социологический журнал*, 26(4), с. 61-78. EDN: SCFFV. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642>

— Korotayev A., Sawyer P., Grinin L., Romanov D., Shishkina A. (2020) Socio-economic development and anti-government protests in light of a new quantitative analysis of global databases. *Sociological Journal*, 26(4), pp. 61-78. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642>. (in Russ.)

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. (2016) Арабская весна как триггер глобального фазового перехода. *Полис. Политические исследования*, (3), с. 108-122. EDN: VWPTBL. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.09>

— Korotayev A. V., Shishkina A. R., Isaev L. M. (2016) The Arab Spring as a trigger of the global phase transition. *Polis. Political Studies*, (3), pp. 108-122. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.09> (in Russ.)

Медведев И. А., Коротаев А. В. (2020) К построению индекса социально-политической дестабилизации в различных мир-системных зонах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 11, с. 433-454. EDN: JHNTO

— Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2020) Towards the construction of an index of socio-political destabilization in various world-system zones. *Systematic monitoring of global and regional risks*, 11, pp. 433-454. (in Russ.)

Мусиева Д. М., Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2023) Субъективное благополучие и революционная дестабилизация. Опыт количественного анализа. *Социология власти*, 35 (3), с. 57–94. EDN: IYBOUU. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-3-57-94>

— Musieva J. M., Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2023) Subjective Wellbeing and Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 35 (3), pp. 57–94. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-3-57-94>. (in Russ.)

Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022) Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (1), с. 50–71. EDN: TIZIXP. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71>

— Ustyuzhanin V., Grinin L., Medvedev I., Korotayev A. (2022) Education and Revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 104(1), pp. 50–71. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71>. (in Russ.)

Устюжанин В. В., Жодзишская П. А., Коротаев А. В. (2022) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций. Опыт количественного анализа. *Социологический журнал*, 28(4), с. 34–59. EDN: VEVEEC. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314>

134

— Ustyuzhanin V., Zhodzishskaya P., Korotayev A. (2022) Demographic Factors as Predictors of Revolutionary Situations: Experience in Quantitative Analysis. *Sociological Journal*, 28(4), pp. 34–59. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314>. (in Russ.)

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2022) Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13, с. 192–226. EDN: ADTXLI. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07

— Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2022) Regression modeling of armed and unarmed revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability. *Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 13, pp. 211–244. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07. (in Russ.)

Устюжанин В. В., Костин М. С., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2023) Коррупция и революционная дестабилизация: опыт количественного анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3), с. 53–99. EDN: YTNMDC. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.3>

— Ustyuzhanin V., Kostin M., Grinin L., Korotayev A. (2023) Corruption and revolutionary destabilization: quantitative research experience. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 26(3), pp. 53–99. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.3>. (in Russ.)

Устюжанин В. В., Михеева В. А., Сумерников И. А., Коротаев А. В. (2023) Экономические истоки революций: связь между ВВП и рисками революционных выступлений. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (1), с. 64–87. EDN: VRPOVO. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87>

- Ustyuzhanin V., Mikheeva V., Sumernikov E., Korotayev A. (2023) Economic Origins of Revolutions: the link between GDP and revolutionary risks. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 108(1), pp. 64–87. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87>. (in Russ.)
- Устюжанин В., Степанищева Я., Галлямова А., Гринин Л., Коротаев А. (2023) Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 22(1), с. 98–128. EDN: WSZVDJ. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2023-1-98-128>
- Ustyuzhanin V., Stepanishcheva Y., Gallyamova A., Grinin L., Korotayev A. (2023). Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*, 22(1), pp. 98–128. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2023-1-98-128>. (in Russ.)
- Устюжанин В. В., Сумерников И. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования*, (10), с. 85–95. EDN: WSMVJE. <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8>
- Ustyuzhanin V. V., Sumernikov E. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2022). Urbanization and Revolutions: a Quantitative Analysis. *Sociological Studies*, (10), pp. 85–95. <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8>. (in Russ.)
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017) Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change*, 116, pp. 316–321. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.009>
- Albrecht H., Koehler K. (2020) Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes. *International Area Studies Review*, 23(2), pp. 135–159. <https://doi.org/10.1177/2233865920909611>
- ALSayyad N., Guvenc M. (2015) Virtual uprisings: on the interaction of new social media, traditional media coverage and urban space during the “Arab Spring”. *Urban Studies*, 52(11), pp. 2018–2034. <https://doi.org/10.1177/0042098013505881>
- Altmann A. et al. (2010) Permutation importance: a corrected feature importance measure. *Bioinformatics*, 26(10), pp. 1340–1347. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btq134>
- Antonini A. S. et al. (2024) Machine Learning model interpretability using SHAP values: Application to Igneous Rock Classification task. *Applied Computing and Geosciences*. 2024, #100178. <https://doi.org/10.1016/j.acags.2024.100178>
- Baehrens D. et al. (2010) How to explain individual classification decisions. *The Journal of Machine Learning Research*, 11, pp. 1803–1831.
- Bayat A. (2017) *Revolution without revolutionaries: Making sense of the Arab Spring*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Beck C. J. (2011) The world-cultural origins of revolutionary waves: five centuries of European contention. *Social Science History*, 35(2), pp. 167–207. <https://doi.org/10.1017/S0145553200011482>
- Beck C. J. (2014) Reflections on the revolutionary wave in 2011. *Theory and Society*, 43, pp. 197–223. <https://doi.org/10.1007/s11186-014-9213-8>

Beissinger M. R. (2017) "Conventional" and "virtual" civil societies in autocratic regimes. *Comparative Politics*, 49(3), pp. 351–371. <http://dx.doi.org/10.5129/001041517820934267>

Beissinger M. R. (2022) *The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ben Bouallègue Z. et al. (2024) The Rise of Data-Driven Weather Forecasting: A First Statistical Assessment of Machine Learning-Based Weather Forecasts in an Operational-Like Context. *Bulletin of the American Meteorological Society*, 105(6), pp. 864–883. <https://doi.org/10.1175/BAMS-D-23-0162.1>

Blair R. A., Sambanis N. (2020) Forecasting civil wars: Theory and structure in an age of "big data" and machine learning. *Journal of Conflict Resolution*, 64(10), pp. 1885–1915. <https://doi.org/10.1177/0022002720918923>

Braithwaite A., Braithwaite J. M., Kucik J. (2015) The conditioning effect of protest history on the emulation of nonviolent conflict. *Journal of Peace Research*, 52(6), pp. 697–711. <https://doi.org/10.1177/0022343315593993>

Braithwaite A., Kucik J., Maves J. (2014) The costs of domestic political unrest. *International Studies Quarterly*, 58(3), pp. 489–500. <https://doi.org/10.1111/isqu.12061>

Brooks R., White P. B. (2023) The military before the march: Civil-military grand bargains and the emergence of nonviolent resistance in autocracies. *Journal of Peace Research*, 61(6), pp. 1002–1018. <https://doi.org/10.1177/00223433231180921>

136

Brunnschweiler C. N., Lujala P. (2019) Economic backwardness and social tension. *The Scandinavian Journal of Economics*, 121(2), pp. 482–516. <https://doi.org/10.1111/sjoe.12281>

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing dissent: Modernization and the onset of major nonviolent resistance campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60(2), pp. 311–339. <https://doi.org/10.1177/0022002714541843>

Caves R. E. (1976) Economic models of political choice: Canada's tariff structure. *Canadian Journal of Economics*, 9(2), pp. 278–300. <https://doi.org/10.2307/134522>

Cebul M. D., Grewal S. (2022) Military conscription and nonviolent resistance. *Comparative Political Studies*, 55(13), pp. 2217–2249. <https://doi.org/10.1177/00104140211066209>

Chadefaux T. (2023) An automated pattern recognition system for conflict. *Journal of Computational Science*, 72, pp. 102–114. <https://doi.org/10.1016/j.jocs.2023.102074>

Chadefaux T. (2014) Early warning signals for war in the news. *Journal of Peace Research*, 51(1), pp. 5–18. <https://doi.org/10.1177/0022343313507302>

Chan J. Y. L. et al. (2022) Mitigating the multicollinearity problem and its machine learning approach: a review. *Mathematics*, 10(8), pp. 1283–1291. <http://dx.doi.org/10.3390/math10081283>

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can structural conditions explain the onset of nonviolent uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61(2), pp. 298–324. <https://doi.org/10.1177/0022002715576574>

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., González B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal*, 16(1), pp. 1–25. <https://doi.org/10.15355/epsj.16.1.5>

De Mol C., Giannone D., Reichlin L. (2008) Forecasting using a large number of predictors: Is Bayesian shrinkage a valid alternative to principal components? *Journal of Econometrics*, 146(2), pp. 318-328. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2008.08.011>

Dorward N., Fox S. (2022) Population pressure, political institutions, and protests: A multilevel analysis of protest events in African cities. *Political Geography*, 99, pp. 102-111. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2022.102762>

Edwards P.K. (1978) Time Series Regression Models of Strike Activity: A Reconsideration with American Data. *British Journal of Industrial Relations*, 16(3), pp. 47-62. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.1978.tb00289.x>

Gleditsch K.S., Metternich N.W., Ruggeri A. (2014) Data and progress in peace and conflict research. *Journal of Peace Research*, 51(2), pp. 301-314. <https://doi.org/10.1177/0022343313496803>

Goldsmith B.E., Chalup S.K., Quinlan M.J. (2008) Regime type and international conflict: towards a general model. *Journal of Peace Research*, 45(6), pp. 743-763. <https://doi.org/10.1177/0022343308096154>

Goldstone J.A. et al. (2010) A global model for forecasting political instability. *American journal of political science*, 54(1), pp. 190-208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x>

Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In: J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 1-34). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_1

Grinin L. (2022) On revolutionary waves since the 16th century. In: J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 389-411). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_13

Grinin L., Grinin A. (2022) Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century // In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 315-388). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_12

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2022) 20th century revolutions: characteristics, types, and waves. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1), pp. 1-13. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01120-9>.

Grinin L., Korotayev A. (2024) Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? *Critical Sociology*, 50(6), pp. 1039-1067. <https://doi.org/10.1177/08969205241245215>

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2019) *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-91077-2>

Grömping U. (2015) Variable importance in regression models. *Wiley interdisciplinary reviews: Computational statistics*, 7(2), pp. 137-152. <https://doi.org/10.1002/wics.1346>

Hamilton R. I., Papadopoulos P. N. (2023) Using SHAP values and machine learning to

understand trends in the transient stability limit. *IEEE Transactions on Power Systems*, 39(1), pp. 1384-1397. <https://doi.org/10.1109/TPWRS.2023.3248941>

Honaker J., King G., Blackwell M. (2011) Amelia II: A program for missing data. *Journal of statistical software*, 45(7), pp. 1-47. <https://doi.org/10.18637/jss.v045.i07>

Huang H., Boranbay-Akan S., Huang L. (2019). Media, protest diffusion, and authoritarian resilience. *Political Science Research and Methods*, 7(1), pp. 23-42. <https://doi.org/10.1017/psrm.2016.25>

Issaev L., Korotayev A. (2022) Introduction. New Wave of Revolutions in the MENA region // In: Issaev L., Korotayev A. (Eds.), *New wave of revolutions in the MENA region. A comparative perspective* (pp. 1-32). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15135-4_1

Joseph K., Carley K. M., Filonuk D., Morgan G. P., Pfeffer J. (2014) Arab Spring: from newspaper. *Social Network Analysis and Mining*, 4(177), pp. 1-17. <https://doi.org/10.1007/s13278-014-0177-5>

Kavada A. (2020) Creating the collective: social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor. *Protest technologies and media revolutions* (pp. 107-125). Emerald Publishing Limited.

Keele L. J. (2008) *Semiparametric regression for the social sciences*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

138

King G. (1988) Statistical models for political science event counts: Bias in conventional procedures and evidence for the exponential Poisson regression model. *American Journal of Political Science*, 32(3), pp. 838-863. <https://doi.org/10.2307/2111248>

Knutsen C. H. (2014) Income Growth and Revolutions. *Social Science Quarterly*, 95(4), pp. 920-937. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12081>

Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. (2025) The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why and How Did It Emerge. *Critical Sociology*, 51(2), pp. 257-282. <https://doi.org/10.1177/08969205241300596>

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013-2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research*, 49(5), pp. 461-488. <https://doi.org/10.1177/1069397115595374>

Korotayev A., Medvedev I., Zinkina J. (2022) Global Systems for Sociopolitical Instability Forecasting and Their Efficiency: A Comparative Analysis. *Comparative Sociology*, 21(1), pp. 64-104. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10050>

Korotayev A. V., Sawyer P. S., Romanov D. M. (2021) Socio-economic development and protests: A quantitative reanalysis. *Comparative Sociology*, 20(2), pp. 195-222. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10030>

Korotayev A., Ustyuzhanin V., Grinin L., Fain E. (2025) The fifth generation of revolution studies. Part II: A systematic review of substantive findings (Revolution Causes, Forms, and Waves). *Critical Sociology* 51(3), pp. 429-450. <https://doi.org/10.1177/08969205241300595>

Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics*, 9(1), pp. 59-118. <https://doi.org/10.21237/c7clio9137314>

Korotayev A., Zhdanov A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2025) Revolution and Democracy in the Twenty-First Century. *Cross-Cultural Research*, 59(2), pp. 180–215. <https://doi.org/10.1177/10693971241245862>

Kostin M., Korotayev A. (2024) USAID Democracy Promotion as a Possible Predictor of Revolutionary Destabilization. *Comparative Sociology*, 23(2), pp. 240–278. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10102>

Lahiri K., Monokroussos G., Zhao Y. (2016) Forecasting consumption: The role of consumer confidence in real time with many predictors. *Journal of Applied Econometrics*, 31(7), pp. 1254–1275. <https://doi.org/10.1002/jae.2494>

Lall R. (2016) How multiple imputation makes a difference. *Political Analysis*, 24(4), pp. 414–433. <https://doi.org/10.1093/pan/mpw020>

Levin N., Ali S., Crandall D. (2018) Utilizing remote sensing and big data to quantify conflict intensity: the Arab Spring as a case study. *Applied Geography*, 94, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2018.03.001>

Li F., Yang Y. (2003) A loss function analysis for classification methods in text categorization. *Proceedings of the 20th international conference on machine learning (ICML-03)*, pp. 472–479.

Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I. (2011) The Arab Spring| the revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions. *International journal of communication*, 5(5), pp. 1375–1405.

Medvedev I., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Korotayev A. (2022) Machine learning for ranking factors of global and regional protest destabilization with a special focus on Afrasian instability macrozone. *Comparative Sociology*, 21 (6), pp. 604–645. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10062>

Muthukumar V. et al. (2021) Classification vs regression in overparameterized regimes: Does the loss function matter? *Journal of Machine Learning Research*, 22(222), pp. 1–69.

Nicodemus K. K. et al. (2010) The behaviour of random forest permutation-based variable importance measures under predictor correlation. *BMC bioinformatics*, 11, pp. 1–13. <https://doi.org/10.1186/1471-2105-11-110>

Nirmalraj S. et al. (2023) Permutation feature importance-based fusion techniques for diabetes prediction. *Soft Computing*, 2023, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1007/s00500-023-08041-y>

Pinckney J., RezaeeDaryakenari B. (2022) When the levee breaks: A forecasting model of violent and nonviolent dissent. *International Interactions*, 48(5), pp. 997–1026. <https://doi.org/10.1080/03050629.2022.2090933>

Ritter D. P. (2015) *The iron cage of liberalism: International politics and unarmed revolutions in the Middle East and North Africa*. Oxford: Oxford University Press.

Rozov N. (2022) Typology and principles of dynamics of revolutionary waves in world history. In: J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 241–264). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_9

Sun X. et al. (2012) Using cooperative game theory to optimize the feature selection problem. *Neurocomputing*, 97, pp. 86–93. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2012.05.001>

Tang J., Liu H. (2012) Feature selection with linked data in social media. *Proceedings of the 2012 SIAM International Conference on Data Mining*. Society for Industrial and Applied Mathematics, pp. 118–128.

Taylor L., Schroeder R., Meyer E. (2014) Emerging practices and perspectives on Big Data analysis in economics: Bigger and better or more of the same? *Big Data & Society*, 1(2), article 2053951714536877. <https://doi.org/10.1177/2053951714536877>

Tremayne M. (2016) Anatomy of protest in the digital era: A network analysis of Twitter and Occupy Wall Street. *Social Networks and Social Movements*. London: Routledge, pp. 110–126.

Tumasjan A. et al. (2010) Predicting elections with twitter: What 140 characters reveal about political sentiment. *Proceedings of the international AAAI conference on web and social media*, 4(1), pp. 178–185. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v4i1.14009>

Ulfelder J. (2012) Forecasting Political Instability: Results from a Tournament of Methods. Available at SSRN 2156234.

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, 22(1), pp. 95–137. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10073>

140

Ustyuzhanin V. V., Sawyer P. S., Korotayev A. V. (2023) Students and protests: A quantitative cross-national analysis. *International Journal of Comparative Sociology*, 64(4), pp. 375–401. <https://doi.org/10.1177/00207152221136042>

Von Eschenbach W. J. (2021) Transparency and the black box problem: Why we do not trust AI. *Philosophy & Technology*, 34(4), pp. 1607–1622. <https://doi.org/10.1007/s13347-021-00477-0>

Yun Y. H., Liang F., Deng B. C., Lai G. B., Vicente Gonçalves C. M., Lu H. M., Liang Y. Z. (2015) Informative metabolites identification by variable importance analysis based on random variable combination. *Metabolomics*, 11, pp. 1539–1551. <https://doi.org/10.1007/s11306-015-0803-x>

Об авторах / About the authors

Медведев Илья Александрович — магистр социологии, младший научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Научные интересы: политическая социология, социально-политическая дестабилизация, прогнозирование, вычислительные социальные науки, машинное обучение, социология революции.

<https://orcid.org/0000-0002-3451-3790>. E-mail: semyonkot@yandex.ru

Илья А. Медведев — Master of Sociology, Junior Research Fellow, Center for Stability and Risk Studies, HSE University (Moscow, Russia). Research interests: political

sociology, socio-political destabilization, forecasting, computational social sciences, machine learning, sociology of revolution.

<https://orcid.org/0000-0002-3451-3790>. E-mail: semyonkot@yandex.ru

Коротаев Андрей Витальевич — д.и.н., директор, Центр изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; г.н.с., Институт Африки РАН (Москва, Россия). Научные интересы: политическая социология, политическая демография, социология революции, социально-политическая дестабилизация, прогнозирование, вычислительные социальные науки, социальная эволюция, универсальная эволюция, Большая история.

<https://orcid.org/0000-0003-3014-2037>. E-mail: akorotayev@gmail.com

Andrey V. Korotayev — Doctor of Historical Sciences, Director, Center for Stability and Risk Studies, HSE University; Chief Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Research interests: political sociology, political demography, sociology of revolution, socio-political destabilization, forecasting, computational social sciences, social evolution, universal evolution, Big History.

<https://orcid.org/0000-0003-3014-2037>. E-mail: akorotayev@gmail.com

Good Reasons for Poor Passing: A Video-based Study of Incomplete Passes in Football

ROMAN MATVIENKO

The Chinese University of Hong Kong, Hong Kong, China

<https://orcid.org/0009-0004-5586-0160>

Рекомендация для цитирования:

Матвиенко Р. (2025) Хорошие причины плохих пасов: видеоанализ неточных передач в футболе.

Социология власти, 37 (2): 142-156.

EDN:

For citation:

Matvienko R. (2025) Good Reasons for Poor Passing: A Video-based Study of Incomplete Passes in Football. *Sociology of Power*, 37 (2): 142-156.

Поступила в редакцию: 28.02.2025;
прошла рецензирование: 11.04.2025;
принята в печать: 15.04.2025
Received: 28.02.2025; Revised:
11.04.2025; Accepted: 15.04.2025

© Matvienko R., 2025

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Abstract: This report examines breaches in coordination between members within an activity where embodiment is the primary source for the practical treatment of actions by fellow others. The perspicuous activity under scrutiny is passing the ball in association football; the practical phenomenon is the misplays between teammates who fail to complete the pass, not because of a lack of technical skill, but rather because of a breakdown in coordination between them. Prior findings suggest that competent members of a practice manage to coordinate their courses of action within collaborative activities by anticipating and projecting the actions of their fellow members. The machinery behind this relies on the ability of members to recognise the trajectory of actions and relate to it through their own contributions. Practical competence is crucial in this respect, as it enables members to “read” actions-in-progress and complement them accordingly. This report treats coordination as a methodic interactional achievement. It extends prior analysis by focussing on the moments in interaction when practical competence is insufficient to establish and maintain mutual understanding of an ongoing situation between members. The findings reveal that the source of misunderstanding between members are the moment-to-moment shifts in the relevance of particular details of an ongoing situation, as multiple courses of action unfold simultaneously. Members display their orientation towards emerging problems by adjusting their actions according to the course of action, projected by their fellow member. The data for this report

consists of video fragments taken from televised broadcasts of elite level professional association football.

Keywords: embodied interaction, association football, passing the ball, action coordination, action projection, video analysis

Хорошие причины плохих пасов: видеоанализ неточных передач в футболе

Роман Матвиенко

Китайский университет Гонконга, Гонконг, Китай

<https://orcid.org/0009-0004-5586-0160>

Резюме: Члены общества регулярно сталкиваются с заминками при совместном исполнении повседневных и рабочих задач. Конверсационный анализ достиг значительного прогресса в систематическом изучении причин проблем в разговорном взаимодействии и членских методов их «починки»; проблемы в телесном взаимодействии до недавнего времени получали недостаточное исследовательское внимание. В этой статье исследуются проблемы координации действий между футболистами при передаче мяча от одного игрока другому с особым вниманием к неточным пасам, которые не достигли партнера по команде не вследствие плохого технического исполнения передачи или перехвата мяча соперником, а стали результатом несогласованности действий футболистов одной команды. Материалами для исследования являются фрагменты трансляций футбольных матчей между профессиональными командами. Этнометодологический видеоанализ свидетельствует, что источником несогласованности выступает ограниченная проективность действия вследствие несовпадения полей зрения футболистов и внезапных смещений в релевантности деталей текущей ситуации по мере одновременной развертки нескольких траекторий действий. Футболисты демонстрируют ориентацию на возникающие проблемы посредством поправок траектории собственных действий в соответствии с траекторией, спроектированной их партнером.

143

Ключевые слова: телесное взаимодействие, футбол, пас, координация действий, проективность действия, анализ видео

Introduction

The transfer of objects from one person to another is common to many mundane and institutionalized social practices. Sociological, anthropological, ethnomethodological, and interactionist studies of object transfer highlight its cross-cultural, organized and contingent character as members' methodical achievement [Hindmarsh & Pilnick,

2002; Roberts & Bellman, 1977; Tuncer & Haddington, 2020]. Seemingly unproblematic and seamless interaction in the process of object transfer requires members to coordinate their actions to avoid possible delays and interruptions. Often, especially in institutionalized practices, such coordination requires not only a general competence in the activity at hand, but also a practical experience of working as a team in a given collective [Hindmarsh & Pilnick, 2002, p. 255].

The organized character of transferring objects is evident in situations where members experience interactional difficulties in the form of delays and interruptions. Lerner and Raymond (2021) locate the source of these difficulties in the reduced projectability of an action, the interruption of the progressive realization of an action, and the premature (mis)recognition of an emerging action. This paper builds on the existing research to examine embodied and organizational resources involved in accomplishment of object transfer.

144

The activity studied in this paper is the passing of the ball in association football (hereafter, football). Unlike the handling of objects in the most of mundane and institutionalized settings, where an object is transferred from hand to hand, in football the passed ball travels at a distance, i.e. there is a time gap between a player in possession kicking (passing) the ball and a teammate receiving it. This gap allows to account for an interactional work on the part of both the producer and the recipient of an action, since the completion of the pass requires both players involved to project the action of a teammate and, if necessary, to adjust their course of action.

Passing is the basic skill and the most common action with the ball in football. It features recognizable motion pattern as the player in possession must run up to the ball, plant a supporting foot, swing and kick the ball in order to make it move to a teammate. Passing also features a recognizable organizational pattern, as the player in possession has to target a teammate or an area of the pitch to transfer the ball to. Although a folk wisdom proffers that a good clearance is always a pass, the difference between a pass and a clearance (and indeed any other kind of ball kick) is telling in that, after a clearance, a ball recovery by the same team is merely accidental rather than designed.

Most of attempted passes in football are completed, i.e. after the pass the ball is recovered by a teammate of the player who kicked it. However, missed passes are a regular occurrence. In many cases, these are the result of poor technique and execution or the uncertainty of contests. Often, however, passes are not completed because players from the same team fail to coordinate their actions. In this paper, I focus on the latter because the attention to these mis-coordinated efforts allows for a systematic analysis of components involved in the concerted production of object transfers in fast-paced, dynamic embodied interaction.

Data and case selection

The data for this study are extracts from broadcasted professional football matches. Televised footage, in most cases, effectively captures the action on the pitch as it naturally occurs. Recordings of the football matches are available on streaming platforms and in video archives. For each example I analyse, I specify the match and the time at which the match episode began, so that interested readers can refer to the original footage in addition to my textual description and still images.

The main limitation imposed on the analysis by the televised nature of the recordings I used is the lack of access to verbal exchanges between players during matches. Some of the matches I watched were broadcasted with stadium sound (without commentary), with players and coaches at times shout over the crowd. These shouts and personal experience of playing football and other team sports lead me to believe that most of the verbal exchanges are in fact complementary to embodied conduct in the case of the focal activity. Players in possession typically “scan” the space around them to find a teammate to pass to, while teammates offer themselves as potential targets by moving into open spaces and, sometimes, making recognizable gestures (waving hands or outstretched arms). As visible bodily conduct is effectively captured by the footage, I do not consider the lack of verbal exchange to be a critical for the analysis.

145

For the purposes of this report, I have watched around 300 football matches played between 1988 and the present day. The choice of matches I watched was driven by my general interest in football, rather than any form of sophisticated sampling methodology. Most of the matches were played between men’s teams in the top tiers of English, German, Spanish, Italian, French, Dutch, Portuguese, and Russian professional association football, as well as international club and national competitions and friendly fixtures. I also spent some time watching matches between men’s teams in lower tiers of club competitions in the United States, Germany, and Russia, and between top-flight women’s clubs and national sides. I can conclude that, despite the differences in the level of execution between top and low tier professionals and between men and women, the very same things occur and recur in every football match in the manner I report in the analysis.

For the analysis, I have selected extracts from the footage that exemplify various “why is that now?” of missed passes. The selection is made by the way of noticing peculiarities and curiosities in the course of football matches: *usually* football players *complete* passes, thus, it is *peculiar* when they manage to miss a pass, and it is very *curious* what it is about an otherwise well-executed pass that does not find a teammate.

Graphic presentation of video materials leads to inevitable loss of interactional details. I adopt the approach proposed by Heath, Luff, and Hindmarsh (2010) to present video materials through a series of static images (stills) drawn from the source. Given the complexity of interaction on the football pitch, for analytic and narrative purposes I first introduce a fragment with three stills: the first one captures the initial touch on the ball by the player in possession, the second one — his last touch, and the third one — the resolution of the play episode (one of the player receiving the ball, the ball going into touch, etc.). The successive stills or series of stills serve to illustrate a specific analytic point about relevant players' actions in the course of a play situation. The recurrent use of certain stills and addition of the new ones allows to reconstruct to a certain degree the complexity of interaction and account for its minute details.

Visual monitoring and projectability of action

Action projection and timely remediation of mis-coordination

146

The seamless and unproblematic object transfer results from members' interactional work and as such is their methodical achievement. This interactional work consists in the continuous visual monitoring by the parties and concurrent alignment of their action trajectories. Visual monitoring allows a member to inspect every next increment of the action [Lerner & Raymond, 2017] by the other, to recognize shifts from one course of action to another, to project the completion of an emerging or realizing action, and to adjust one's own action trajectory accordingly to eventually conclude the cooperative effort. The concurrent alignment of the trajectory of action takes the form of a mere simultaneous deployment of bodily conduct, with each increment of one's action serving as a resource for projecting its completion or recognizing the change in the trajectory of action.

Football players routinely proceed with the task of receiving the ball before the player in possession kicks it to them. This is possible because of the recognizable organizational and kinesthetic gestalt of passing as a play action. The position of the player in possession on the pitch and the orientation of their body allow teammates to project potential passing lanes and to recognize themselves as target players. Furthermore, the transition from possession to kicking is marked by the visible change in bodily conduct, as the player in possession has to run up to the ball, plant a supporting foot, swing and kick the ball in order to make the ball travel to the targeted player or space. Therefore, visual monitoring of the course of action realized by the player in possession allows teammates to timely recognize an emerging play action as pass and complete it with own actions.

In the following example¹, two teammates (Dawson and Semedo) complete a basic short pass near their penalty box (Figure 1). The pass goes unproblematically as the passing lane is not contested by the opposition and the distance between players is short.

Figure 1. Dawson passes the ball to Semedo.

As Dawson possesses the ball, his teammates (Semedo, Lemina, Sabaria, Aït-Nouri) monitor his actions and move into open space to offer themselves for a pass. Remarkably, Lemina and Sabaria turn their gaze to Semedo a moment *before* Dawson kicks the ball, while Semedo keeps monitoring Dawson's actions (Figure 2). The change in Dawson's body orientation (turning body towards Semedo) and kinesthetic gestalt allows Lemina and Sabaria to project the continuation of Dawson's action trajectory as the pass to Semedo rather than to one of them. They re-orient themselves to the anticipated player in possession (Semedo) in order to monitor his actions as the game progresses². Semedo, on the other hand, maintains his gaze orientation to Dawson until he plays the ball.

147

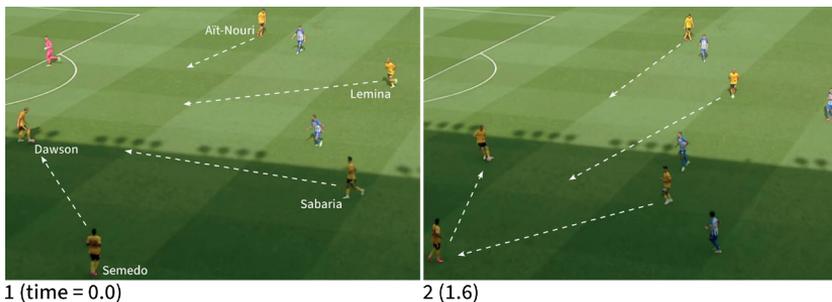

Figure 2. Off the ball players shift their gaze away from the player in possession (dashed lines represent gaze orientations).

- 1 Wolverhampton Wanderers v Brighton and Hove Albion (English Premier League — August 19, 2023), 70:06-70:08 of the clock.
- 2 There is no evident shift in Aït-Nouri's gaze direction. He "looks right" throughout the fragment as both Dawson and Semedo are on the far side of him.

While Dawson possesses the ball, Semedo backpedals towards the penalty area (Figure 3.1). He does so in order to receive the ball in the open space (far away from the opponents) and towards opponents' goal (to be ready for a progressive play shall he possesses the ball). He keeps backpedaling when Dawson kicks the ball to him (Figure 3.2), so he has to interrupt his movement (Figure 3.3) and make a step forward to recover the ball (Figure 3.4).

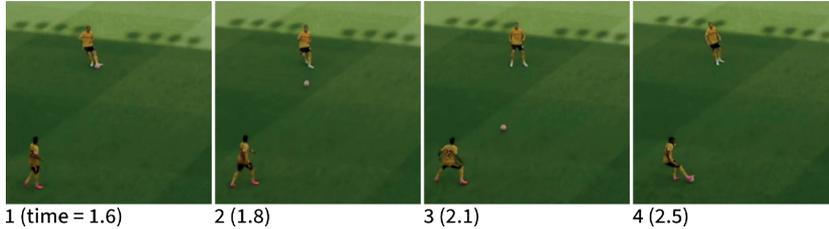

Figure 3. Semedo adjusts his course of action. Time is relative to Figure 1.1.

148

Although the pass here is completed, i.e. ball eventually finds Semedo, a minor mis-coordination is evident as Semedo has to pivot [Lerner & Raymond, 2017] his course of action to recover the ball. The source of this mis-coordination is in the ongoing orientation of Dawson on the ball rather than on the teammate. Semedo has enough resources to anticipate the pass (as evident from the absence of shift in his gaze), yet not enough to project the finite passing lane. However, his ongoing orientation on Dawson and the ball allows him to prevent the ball loss. In a sense, Dawson relies on the interactional infrastructure to compensate the partial distraction from the teammate.

Distraction as the source of mis-coordination

Resources at hand of a player and overall interactional infrastructure may be insufficient to compensate the partial distraction. In the next example¹, off the ball teammate (Vlašić) does not monitor the player in possession (Brozović) at the moment the latter kicks the ball to him (Figure 4.2). As evident from the direction of his movement towards the opponent's goal, Vlašić projects a progressive pass as the continuation of the play. However, he does not see the very moment Brozović kicks the ball, because at this point he is turned towards the penalty area and dashes forward (Figure 4.3). When Vlašić returns gaze to Brozović, the ball slips under his foot so he misses the opportunity to recover it immediately and run one-on-one with the goalkeeper.

¹ Morocco v Croatia (FIFA World Cup — November 23, 2022), 36:06-36:09 of the clock.

Figure 4. Brozović passes the ball to Vlašić

Vlašić's distraction from Brozović does not allow him to inspect the critical increment in the latter's action (proceeding from possessing the ball to kicking it) and align their courses of action. His returning the gaze to Brozović displays that he anticipates the pass to him, but does not project the exact moment the pass is performed. The absence of mutual monitoring here becomes crucial for the coordinated team effort.

Reduced projectability of action and uncertainty of its recipient as the source of mis-coordination

149

As shown before, timely projection of the action by the other is critical to coordination. However, there are practical reasons for members to try to reduce the projectability of their actions. It is especially the case for antagonistic interaction, where action projection serves not only as a resource for collaborators, but also as a resource for competitors, who seek to disrupt the effort of their counterpart.

In the example above, a momentary distraction from Vlašić would not be so crucial for the coordination if Brozović delayed kicking the ball. Yet, the delay would also be detrimental to the offensive effort, as Brozović is attempting a pass under pressure from Amallah, who is a player from the opposing team. To avoid tackle from Amallah, Brozović has to modify his course of action and turning his final step to the ball into a sliding swing-and-kick (Figure 5). Vlašić does not anticipate this change and returns his gaze to Brozović *after* the latter kicks the ball.

Brozović alternates the kinetic gestalt of the kick inadvertently, but it can also be done deliberately to prevent projection from the opponent; however, it also affects the projection of the action for the teammates. In the following example¹, Ødegaard makes a backhill pass, but the ball ends up at the feet of Dendoncker of the opposing team (Figure 6).

¹ Aston Villa v Arsenal (English Premier League — February 18, 2023), 81:25–81:30 of the clock.

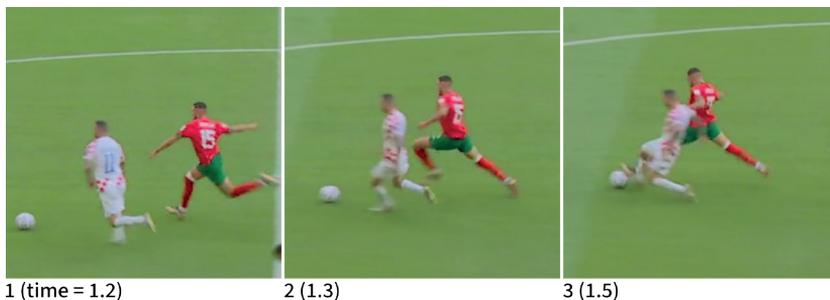

Figure 5. Brozović modifies his final action on the ball. Time is relative to Figure 4.1.

150

Figure 6. Ødegaard passes the ball with the back of his heel. Dendoncker recovers the ball.

Throughout the episode, two Ødegaard’s teammates, Jorginho and Saka, monitor his actions on the ball. However, none of them anticipates to play the ball next. Saka comes back from behind the offside line and is at the side of Ødegaard. The direction of the passing lane does not coincide with the direction of his movement, suggesting that Jorginho will recover the ball. Organizational gestalt, however, suggests that the ball should be recovered by Saka, as it is usually the case, when the backhill pass is made between closely positioned players in the wide area in the opposite third of the pitch.

The evidence for such treatment of the situation comes from the series of changes in the visible conduct of Saka and Jorginho. A moment after Ødegaard passes the ball (Figure 7.1), Saka interrupts his run as he projects that Jorginho will meet the ball at the end of the passing lane (Figure 7.2). Jorginho, who had been moving slowly forward, also stumbles (Figure 7.3), as he does not project Ødegaard’s action as a pass to him. When both players realize that neither of them is recovering the ball, they both run towards it (Figure 7.4). At the other end, Dendoncker, marking the entrance to the penalty area, does not project the pass either — there is a noticeable pause between Ødegaard passing the ball and Dendoncker starting to move. However, Dendoncker does not face the problem of uncertainty about the recipient of the action (as a player of the opposing team, one is

unlikely to be a recipient of an action by the opponent) and manages to start the action before Jorginho and Saka have resolve it (Figure 7.3).

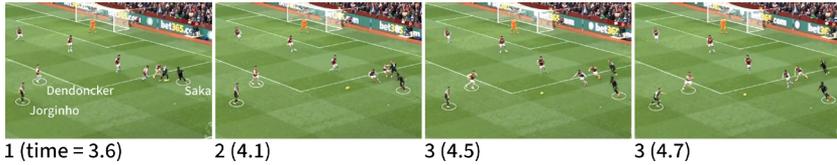

Figure 7. Jorginho, Saka and Dendoncker immediately after Ødegaard passes the ball. Time is relative to Figure 6.1.

Ødegaard conceals pass execution inside his mode of possessing the ball by dribbling and keeping it under his body and close to his feet. His final step prior to the pass serves as swing for a backheel touch but it equally can serve as intermediary part of his dribbling (compare Figure 8.3 and Figure 8.5). This concealment is indeed effective against early projection by the opponents (Dendoncker does not run to break the passing lane immediately), but it also brings mis-coordination between Ødegaard and his teammates.

151

Figure 8. Ødegaards dribbles the ball before passing it. Time is relative to Figure 6.1.

Temporal misalignment between courses of action as the condition of mis-coordination

Temporal alignment of action trajectories

Coordinated efforts in embodied interaction are sensitive to the temporal alignment of members' courses of action. Coordination often requires simultaneous execution by the producer and recipient of an action. Alignment suggests that the recipient of the action initiates their course of action while the producer realizes theirs. It is particularly important for the focal activity, as the targeted space (the end of the passing lane) may be located at a distance from the targeted player. The targeted player must move in advance to meet the ball in the targeted space, because usually a kicked ball travels faster than the running human body.

In the following example¹, Messi possesses the ball and scans the space to the left of him (Figure 9.1). He maintains possession until Alba, his teammate, accelerates in towards the penalty area the wide area of the pitch (Figure 9.2). Messi kicks the ball into the penalty area (Figure 9.3), where it finds Alba (Figure 9.4).

Figure 9. Messi passes the ball to Alba.

This fragment exemplifies a fairly common organizational pattern in football, when the player in possession targets the space behind the defensive line with a teammate running there. In fact, for Messi and Alba this move became a hallmark of their partnership on the pitch [Herrero & Rueter, 2023]. However, its situational execution required both players account for each other's actions: Messi suspends his action (passing the ball) until Alba is ready to conclude their offensive effort. Alba's acceleration here serves as its trigger.

152

Crucial for the success of the play is the absence of action from Torres, an opponents' defender, who marks the wide area of the pitch. Torres orients his body towards own penalty area and monitors Messi's actions on the ball. He only casts a quick gaze back when Alba is in line with him behind his back. As Alba is out of his perceptual field, Torres does not project Messi's emerging action as the pass to the area he is responsible for. This "out of sight camouflage" [Hindmarsh & Pilnick, 2002, p. 154] contributes to the successful completion of the offensive move.

Figure 10. Alba is out of Torres' sight all the time. Dashed lines represent the direction of Torres' gaze.

Since embodied conduct is, in principle, as visible to opponents as much as it is for teammates, players can project that their current action

1 Osasuna v Barcelona (Spanish La Liga — March 6, 2021) — 30 min of the clock.

has already been projected and countered by the opponent, and abandon it in its course. In the following example¹, Mitoma is accelerating towards the opposite penalty area, while his teammate Estupiñán has the ball. Just before Estupiñán kicks the ball, Mitoma interrupts his run and when the ball is kicked, he has to accelerate from a static position so that the ball hits the turf, Mitoma is well behind it (Figure 11).

Figure 11. Missed pass from Estupiñán to Mitoma.

The source of mis-coordination here is in temporal misalignment of courses of action between Estupiñán and Mitoma that results from interruption of action by Mitoma. While Estupiñán possesses the ball, Mitoma moves sideways towards the halfway line (Figure 12.1). He then sharply accelerates in the opposite direction (Figure 12.2; compare with Figure 9.2), triggering the patterned play. However, as Estupiñán swings at the ball, Mitoma interrupts his run (Figure 12.3). This interruption is not projected by Estupiñán, as he completes his kick (Figure 12.4). Mitoma only starts running again when the ball is almost in line with him (Figure 12.5).

153

Figure 12. Temporal misalignment of action trajectories between Estupiñán and Mitoma. Time is relative to Figure 11.1.

Mitoma's interruption of his action is situationally relevant to the actions of his direct opponent, Coufal, who marks the wide area of the pitch. A sudden change in speed and direction of movement

¹ Brighton & Hove Albion v West Ham United (English Premier League — August 26, 2023). 5:02-5:07 of the clock.

is a common offensive technique to draw an opponent out of their position and catch them on the counter (Figure 13.1 and Figure 13.2). However, Koufal employs a no less common “no nonsense” defensive technique of keeping a distance from the opponent and positioning himself between the opponent and the goal. This allows Koufal to timely recognize Mitoma’s acceleration and fall back to prevent a progressive play by the offense (Figure 13.3). Mitoma tries to exploit Koufal’s movement in another way and interrupts his acceleration to receive a short pass in an unmarked space (Figure 13.4). However, Estupiñán fails to recognize this manoeuvre and proceeds with kicking the ball.

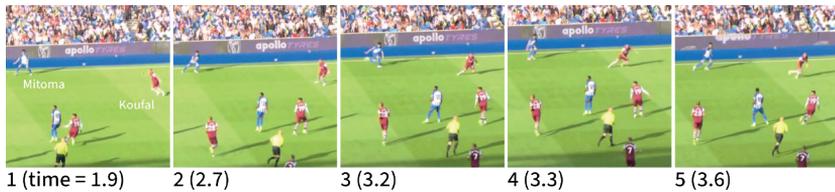

Figure 13. Koufal prevents a progressive play by Estupiñán. Time is relative to Figure 11.1.

154

The defensive counterplay and layering of projections by the opponents in this example demonstrates the practical complexity of temporal alignment in fast-paced antagonistic embodied interaction. Because embodied interaction is not organized in turns, antagonistic interventions on the part of opponents affect the projected effect of the increment of the currently realizing action. However, sudden changes in the realization of simultaneously progressing actions threaten the coordination of cooperative efforts.

Late recognition of action trajectory

In its alternative form, temporal misalignment can be caused by a misprojection of a realizing action. In the following example¹, Minamino attempts a progressive pass to his teammate Singo to an open space in the wide area of pitch (Figure 14.2). However, Singo projects that he will receive the ball at his current position and remains static at the moment Minamino swings at the ball (Figure 14.2). Singo only accelerates towards

1 Monaco v Paris Saint-Germain (French Ligue 1 — March 1, 2024), 38:22–38:26 of the clock.

the ball when he recognizes its trajectory (Figure 14.3). Yet, it is too late for him to recover the ball as it goes into touch (Figure 14.4).

Figure 14. Minamino passes the ball to Singo.

The late recognition of Minamino’s action does not give Singo enough time to remediate the emerged mis-coordination (compare to Figure 3). This highlights another perspicuous feature of embodied action, namely the uncertainty of its outcome. A frustrated rather than apologizing pose of Minamino (Figure 14.4) suggests that the ball ended up in the targeted space, yet this space has not been projected by Singo. Singo projects a pass from Minamino (he “steadies” to go), but it is a *different type* of a pass — a pass into the feet (so, he “steadies” not to go far), rather than a pass to go.

155

Discussion

The current study is consistent with the prior discussion of projection of an embodied action [Heath & Luff, 2021; Hindmarsh & Pilnick, 2002; Lerner & Raymond, 2017] and mis-coordination of actions in embodied interaction [Lerner & Raymond, 2021]. Projectability of action is crucial for embodied interaction as it allows members to coordinate their courses of action. Visual inspection of every increment of action and timely detection of changes in the trajectory of action allow members to adjust their courses of action and remediate emerging interactional troubles.

Current study extends the existing research in that prior findings locate the sources of mis-coordination on the side of the producer of an action, granting only a passive role to its receiver. Specificity of the focal activity, namely, the spatial distance between the producer and recipient of an action allow to grasp the active role of the latter in the coordinated effort. It is shown that even an institutionalized action with a recognizable organizational and kinesthetic gestalt avoids unambiguous projection as its material (e.g. the distance between acting members, the speed of the ball) and interactional (coincidence of perceptive fields, antagonistic interventions, temporal alignment of simultaneously deployed courses of action) aspects provide for the uncertainty of its outcome.

Situated and uncertain character of an embodied action requires members to maintain concurrent involvement in the unfolding situation

of interaction rather than unproblematically rely on the interactional infrastructure. Practical competence in the activity is subsidiary to the practiced at every point interactional work involved in the concerted production of the activity at place.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / References

Bellman B. L., & Roberts B. (1977) The transfer phenomenon: A comparative analysis. *76th Annual Meeting of the American Anthropological Association*, Houston, TX.

Haddington P., & Tuncer S. (2020) Object transfers: An embodied resource to progress joint activities and build relative agency. *Language in Society*, 49(1), pp. 61-87. <https://doi.org/10.1017/S004740451900071X>

Lerner G. H., & Raymond G. (2017) On the practical re-intentionalization of body behavior: Action pivots in the progressive realization of embodied conduct. In *Enabling human conduct. Studies of talk-in-interaction in honor of Emanuel A. Schegloff*, pp. 299-313. <https://doi.org/10.1075/pbns.273.15ler>

Lerner G. H., & Raymond G. (2021) Body trouble: Some sources of difficulty in the progressive realization of manual action. *Research on Language and Social Interaction*, 54(3), pp. 277-298. <https://doi.org/10.1080/08351813.2021.1936994>

156

Hindmarsh J., & Luff P., & Heath C. (2010) *Video in qualitative research: Analysing social interaction in everyday life*. SAGE.

Heath C., & Luff P. (2021) Embodied Action, Projection, and Institutional Action: The Exchange of Tools and Implements During Surgical Procedures. *Discourse Processes*, 58(3), pp. 233-250. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2020.1854041>

Hindmarsh J., & Pilnick A. (2002) The tacit order of teamwork: Collaboration and embodied conduct in anesthesia. *The Sociological Quarterly*, 43(2), pp. 139-164. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2002.tb00044.x>

Herrero L. C., & Rueter J. (2023) Jordi Alba, Miami's perfect partner in crime to Messi's attacking brilliance. *The Athletic*.

Об авторе / About the author

Roman Matvienko — MA in Sociology, PhD Student at the Chinese University of Hong Kong, Department of Sociology. Research interests: ethnomethodology, sociology of sport, bodily interaction, projectivity of action.

<https://orcid.org/0009-0004-5586-0160>. E-mail: r.matvienko@link.cuhk.edu.hk

Матвиенко Роман — магистр социологии, докторант департамента социологии Китайского университета Гонконга. Научные интересы: этнометодология, социология спорта, телесное взаимодействие, проективность действия.

<https://orcid.org/0009-0004-5586-0160>. E-mail: r.matvienko@link.cuhk.edu.hk

Дискретное настоящее, продолженное прошлое и деятельное будущее рынка труда в Хакасии

ДМИТРИЙ М. РОГОЗИН

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

АЛЕКСАНДРА А. ЧЕНЦОВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0002-3890-9274>

Рекомендация для цитирования:

Рогозин Д. М., Ченцова А. А.
(2025) Дискретное настоящее,
продолженное прошлое и деятельное
будущее рынка труда в Хакасии.
Социология власти, 37 (2): 157-186.
EDN:

For citation:

Rogozin D. M., Chentsova A. A. (2025)
Discrete Present, Continuous past, and
Active Future of the Labor Market in
Khakassia. *Sociology
of Power*, 37 (2): 157-186.

Поступила в редакцию: 10.01.2025;
прошла рецензирование: 18.02.2025;
принята в печать: 06.03.2025
Received: 10.01.2025; Revised:
18.02.2025; Accepted: 06.03.2025

© Rogozin D. M., Chentsova A. A., 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Резюме: Статья посвящена исследованию представлений о рынке труда со стороны работодателей и государственных служащих, ответственных за решение кадровых проблем в регионе. На основе реконструирования нарратива экспертных интервью, проведенных в 2024 г. в Республике Хакасия, выделено три компонента разговора о кадровом дефиците: дискретное настоящее, продолженное прошлое и деятельное будущее. Дискретное настоящее описывает ситуацию дефицита кадров, который признают все информанты; продолженное прошлое раскрывает комплекс причин, обусловивших дефицит; деятельное будущее содержит в себе прогнозы и наборы необходимых действий для его преодоления. Делается вывод, что одним из наиболее первоочередных решений является нормативное закрепление за хозяйствующими субъектами и представителями власти на региональном уровне пространства для реализации ими своей акторности. Только поощрение инициативности региональных акторов в разработке решения кадровых проблем, критичности поступающих распоряжений, автономности в их осуществлении при сохранении ответственности позволяет учитывать региональную специфику и наиболее эффективно адаптировать общие директивы под местные условия. Из интер-

вью с региональными служащими проступает отражение их агентного восприятия федеральными чиновниками, которые часто относятся к регионалам исключительно как к исполнителям, но не как к равноправным коллегам, способным и желающим использовать знание регионального контекста для корректировки унифицированных директив, поступающих сверху. В действительности мы наблюдаем постоянное чередование модусов «агентности» и «акторности» у одних и тех же руководителей, и именно проактивная деятельность чиновников регионального уровня в разработке мер государственной поддержки работодателей и кадровой политики, адаптация, нюансировка распоряжений в зависимости от региональной специфики становится залогом их успешности. Статья написана в рамках выполнения государственного задания на 2025 год.

Ключевые слова: рынок труда, рабочая сила, кадровый дефицит, парадокс субъектности

Discrete Present, Continuous past, and Active Future of the Labor Market in Khakassia

Dmitry M. Rogozin

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

Alexandra A. Chentsova

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3890-9274>

Abstract: The article is devoted to the study of perceptions of the labor market by employers and civil servants responsible for solving personnel problems in the region. Based on the reconstruction of the narrative within expert interviews conducted in 2024 in the Republic of Khakassia, three components of the conversation about the personnel shortage are identified: discrete present, continuous past, and active future. The discrete present describes the situation of personnel shortage, which is recognized by all informants; the continuous past reveals the complex of reasons that caused the shortage; the active future contains forecasts and sets of necessary actions to overcome it. It is concluded that one of the most urgent solutions is the normative consolidation of space for economic entities and government officials at the regional level to implement their actorship. Only by encouraging the initiative of regional actors in developing solutions to personnel problems, the criticality of incoming orders, autonomy in their implementation while maintaining responsibility does it become possible to take into account regional specifics and most effectively adapt general directives to local conditions. Interviews with regional employees

reflect their agentic perception by federal officials, who often treat regional officials exclusively as executors — but not as equal colleagues capable and willing to use knowledge of the regional context to adjust unified directives coming from above. In reality, we observe a constant alternation of the modes of “agency” and “actorship” among the same leaders, and it is the proactive activity of regional officials in developing measures of state support for employers and personnel policy, adaptation, and nuanced orders depending on regional specifics that becomes the key to their success.

Keywords: labour market, labour force, staff shortage, subjectivity paradox

Введение

Дефицит на рынке труда, смена приоритета работодателя на приоритет работника, кадровый голод на рабочие специальности и т.п. — пожалуй, наиболее частотные темы в российских СМИ в последнее время. Актуальность вопроса трудно переоценить, как трудно переоценить и запрос на осмысление происходящего на рынке труда. Современная Россия столкнулась с беспрецедентным падением безработицы, всеобщим кадровым дефицитом, межотраслевыми перетоками рабочей силы, предельным несоответствием системы образования потребностям растущего производства. Переживая новую индустриализацию и национализацию (Gerber, Gimpelson 2024; Bitzinger, Raska 2022), во многом обусловленную запросами военной промышленности (последствия специальной военной операции) и требованиями импортозамещения (последствия международных антироссийских санкций, см. подробнее: (Энтин и др. 2024; Gaur et al. 2023)), страна переживает новый этап структурных сдвигов, институциональной перестройки, выработки комплексных решений. Происходит отход от бытующей последние годы стратегии деиндустриализации и замещения производства креативными индустриями (Веселкова, Прямикова 2024) в сторону реального сектора экономики: новых заводов, фабрик (Селиверстова 2024) и сельскохозяйственных предприятий (Maslova et al. 2024).

В условиях глобальных технологических, социальных и экономических перемен, пересмотра и переопределения роли государства в народном хозяйстве, нового регулирования и государственного заказа неизбежно возникновение слома, неопределенности (Ermaikov 2015; Tavokin 2024), диалектического противоречия, каузальной оппозиции, метко названной Ольгой Аксеновой парадоксом субъектности (Аксенова 2023, с. 125). С одной стороны, существенно выросли цифровой контроль, единая централизованная система управления, подчинение региональной повестки национальным проектам и, как следствие, формирование плотной, структурно гомогенной административной системы управления, или «струк-

турного принуждения» (Соловьев 2024, с. 108), в первую очередь требующих подчинения, исполнения и отчетности. С другой стороны, по-прежнему сохраняется региональный контекст, внутренняя и внешняя свобода хозяйствующих субъектов, их ответственность за выпуск продукции, рентабельность производства и социальную стабильность вверенных им коллективов. Ни одна административная система не может полностью снять конфликты и противоречия, возникающие на местах, учесть особенности ведения хозяйства, оптимизации затрат, выбора поставщиков и подрядчиков, рыночные договоренности и недоговоренности. Россия — не исключение. Несмотря на все особенности современной экономики России, аналогичные процессы наблюдаются в странах Европы, Северной Америки и Азии (см., например: Chinorachy, Corejova 2019; Evangelista, Guerrieri, Meliciani 2014).

Парадокс субъектности (по Аксеновой) — это противоречие между регламентированным контекстом и автономностью хозяйствующего субъекта. Последняя опирается на локальные властные представления, собственную иерархию и собственное целеполагание. Регламентированный контекст формируется через власть «над», автономность — через власть «для»:

160

Сугубо методологически данный подход опирается на признаваемое в науке тематическое и функциональное разделение власти “над” (утверждающей значение иерархических диспозиций) и власти “для” (раскрывающей характер распределения власти), что в итоге обуславливает смысловое единство всех складывающихся в государстве форм политического доминирования. В своем лапидарном варианте это разделение предполагает понимание того, как “власть над” трансформируется во “власть для”, раскрывающее то, как и для чего властвующие игроки используют свое доминирование (Соловьев 2024, с. 99).

Как бы экстенсивно ни развивался искусственный интеллект, ни внедрялись электронные системы всеобщего учета и контроля, ни развивались регламенты селекторных совещаний, формирующих вертикальный стиль управления, решения на местах производятся индивидуально и сохраняют свою автономность. В переломные моменты важны исполнительность, своевременность и точность низовых элементов управления, но вместе с тем необходимы инициативность и готовность брать на себя ответственность, выступать не только исполнителем, но и критиком поступающих распоряжений. Первое качество присуще агентам, второе — акторам. Каждый руководитель предприятия в той или иной степени совмещает обе роли: «Один и тот же субъект является актором и агентом одновременно так же, как любое действие есть одновременно свобода и нормативность» (Аксенова 2023, с. 140). Поэтому так важно не только изучать нормативную базу и совершенствовать ре-

гламенты управления, но и слышать, делать публичными голоса тех, кто эти регламенты воспринимает, критикует (открыто или кулуарно) и в итоге исполняет, адаптируя распоряжения под местные условия.

В августе 2024 года Лабораторией полевых исследований ИНСАП РАНХиГС организован экспертный опрос руководителей предприятий и региональных служащих по вопросам рынка труда в Республике Хакасия. Всего проведено 10 экспертных интервью продолжительностью от полутора до двух с половиной часов. Отбор информантов проводился по административной процедуре посредством письменного обращения к губернатору с просьбой оказать содействие в подборе экспертов и организации полевых работ. Такое обращение потребовалось для того, чтобы обеспечить участие в опросе экспертов статусом не ниже заместителей министров региона и директоров региональных предприятий, заметных по вкладу во внутренний региональный продукт. Вместе с тем подобное формирование выборки сопряжено с рядом смещений, обусловленных административно одобряемым поведением (подробнее см.: Рогозин 2021). Кроме согласия на запись разговора, высказывания экспертов согласовывались: часть острых суждений была аннулирована, часть экспертов пожелали остаться анонимными (см. ниже подписи высказываний). Это еще раз подчеркивает чувствительность не столько затрагиваемых вопросов, сколько ответов на них, суждений, которые могут затрагивать интересы разных сторон и вызывать неоправданные конфликты.

161

Основная задача исследования — реконструировать представления о рынке труда непосредственно со стороны работодателей и государственных служащих, ответственных за решение кадровых проблем в регионе, выйти за рамки медийного шума и углубиться в порой противоречивые, критичные или апологетические утверждения людей, имеющих полномочия и намерения принимать решения и тем самым изменять текущую ситуацию.

В результате многочасовых разговоров, составления многостраничного совокупного нарратива выделено три части разговора о кадровом дефиците. Во-первых, описание дискретного, здесь-и-сейчас наблюдаемого настоящего, которое можно определить одним высказыванием: всеобщий кадровый голод. Во-вторых, продолженное прошлое, сложившаяся колея (по Аузану), предопределившая и сформировавшая текущие проблемы. Речь идет именно о продолженном прошлом, которое присутствует сейчас, но корни которого обнаруживаются еще в советском и постсоветском периодах. В-третьих, деятельное будущее, или наборы необходимых решений, уже совершаемых действий, формируемых прогнозов, осознаваемых рисков и способов их преодоления. Третью часть возможно получить лишь

от акторов, способных не только исполнять поручения, но и принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность за их последствия. Именно этим было обусловлено требование столь высокого статуса информантов, отказ от разговора подчас с более информированными специалистами, непосредственно отвечающими за набор кадров на предприятиях или кадровую политику в правительстве республики. Различие экспертности и статусности — одна из важнейших смежных концептуальных пар в методологии фокусированного интервью и требует отдельного методического описания, к которому мы обязательно вернемся в дальнейшем.

Дискретное настоящее, или Всеобщий кадровый голод

Все эксперты говорят о наличии в Хакасии кадрового дефицита, который в основном актуален для рабочих специальностей, что весьма характерно и для страны в целом (Зоидов и др. 2024; Чекмарев и др. 2023). Реплики ряда экспертов обнаруживают сходство не только по сути, но и в формулировках, на уровне используемых метафор и эмоционального восприятия ситуации. Рынок труда воспринимается как, с одной стороны, иерархически структурированное, с другой — как структурно неопределенное (по Ермакову) поле находящихся в оппозиции работодателей и работников. Не совпадая в разметке хронологии произошедших на рынке труда трансформаций, эксперты придерживаются мнения, что в результате радикальных изменений внешней среды в привилегированном положении оказались работники:

«...рынок работодателя сменился на рынок работника <...> в 22-м году мы строили магистраль, проблем ни с подрядчиками, ни с кем не было, то есть тогда мы могли диктовать цены, <...> с 23-го года <...> подрядчики начали диктовать цены <...> сейчас начинаем ощущать уже и по работникам» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

«[2010-й и 2024-й гг. —] просто противоположные полюсы <...> [Раньше] не мы искали сотрудников, а сотрудники приходили к нам, оставляли свои данные <...> а сейчас все в корне наоборот» (специалист по персоналу МКУ г. Абакана «Спецавтобаза жилищно-коммунального хозяйства»).

Руководители по персоналу ООО «Бентонит Хакасии» отмечают, что еще до 2020 года была возможность формировать кадровый резерв, осуществлять отбор сотрудников, а сейчас ситуация прямо противоположная:

«...мы сейчас тяжело формируем резерв кадровый, у нас его практически нет. То есть мы уже берем из того, что у нас есть. То есть приходит человек, а мы

уже очень рады, что он пришел к нам» (руководитель отдела кадров ООО «Бентонит Хакасии»).

Аналогичное отношение к потенциальным работникам в условиях кадрового дефицита демонстрируют и другие информанты:

«Вообще, мы рады всем, кто к нам приходит, со всеми ведем работу» (специалист по персоналу МКУ г. Абакана «Спецавтобаза жилищно-коммунального хозяйства»).

В ситуации кадровой неопределенности, усугубляющегося дефицита, слова о доброжелательности и расположенности к соискателям приобретают иной, отличный от привычных форм вежливости смысл. Ранее работодатель выбирал и диктовал условия, теперь — предлагает и уговаривает.

Руководитель отдела кадров ООО «Бентонит Хакасии» подчеркивает, что кадровый дефицит не теряет своей актуальности, несмотря на наличие соцпакета, «приемлемый» уровень заработной платы, известность предприятия в регионе. Практически идентичную реплику выдает директор промышленного предприятия: она считает, что готовность компании предоставить «и хорошую социальную программу, и компенсационные выплаты» в полной мере не решает проблему с дефицитом кадров.

Представитель Министерства труда и социальной защиты замечает, что уровень официальной безработицы рекордно низкий — 1900 безработных, и сравнивает с предыдущим минимальным значением — 4500 безработных в 1995 году:

«Я работала с безработными гражданами. <...> работали мы с работодателями, вы-и-ски-ва-ли, ходили, упрашивали <...>: “Ну, может быть, у вас есть вакансии хоть на полдня, хоть на период отпуска, на период больничного <...>”, потому что время было трудное <...> в прошлом году <...> нас стали все работодатели трясти, как грушу. Мы говорим, <...> вот у нас <...> две тысячи безработных, берите любого. У нас больше их нет» (замминистра труда и социальной защиты Республики Хакасия).

Резкий контраст между прошлым и настоящим обнаруживается в противопоставлении образов очереди, с одной стороны, и оголенности, пустоты — с другой.

«У нас даже, простите, очередь стояла на то, чтобы к нам трудоустроиться» (начальник отдела кадров ООО «Бентонит Хакасии»).

«...на сегодняшний день <...> рынок труда у нас вообще оголен. То есть <...> образное выражение, за дверями <...> у нас нет очередей» (начальник отдела кадров филиала ПАО «Россети Сибирь»).

«Слесарей не хватает, сантехников не хватает, водителей не хватает. Все закричали, когда вот люди уходят. Все сферы, все отрасли. Полицейских не хватает. И в муниципалитетах оголились эти администрации. Поэтому недобор везде» (замминистра труда и социальной защиты Республики Хакасия).

Кроме уже упомянутых в цитате специальностей замминистра говорит об острой нехватке учителей и врачей: «У нас всегда сильно не хватает врачей, сильно не хватает педагогов». И в сельскохозяйственном секторе сохраняются аналогичные проблемы:

«Самая-то основная проблема — это люди рабочих профессий. Это чабаны, скотники, механизаторы, стригаля¹» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

Специалист по персоналу МКУ города Абакана «Спецавтобаза жилищно-коммунального хозяйства» говорит о большом дефиците персонала по уборке территории города. Обращаясь к своему предыдущему опыту работы, информант добавляет, что высока потребность в представителях малоквалифицированных специальностей — кассирах, работниках торговых залов. Директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана» в секторе строительства в качестве наиболее дефицитных специальностей называет каменщиков и плотников-бетонщиков.

164

Казалось бы, благополучнее обстоит ситуация у энергоснабжающих компаний, о чем упоминает замминистра экономического развития, однако сами представители энергетического сектора весьма критичны к происходящему. Начальник отдела управления персоналом в абаканском филиале ПАО «Россети Сибирь» проблематизирует текущий высокий показатель укомплектованности — около 93%, отмечая возросший уровень текучести кадров:

«...укомплектованность-то почему держится у нас достаточно высокая? Ну потому что <...> молодежь приходит <...> Текучесть — это количество уволенных среднесписочной численности, а укомплектованность — это заполняемость штатного расписания. То есть мы увольняем много, но мы быстро принимаем» (начальник отдела управления персоналом Абаканского филиала ПАО «Россети Сибирь»).

Директор ООО «Абаза-Энерго» описывает гораздо более критическую ситуацию:

«Сердце предприятия — это теплостанция <...> На ТЭЦ сейчас <...> 10–12% дефицит кадров <...> там мы <...> всячески путем держим персонал»

1 Стригали (ед.ч. — стригаль) — работники, занимающиеся стрижкой сельскохозяйственных животных.

<...> ремонт сетей, насосные станции <...> сейчас имеют дефицит 30%» (исполнительный директор ООО «Абаза-Энерго»).

В первую очередь не хватает ремонтного персонала, слесарей аварийно-восстановительных работ, газоэлектросварщиков, отмечает информант. Высокий спрос на ремонтный персонал также озвучивают и другие эксперты «Россети Сибирь», «Бентонит Хакасии»:

«Электросварщики сейчас нужны всем заводам, всем ГОКа́м [горно-обогатительный комбинат] — много где» (директор промышленного предприятия).

Среди наиболее обеспокоенных работодателей заместитель министра экономического развития выделяет «транспортников» (представители транспортных предприятий): «[Они] конкретно говорят, что мы уже какие только зарплаты не сулили, никто не хочет идти». Эксперт также сообщает о «жалобах» со стороны представителей торговли, угольной промышленности, сельского хозяйства; тем не менее их жалобы порой становятся элементом стратегии усреднения, неотличимости от среднего уровня по республике. Например, несмотря на озвучиваемые «торговлей» жалобы, у работодателей из этой сферы «все равно» есть возможность работать «в тень». Также эксперт считает, что в ряде сфер ситуацию дефицита недавно ослабили внешние факторы. В частности, в угольной промышленности запрос на работников сократился в связи с урезанием квот и санкциями в связи с СВО, в результате которых продажа угля европейским странам практически остановилась. Тем самым внешняя неопределенность частично компенсирует неопределенность внутреннюю, товарный рынок — рынок труда.

165

Заместитель министра труда и социальной защиты Хакасии в целом также не склонна расценивать ситуацию с кадрами как критическую для экономики проблему. Позиция самих работодателей варьируется (в некоторых случаях амбивалентные интерпретации возникают в рамках одного интервью). С одной стороны, все информанты подтверждают актуальность проблемы кадров. С другой — часть информантов замечают, что, несмотря на существующие сложности, кризисная точка пройдена, и выражают оптимизм в отношении кадровой ситуации на своих предприятиях в будущем.

Так, на предприятии «Бентонит Хакасии» не хватает 10% сотрудников; даже принимая во внимание то, что фактически процент значительно выше, так как в формальном показателе не учитывается необходимость закладывать дополнительное количество работников на период отпусков и больничных, начальник службы управления персоналом говорит, что наиболее сложный период остался уже позади.

Любопытно отметить, что такая позитивная установка представителей производства связана прежде всего не с надеждой на преодоление кадрового дефицита (хотя информанты и упоминают, что часть работников возвращается на предприятие после опыта намного более тяжелой вахтовой работы), а с исчезновением конкуренции со стороны иностранных компаний в связи с санкциями — предприятие, по сути, стало монополистом в своей области — и с «активностью» и открытостью, гибкостью организации:

«Мы все время стараемся, во всех сферах, допустим, какие-то новые виды того же порошка <...> во всех, во всех сферах <...> у нас есть своя исследовательская лаборатория, которая занимается изучением вот этого бентонита и кривь, и вкось, и всяко-разное» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

«Мы участвуем во многих [программах/конкурсах] <...> Вообще довольно-таки то предприятие, которое открыто и которое идет на взаимодействие <...> Мы стараемся по максимуму во всех возможных конкурсах участвовать <...> Минэконом проводит — мы участвуем, Минтруд проводит — мы участвуем <...> у нас везде очень активно. <...> По президентской программе <...> у нас уже <...> человек шесть <...> активно везде ездят, перенимают опыт и своим опытом делятся, и к нам приезжают. Мы из тех организаций, которые, в общем-то, открыты ко всему новому» (начальник отдела кадров ООО «Бентонит Хакасии»).

166

Менее распространенный в контексте разговора о дефиците кадров сюжет — нехватка специалистов среднего звена:

«...по большому счету [в дефиците] и инженерно-технические, именно вот производственно-технические в полном смысле этого слова <...> нет каких-то таких суперспециалистов. Выбираем из того, что есть» (начальник отдела кадров ООО «Бентонит Хакасии»).

О дефиците управленческого состава говорит только один информант, которого эта проблема касается непосредственно:

«Я приезжаю на завод в полвосьмого утра и уезжаю в 9 вечера. У меня дефицит кадров, в том числе и руководящего состава. Мне приходится выполнять дурацкие функции директора по производству или там еще кого-то для того, чтобы мы хоть как-то могли управлять процессом» (директор промышленного предприятия).

Миграция трудоспособного населения наблюдалась раньше, однако именно в последние годы она напрямую коснулась всех без исключения секторов экономики, способствовала перетоку рабочей силы из отраслей с низкой оплатой труда в высокую. Межотраслевые перетоки — примета настоящего времени, ранее такое встречалось

крайне редко. Об этом говорят все участники исследования, вне зависимости от сектора экономики, в котором занято их предприятие:

«...ресурсы все уже высосаны. Население мужское <...> все на вахте. Вот так вот навскидку 40% на вахте» (исполнительный директор ООО «Абаза-Энерго»).

«Вчера у меня геодезист, 75 зарплата: “Увольняюсь”. — “Куда?” — “На полюс поеду, <...> ну вахта <...> зато в два раза больше денег». <...> Кое-как уговорил <...> остаться, подумать <...> водители — трое уволились в прошлый месяц, <...> два — на вахту на север, один — на вахту <...> на юг» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

Ощутим отток рабочей силы на предприятия по добыче ресурсов:

«Здесь рядом, ну это самый север, “Норникель” <...> нефтянка <...> золотари <...> от Омска <...> до Якутии — это все полностью вахтовым методом заводят» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд Абакана»).

«Наши квалифицированные водители, машинисты экскаваторов, бульдозеров, они работают в Красноярском крае, и их сюда ничем не могут заманить. Даже большой зарплатой на СУЭКах. Нет. Они уезжают и работают вахтой в Красноярском крае. Либо это Норильск, либо какие-то другие города» (замминистра труда и социальной защиты Республики Хакасия).

167

«...у нас <...> механизаторы убегают куда? <...> На разрезы. <...> А самое главное, кто убегает? <...> Самые рукастые, самые, как бы сказать, нормальные. <...> Потому что в угольщики тоже же разгильдяя, пьяницу какого-то не возьмут. <...> А остаются сегодня те, которые... никому не нужны» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

Как замечает один из информантов, иногда есть даже возможность не отдаляться от дома на большие расстояния, что еще более усиливает привлекательность вахтовых заработков:

«...при мне у нас водителей <...> пять <...> уволились, и раньше, если вахта — это было очень далеко, <...> сейчас у нас вахты <...> ну в радиусе, например, <...> 120 км от Абакана, <...> где-то разрез, где-то что-то <...> то есть они могут, например, проработав там неделю, на выходной <...> приехать домой <...> ну и заработные платы, конечно, их там очень привлекают» (специалист по персоналу МКУ г. Абакана «Спецавтобаза жилищно-коммунального хозяйства»).

Дискретное настоящее на рынке труда, наблюдаемое здесь и сейчас, критично для всех без исключения работодателей. Оптимизм, гордость за эффективные решения или достигнутые успехи переплетены с переходом на ручное управление, увеличение нагрузки, формирование вахтовых и сверхурочных форм занятости. Если раньше

конкуренция за высококвалифицированных сотрудников проходила в пределах одной отрасли, сейчас участились межотраслевые перетоки. Разрывы в заработных платах настолько существенны, что люди готовы идти на риск и менять привычные форматы занятости, уезжать на вахту, переходить в другую сферу деятельности, пусть со схожей специализацией, но с разным трудовым и социальным контекстом: из сельского хозяйства в газонефтяную отрасль, из государственной службы в торговлю и туристический бизнес, из жилищно-коммунального сектора в строительство. Этим объясняется обеспокоенность и тревога руководителей предприятий при порой сохраняющемся высоком показателе укомплектованности. Труд стал самым дефицитным ресурсом, а рынок труда — самым конкурентным и плохо предсказуемым.

Продолженное прошлое, или Причины дефицита кадров

168

Эксперты выделяют целый ряд причин и сопутствующих факторов кадрового дефицита, не особо затрудняясь в поиске объяснений, которые теперь очевидны не только специалистам:

«А после пандемии что-то произошло серьезное. И причем мы на себе это очень сильно ощутили, потому что действительно дефицит кадров сумасшедший начался» (начальник отдела кадров ООО «Бентонит Хакасии»).

«Самый комфортный был год — 2014-й. <...> сразу после уже стало что-то меняться в худшую сторону со стороны производств» (замминистра труда и социальной защиты Республики Хакасия).

Основная причина дефицита кадров — это **низкие реальные заработные платы**, фактическое падение покупательной способности работников отдельных отраслей, с одной стороны, и неизменная ценность величины вознаграждения за труд — с другой (Балацук, Кресникова 2024, с. 52, 56-57).

«Как бы, <...> конечно, <...> нельзя говорить, что зарплата — это самое главное. <...> наверное, в 90% это все равно самое главное» (начальник отдела кадров филиала ПАО «Россети Сибирь»).

«...сейчас сложно брать кого-то корпоративной мотивацией. В основном всех интересуют деньги» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

Многие информанты отмечают, что низкие зарплаты возникают не в результате осознанного решения скупого работодателя, а из-за отсутствия необходимого для того бюджета на предприятии.

Иногда нехватка средств — не индивидуальная история, а тенденция, свойственная целому сектору, например, для тарифно-регулируемых предприятий в сфере теплоснабжения или жилищно-коммунального обслуживания:

«...мы бьем тревогу, мы выходим на администрацию, пишем письма, просим повышения, мы свои хотелки <...> подкрепляем цифрами и фактами. Все делаем. <...> Вот я сейчас публикую, например, что нам нужен специалист по охране труда. <...> Он нам очень нужен <...> Я публикую на хедхантере <...> свое объявление, оно падает всегда по заработной плате в самый-самый низ. <...> даже частная компания <...> они могут себе позволить <...> платить специалисту по охране труда 60 тысяч, а мы не можем <...> администрация города нам оклады дала, и все» (специалист по персоналу МКУ г. Абакана «Спецавтобаза жилищно-коммунального хозяйства»).

Директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана», также рассуждая о сложности конкурировать за востребованные рабочие специальности, объясняет это тем, что сейчас происходит инфляция заработных плат рабочих:

«200 человек [каменщиков] в городе, их больше не становится, просто по кругу ходят, по спирали поднимают цены, один дороже дал, другой — объект стоит, надо строить, — он тоже цены поднимает, за год цены увеличились на кладку, с 3700 за куб, сегодня уже 7200».

169

Первый заместитель министра сельского хозяйства Хакасии объясняет, что работодатели не в состоянии платить конкурентоспособные зарплаты, так как доходы от реализации произведенной продукции постоянно сокращаются, не могут компенсировать затраты на запчасты, удобрения и энергоносители:

«...все регионы об этом говорят <...> на разных уровнях и давно <...> чтобы сюда довести комбайн, комбайн сразу на 500–600 тысяч дороже становится».

Для Хакасии в силу ее специфического географического расположения проблема стоит очень остро:

«...вы карту уже смотрели, да? Хакасия где? Как в аппендиците» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

«...сделать-то производство можно, откуда людей брать? За сумасшедшие деньги их не потащишь, вся экономика в ноль уйдет» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

Причина перетоков рабочей силы не в привередливости работников и не в поиске лучшей жизни, а в бегстве от жизни плохой: от низкой

оплаты труда, высокой нагрузки, избыточных, связанных с авральными способами организации труда волнений.

Вторая причина дефицита — **низкий социальный престиж** большого ряда востребованных, но «ругательных», по определению одного из чиновников, профессий. Нужны слесари, сварщики, машинисты, механизаторы, но на рынок труда приходят в большом количестве юристы и экономисты.

Заместитель министра сельского хозяйства республики приводит конкретные примеры в сфере сельского хозяйства. Нехватку чабанов среди местного населения он объясняет следующим образом:

«Я приезжаю в Туву, едем к фермеру, у него ребенок пасет, ему 12 лет. Я говорю: “Что он не в школе?” Он говорит <...>: “Писать научился, считать научился, говорить может. Вот его богатство” <...> наше местное население, хакасы, они уже так ассимилировались, что <...> эта профессия сегодня не прельщает» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

170

На ситуации с кадрами в сельском хозяйстве негативным образом сказываются процессы урбанизации, стремление мигрировать в города, возросшие амбиции, осведомленность о более статусных, оплачиваемых и не подразумевающих тяжелый физический труд профессиях, о возможностях вертикальной мобильности, во многом посредством получения образования. Вместе с тем даже в городах с «угасающей индустриальностью» и в бесперспективных селах, где когда-то были заводы, колхозы и совхозы, все лучшее связывается с производственным прошлым (Веселкова, Прямикова 2024, с. 14, 20). Население уезжает, но всегда готово рассмотреть возможность остаться, если к тому будут располагать соответствующие условия. Сложившаяся ситуация объясняется скорее отсутствием скоординированной на государственном уровне медийной политики, невидимостью в СМИ «ругательных» профессий:

«Давайте мы с вами посмотрим средства массовой информации. Айтишников видим, блогеров видим <...> А хоть одну доярку показали? Чабана хоть одного показали? Механизатора показали? Да, показывают, как трактор едет в поле, и все. А самого механизатора показали?» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

Третья причина — **избирательный характер государственных льгот и субсидий**, в результате чего сформировался устойчивый переток рабочей силы.

«Молодежь из деревень куда уходит, парни? <...> Милиция, Росгвардия, еще куда-то. Вот я назову, почему непрестижно становится сельское хозяйство. Давайте так. Он милиционер, у него есть привилегии все, да? Он может на ку-

порты ездить, <...> дорога бесплатная <...> еще чего-то. Ребята уходят, допустим, на СВО и тому подобное. Я отработал всю жизнь. Заслуженный работник сельского хозяйства Республики Хакасия. Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации. <...> Какие у меня льготы, квоты? <...> Что дает мне ветеран труда? Бесплатный проезд на общественном <...> муниципальном транспорте» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

Другой участник исследования указывает на программу, действующую в Кемеровской области и позволяющую перетягивать туда значительные трудовые ресурсы из Хакасии:

«Кузбасс в прошлом году придумал, если вы приезжаете в пять каких-то там отраслей — ну они в рекламке писали — и трудоустраиваетесь в одну из этих отраслей, подъемные вам 200 тысяч. <...> Вот <...> такая фишка. В Хакасии такой фишки нет» (замминистра труда и социальной защиты Республики Хакасия).

Проблемы, связанные с привлечением вахтовых рабочих, в частности географическая удаленность региона при низких зарплатах, могли бы быть решены за счет предоставления льготного жилья, однако возможностей для этого в городе нет:

«Собственного помещения для размещения рабочих у нас нет на заводе, общежития никакого нет. <...> Городских общежитий здесь всего несколько, и условия проживания там очень желают лучшего. <...> Жилье мы оплачиваем, но снять его практически невозможно в летний период, например. <...> Жилья мало, оно дорогое, и вахтовикам сдают его не с особой охотой» (директор промышленного предприятия).

Об обеспечении комфортных условий жизни, которые бы могли привлечь вахтовиков в Абакан, рассуждает и другой информант, в пример приводит опыт якутских моногородов на алмазных месторождениях (города Удачный, Айхал, Мирный), в которых для вахтовиков строятся общежития.

Четвертая причина — низкий уровень культурной и образовательной инфраструктуры региона. Внушительный отток молодежи из республики происходит по причине непривлекательности региона как в плане доступности качественного образования, карьерных перспектив, так и культурного и спортивного досуга. Саморазвитие и профессиональный рост, чего можно добиться только через обучение, — ключевые ценности для молодежи (Балацюк, Кресникова 2024, с. 59). Не менее значимы ценности самоутверждения в достижении и для представителей других возрастных групп, которые на рынке труда становятся более мобильными и требовательными (Темницкий 2022; Попов, Vaimurzina 2024).

«Очень много студентов <...> заканчивают институт и уезжают <...> в Красноярск, в другие города <...> Кто-то хочет жить в большом городе, где развитая структура, кому-то здесь развлечений не хватает, тоже немаловажный фактор для молодежи» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

«...молодежи здесь пойти особо некуда, поразвлечься как-то. Здесь <...> хорошая природа, но это все удаленные места: для того чтобы мне в комфортном месте искупаться <...> переться не меньше 100 километров. <...> Досуг какой? В горы поехать. Ну не каждый может себе позволить по физическому состоянию поехать в горы» (директор промышленного предприятия).

Директор промышленного предприятия выносит суровый вердикт образовательным учреждениям в республике, которые обучают рабочих специальностям и инженерно-технический состав:

«Здесь нет учебных заведений, которые качественных специалистов и в нужном объеме готовят <...> чтобы обеспечивать <...> рабочими руками такие производственные предприятия».

«...образование здесь запущено, это точно. Молодежь здесь не держат» (директор промышленного предприятия).

172

Другие говорят в более нейтральном ключе:

«...ребята хотят они же чего-то нового, не то что здесь, они хотят себя попробовать в новых направлениях, <...> собираются и уезжают» (замминистра труда и социальной защиты Республики Хакасия).

Однако не все называемые причины внешние. Пятая, одна из наиболее весомых причин текущего кадрового кризиса — это **неумение организовывать работу в условиях дефицита кадров и расширения производства:**

«Завод заводу рознь. Любой процесс процессу рознь. Если он выстроен, и человек показал себя как специалист, он привык работать <...> по рельсам. <...> Эти шоры, им как написали регламентирующие документы, издали, <...> схемы нарисовали, вот так мы и движемся. Вот так люди работают. Так они эффективны. Приезжая сюда, где того нет, сего нет, третьего нет, дефицит там, дефицит сям, они рассыпаются на ходу у меня <...> Руководитель, который приезжает руками водить, здесь сразу же тухнет, потому что у него нет специалистов. Это его задача и свой штат тоже сформировать» (директор промышленного предприятия).

Дефицит всех ресурсов и необходимость наращивать производственные мощности — одна из особенностей текущего дня, однако причины кризиса на рынке труда лежат в прошлом. Когда одни,

придерживающиеся мировоззрения выживания, видят в текущей ситуации лишь проблемы, другие, нацеленные на развитие, видят возможности:

«...наши последние годы с 2020-го, с периода пандемии, дальше все наши санкции, они же сыграли в плюс нашему <...> машиностроению. Импортозамещение сейчас развивается, мы, конечно же, к этому не готовы были, естественно, как все российское. <...> Но тем не менее мы пыжмися и пытаемся бизнес свой удвоить, утроить, удесяттерить, и на этом зарабатываем сейчас неплохо. Поэтому в том числе и возникает дефицит, ну я вот <...> область беру производственного персонала. Мы запланировали себе рост х3 <...> объем производства, но я же вижу, что ни производство не готово, ну никакие ресурсы не проработаны, так что люди — это не самое главное» (директор промышленного предприятия).

«Я думаю, что от санкций мы только выиграли, потому что <...> у нас были конкурирующие предприятия где-то вот за рубежом, тот же <...> Казахстан, <...> там с Америки, с Индии вот какие-то были поставки на те же блоки. <...> А в связи вот со всеми этими санкциями они полностью практически перешили вот <...> на российские продукты <...> поскольку мы практически монополисты и лидеры этого, то я думаю, что нам это оказалось только на руку» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

173

Наконец, финальная, шестая причина — **структурные сбои во взаимодействии государства и бизнеса**, которые закономерны, но отнюдь не фатальны в текущих обстоятельствах. Руководители предприятий, вынужденные решать кадровые проблемы, упоминают о неповоротливости, излишней нормативности, негибкости региональных органов власти, ссылаются на отсутствие у них заинтересованности, инициативности в решении насущных задач развития региональной экономики. Они требуют от региональных властей самостоятельности в принятии решений, хотя последние зачастую претендуют лишь на исполнение федеральных поручений.

«Если честно, никак [не помогает]. Запросы приходят: <...> какие проблемы испытываете, какие у вас специальности дефицитные и прочее. <...> Какой-то комплексной работы, <...> целенаправленной по обеспечению рынка труда <...> не вижу. Каждый выплывает сам, как может»;

«...ситуация с тем же корейцами [речь идет о попытке выбить квоту на работников из Кореи]. Куда мы только не ходили, и в Минстрой, и везде, там все разводят руками: <...> “Не в нашей компетенции. Решайте свои проблемы сами”» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

Эксперт считает, что на данный момент в городе отсутствует какая-либо координация действий и стратегия развития, отчасти потому, что город и республика зависят от вертикального исполнения проектов, обеспечение их финансированием из федеральных источников:

«...республика дефицитная, дотационная <...> только за счет федеральных денег здесь строится <...> Город живет тоже из года в год: появились федеральные деньги — начали строить, нет денег — не строят».

Для участников исследования, занимающих высокие посты в региональных министерствах, наиболее болезненным вопросом являются отношения с федеральной властью. Некоторые из проблем этого взаимодействия носят фундаментальный характер и не зависят от лабильной политической конъюнктуры (например, кто из чиновников друг с другом находится в конфликте, кто состоит в альянсе). Устойчивый характер имеет сама логика коммуникации региона и центра. От региональных чиновников ожидают нечто иное, чем «точное» и «объективное» изложение положения дел.

Чиновники в своей речи конструируют «Москву» как единого актора, часто безразличного к бедам и заботам регионов:

«Неужто на каком-то высшем уровне <...> не понимают, что ли <...>? Или в регионы никуда не ездят дальше Москвы?» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

174

«Москва не принимает наши жалобы. Говорит, вы плохо работаете» (замминистра одного из министерств Республики Хакасия).

В некоторых случаях даже корректное донесение до «Москвы» существующих проблем и предложений не приводит к желаемому результату. Иногда чиновники намекают на некомпетентность своих федеральных коллег, на требование ими добиваться результатов в короткие, нереалистичные сроки:

«Целевое обучение — это трудный вопрос, особенно в рамках сегодняшнего 555-го постановления. Оно вышло буквально 27 апреля и буквально до 10 июня надо было сформировать пул работодателей, которые бы <...> подтвердили целевое обучение. По квоте, вне квоты и так далее <...> естественно, на службу занятости это возложили. Там говорят: “Мы вас сейчас тут всех <...> уволим, “расстреляем” — я не говорю такое слово. <...> Вот лоббируют <...> принятие быстрых решений. Может быть, они и хорошие, но они неапробированные. Принятие каких-то решений неапробированных на всю страну. И поэтому вот мы видим то, что видим»;

«Москва пыталась замерять [теневую занятость], вроде у нас в республике очень большой. <...> Что-то <...> они кучками кого-то раскладывали, раскладывали, раскладывали, а мы не согласны с их выкладками. Ну и что, что вы разложили по кучкам?» (заместитель министра одного из министерств Республики Хакасия).

«Разработайте прогноз до 42-го года». Дали буквально несколько недель <...> мы разработали, хорошо, вы хотите так, вы хотите, чтобы мы сделали как

попало? Получайте <...> но это же неправильно» (замминистра одного из министерств Республики Хакасия).

Первый заместитель министра сельского хозяйства республики описывает, как самостоятельно приходится исправлять то, что «Москва неправильно сделала». Он приводит в пример проблемы со сбором статистических данных о поголовье скота:

«...по ветеринарной службе у нас в республике 600 тысяч овец, по статистике — 380, по нашим отчетам — 450» (первый заместитель министра сельского хозяйства Республики Хакасия).

«Раздрай» в цифрах он объясняет автономным существованием ветеринарных служб и Министерства сельского хозяйства, в результате чего собираемая последним статистика не отражает реальное положение дел, к которому имеют доступ ветеринарные службы, занимающиеся обработкой поголовья скота:

«[Сотрудники статистических служб] приходят к ним [сельхозтоваропроизводителем] и говорят, сколько скота держишь? Она может назвать две головы. В похозяйственных книгах все врут. Сто процентов <...> Говорит — 2, а по факту — 10» (первый замминистра сельского хозяйства Республики Хакасия).

175

Много вопросов вызывает непродуманность и поспешность распоряжений, касающихся внедрения цифровизации. Первый заместитель министра сельского хозяйства республики отмечает, что поставленная на федеральном уровне задача чипировать 100% поголовья к 1 сентября нереалистична, так как даже само законодательство не приведено в соответствие с этим требованием. Принят указ об обязательном чипировании, но не внесены изменения в закон о личном подсобном хозяйстве (ЛПХ): текущие формулировки не позволяют принудить владельцев ЛПХ чипировать скот.

В интервью появляется нарратив о ручном исправлении неувязок в федеральном законодательстве по собственной инициативе своими силами, поскольку отсутствуют процедуры корректировки первичного сбора статистических данных:

«Я им говорю [служба статистики]: “<...> давайте сделаем так. Вы говорите, что это секретный список у вас, у кого вы делаете опрос. <...> Вы перед тем, как делать опрос, приезьте на ветстанцию. <...> я позвоню, <...> вам дадут специализированную форму, и специалист вам скажет. <...> вы приходите и говорите: “<...> сколько коров?” Она говорит: “Две”. “Подождите, у вас у ветеринаров — 15”. Я говорю: “Может, тогда <...> у нас и статистика к факту что-то подравняется”. Она говорит: “Нет, мы не имеем права”. У меня есть даже письменный ответ <...> из статистики. Я прям запрос туда делал. <...> “Уважаемый Александр Алек-

сеевич, это у нас своя методология"» (первый замминистра сельского хозяйства Республики Хакасия).

Иногда критике подвергается многочисленность поручений, бессмысленность некоторых из них:

«У нас <...> очень много поручений, я по отдельным не понимаю, зачем мы их делаем, если это статистика, вы можете сами это все взять, а мы вам заполняем, вы можете сами, разработайте программу, пусть вам она это все подтягивает» (замминистра одного из министерств Республики Хакасия).

Некоторые информанты, не посвященные в тонкости политических игр и не состоящие на государственной службе, заявляя о своей аполитичности и признаваясь в неосведомленности, кто именно занимает руководящие посты в городе и республике, неспособности указать на их конкретные ошибки, тем не менее к власти относятся обобщенно негативно:

«Я не очень знаю региональную власть. <...> я аполитичный человек».

«С проблемами я ни с какими лично не сталкивалась с этими управленцами».

«Мне кажется, они какие-то все старые <...> неэнергичные».

«Если обобщенно сказать, <...> застойные мозги. Нежелание <...> принять изменения в текущей действительности».

Лишь в одном эпизоде критика становится немного более конкретной:

«Есть мероприятия, трехсторонняя комиссия <...> называется. И вот эти все правительства, министры здравоохранения, строительства, минэкономразвития <...> вот они пришли, вот мы уселись — и нифига. Ну вот это что?» (директор промышленного предприятия).

Среди работодателей есть и те, которые сторонятся вовлечения государства, ожидая от него лишь новых обременений. Первый замминистра сельского хозяйства в Хакасии демонстрирует, что такое отношение может иметь под собой основания, упоминая об избыточной трудоемкости процедур электронной отчетности за получение государственных субсидий, польза от которых сомнительна:

«Он [фермер] говорит, мне не нужна ваша субсидия. Я буду лучше работать без субсидии, выживать кое-как. <...> в налоговые не сдал — получи. В статистику не отчитался — получи».

«...это программа 1432, это если ты являешься сельхозтоваропроизводителем, скидка <...> 10% <...> на приобретаемую сельхозтехнику. Ну давайте так, честно, я завод, <...> я сразу сделаю такой ценник, потом 10% скидки сделаю. <...> Давайте возьмем сразу 10-й год. "Беларусь" сколько стоила? <...> 740 тысяч. Сегодня <...> 2 миллиона 400» (первый замминистра сельского хозяйства Республики Хакасия).

Продолженное прошлое, подчас неотличимое от настоящего, формирующее и задающее текущую траекторию экономического и социального развития в разговорах с экспертами предстает через перечень проблем — привычный набор дискурсивных маркеров в обсуждении социальной политики. Вместе с тем за проблемами скрываются колоссальные возможности, о чем упоминают наши собеседники. И чем критичнее замечания, конкретнее, с примерами и цифрами выводы, тем больше проявлена личностная, действенная характеристика людей, принимающих решения и ответственных за их последствия. На первый взгляд Хакасия предстает дотационной, полностью зависимой от федеральной власти республикой, но это отнюдь не так. Предкризисное прошлое указывает нам на впечатляющие возможности не только выживания, но и развития республики и страны в сложных социально-экономических условиях.

177

Деятельное будущее, или Способы решения кадровых проблем

Заметное число участников исследования единодушно предсказывает усугубление кризиса в следующие несколько лет, когда на пенсию уйдет старшее поколение, если смены им из молодого поколения не будет:

«...вот самый дефицит, я считаю, будет лет через 5–10. Вот сейчас, как мы с вами говорим, одногодки [информанту сейчас 62 года], мы с вами станем неработоспособными» (первый замминистра сельского хозяйства Республики Хакасия).

«Если ничего не предпринимать, думаю, через два года будет коллапс. Ну еще мы год как-то протянем» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана).

«...персонал, который уже пенсионеры, которым 60, ближе к 70, они через пять лет все-таки на 90% уйдут. Тот персонал, которым от 25 до 50, — их отток. Притока нет <...> Если все останется в такой же ситуации, пять лет, у нас есть пять лет» (исполнительный директор ООО «Абаза-Энерго»).

Помимо поколенческой проблемы информантов в размышлениях о будущем тревожат процессы инфляции:

«...если инфляция в стране будет расти, и наша зарплата тогда будет еще больше отставать, несмотря на то что мы индексируем, <...> то я думаю, что <...> потребность в кадрах будет все больше» (начальник отдела кадров филиала ПАО «Россети Сибирь»).

Вместе с тем многие информанты выражают надежды на благоприятное развитие событий:

«Хочется верить в лучшее, потому что, знаете, сколько было у нас витков в нашей жизни, чего только не было, да, и на дно опускались, и потом понемножку поднимались, и стабилизировалось вроде, потом опять» (специалист по персоналу МКУ г. Абакана «Спецавтобаза жилищно-коммунального хозяйства»).

«...мы верим, что мы пойдём вперед. Надо отдать должное нашим акционерам, <...> нашим <...> коллегам, которые управляющие компанией, вот именно по стратегическому развитию, по всему. Я думаю, что мы будем только расти и двигаться вперед» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

178

Движение вперед определяется перечнем мер и решений, принимаемых или готовящихся к принятию в ближайшем будущем. Базовое решение — **рост заработных плат** (не только как условие самообеспечения, но и как элемент ценности «самоутверждения в достижении» (Темницкий 2022)) на ключевые и дефицитные профессии:

«Это привлечет и удержит кадры. Человек заинтересуется, человек увидит, что предприятие готово платить достойную заработную плату. Для чего ему ехать на Север, есть, так сказать, замороженные продукты, жить холодно, когда он может здесь дома с семьей остаться и работать» (исполнительный директор ООО «Абаза-Энерго»).

Создание комфортных условий труда имеет крайне ограниченный эффект, если параллельно не обеспечивается повышение зарплат:

«...можно человека посадить в золотой кабинет, при этом платить 10 тысяч рублей, он посидит, немножко поахает, поохает <...> потом ему надоест. Придя домой, жена спросит: “А ты хлеб-то купил?”» (исполнительный директор ООО «Абаза-Энерго»).

Ряд информантов говорят о возможностях, которые предоставляет диверсификация формул расчета заработной платы:

«Сейчас много вариаций, как платить зарплату людям <...> Мы хотим платить за результат. И, собственно, в этом заключается моя работа. Придумать, как так правильно платить за труд, чтобы люди были замотивированы и чтобы собственник бизнеса получал желаемый результат» (директор промышленного предприятия).

«У нас разные программы мотивации действуют. <...> например, есть <...> стратегически важная бригада на том же заводе по переработке <...> глины. У нас здесь сейчас в свободном доступе вот эта вот бригада капитальных работ <...> у них зарплата 90 на руки [в других ценах на предприятии средняя зарплата — 50–60 тысяч]» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

Начальник отдела кадров филиала ПАО «Россети Сибирь» подробно перечисляет внушительный перечень вводимых на предприятии льгот и дополнительных выплат (северная надбавка, надбавка за выслугу лет, система бонусов, корпоративные скидки и т.д.), которые позволяют привлекать молодые кадры:

«...молодежь к нам идет с удовольствием, потому что у нас <...> им <...> преференции определенные, льготы <...> и доплаты».

«...у нас есть доплаты <...> за совмещение профессий <...> Допустим, вот он работает у нас электромонтером, он имеет водительское В и С, имеет стаж работы водителем, <...> ему устанавливается совмещение водителя бригадного автомобиля, и <...> он может получать доплату <...> до 20%. То есть он везет бригаду и работает в составе бригады» (начальник отдела кадров филиала ПАО «Россети Сибирь»).

179

Вторым решением, вслед за пересмотром материального стимулирования труда, выступают **инновационные представления о непрерывном образовании**. Эффективное предприятие не просто планирует брать на работу выпускников вузов, но формирует собственную программу обучения, которая не заканчивается вплоть до выхода работника на пенсию, а в случае грамотной корпоративной социальной политики продолжается и далее. Обучение не только «под себя», но и «для нас», когда работник мыслится частью предприятия — носителем постоянно развивающихся профессиональных знаний и умений (Сизова и др. 2023, с. 41), а не просто обладателем диплома:

«...они оканчивают техникум, приходят к нам работать и <...> далее учатся, получают высшее профессиональное образование. Соответственно, мы и обучение, и стипендию, и все им проплачивали» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

«...мы получили лицензию образовательную. <...> Две недели всего теории. Потом мы эту теорию еще неделю в конце закрепляем для того, чтобы, уже проработав механику, у человека было понимание, о чем мы вообще ему рассказывали. Чтение чертежей, например. Когда ты просто заучиваешь эти все обозначения, это не так ложится в голову <...> У меня тоже механическая память развита, я пока не сделала, на словах мне сложновато. И так же ребята мои. Они пришли, позанимались, тут же в чертеж заглянули, тут же поварили, и все» (директор промышленного предприятия).

Иначе рассматривается работа и с действующими образовательными организациями. Через партнерство и личные договоренности, активное сочленение процессов обучения и производства на всех этапах взросления: от школы до рабочего места:

«Заключили трехсторонние договора, <...> привлекаем детей к нам на практику, экскурсии проводим <...> всячески стараемся их к себе уже заманить после окончания суза» (директор по персоналу ООО «Бентонит Хакасии»).

«У нас тут много учебных заведений, мы со всеми сотрудничаем, кто готовит нашу вот основную специальность, электроэнергетика, электротехника, <...> электромонтеров» (начальник отдела кадров филиала ПАО «Россети Сибирь»).

«...у нас есть строительный техникум, там учат и каменщиков <...> и мы хотим с ними сейчас вроде целевых договоров заключать, чтобы студенты уже после окончания сразу приходили к нам работать <...> чтобы они после армии уже были трудоустроены» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

«...мы встречались с руководителями учебных заведений, ХГУ, ХТИ, технических институтов. <...> Есть у них <...> понимание того, что не могут они привлечь на технические специальности молодежь. <...> С этим нужно работать. Мы как работодатели готовы у них забирать этих специалистов» (директор промышленного предприятия).

180

Третье решение — преодоление в сознании и на практике производственного эйджизма, или возрастной дискриминации, **привлечение к труду всех способных и деятельных**, независимо от возраста. Следовательно, необходимо пересмотреть формальные требования приема на работу, индивидуализировать графики, нагрузку, сделать более гибкой систему занятости и профессиональных требований к занятым.

Наконец, четвертая и самая противоречивая в текущей политической ситуации мера — это **привлечение трудовых мигрантов**. Вместе с тем участники исследования не рассчитывают на использование труда иностранных мигрантов как на способ закрыть свои потребности в кадрах в связи с недавним ужесточением миграционного законодательства (особенно в адрес граждан государств, из которых шел основной поток трудовой миграции — из Узбекистана, Таджикистана), множеством формальных препятствий и нежеланием профильных министерств способствовать их преодолению, обострением международной политической обстановки:

«Восточная Украина вся у нас работала. <...> энергетики классные, строители были. Но сейчас, понятное дело, этого нет» (директор НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»).

«...у нас <...> много же стран сейчас запретили. Таджикистан, Узбекистан <...> Нет Армении, нет Украины» (исполнительный директор ООО «Абаза-Энерго»).

Работодатели обсуждают альтернативные направления возможного импорта рабочей силы, рассматривая, в частности, африканский регион.

Однако смена региональной ориентации автоматически не устраняет множество формальных препон:

«...это же <...> определенные сложности, квота, оформление документов, поэтому мы связываемся с людьми, которые этим бизнесом уже занимаются, у которых есть контакты, налаженные связи. Я пробовала с одной компанией проработывать этот вопрос, но что-то они быстро сдулись, видимо, столкнулись со сложностями как раз оформления этих людей. <...> Он приезжал ко мне на завод, это должны были быть индусы, приехал, посмотрел условия, мы свозили его в гостиницу, которая более-менее здесь с подходящими условиями, все обсудили, он раз — и резко пропал» (директор промышленного предприятия).

Итак, деятельное будущее видится в четырех основных направлениях: достойные зарплаты, непрерывное образование, анти-эйджизм и коррекция работы с учетом демографической ситуации на рынке труда. Последнее сталкивается с огромными трудностями из-за непродуманной и подчас противоречивой миграционной политики, реализуемой на федеральном уровне. Риски потерять значительный объем востребованных кадров из-за политических амбиций весьма высок и требует отдельного рассмотрения.

181

Заключение

Мы начинали статью с различения актора и агента (Аксенова 2023) и актуализации социальной и управленческой неопределенности (ErmaKoff 2015) как базового контекста данного различения. Несмотря на то что удачность выбора терминологической пары (агент-актор) для корректной практической фиксации различения вызывает сомнения («агент» и «актор» — понятия зачастую синонимичные, в результате чего может возникать концептуальная путаница), это различие может стать одним из объяснений дисфункциональности отношений между центром и регионами и, как следствие, ряда сложностей в достижении поставленных на федеральном уровне целей.

Согласно упомянутому выше различению, есть акт творческой, инициативной мысли, а есть пассивное, порой вынужденное следование чужой воле. Есть те, кто на высшем уровне задает повестку, разрабатывает программы реформ, и те, кто занимается реализа-

цией планов других на практике в локальных контекстах. Из разговоров с региональными служащими проступает отражение их агентного восприятия федеральными чиновниками, которые часто относятся к регионалам исключительно как к исполнителям, но не как к равноправным коллегам, способным и желающим использовать знание регионального контекста для корректировки унифицированных директив, поступающих сверху. В действительности мы наблюдаем постоянное чередование модусов «агентности» и «акторности» у одних и тех же руководителей, и именно проактивная деятельность чиновников регионального уровня в разработке мер государственной поддержки работодателей и кадровой политики, адаптация, нюансировка распоряжений в зависимости от региональной специфики становится залогом их успешности. Признание права каждого субъекта на то, чтобы быть не только агентом, но и актором, и нормативное закрепление пространства для субъектности — одна из первоочередных задач. Иначе — фрустрация, апатия, гнет абсурдности поступающих от вышестоящих лиц и не подлежащих обсуждению указаний.

182

Важно подчеркнуть, что субъекты, совмещающие в себе акторность и агентность, способны раскрываться перед нами в двойственной позиции: критика, разоблачающего существующий порядок, и апологета, всячески его поддерживающего, исполняющего, способствующего реализации. По этой причине не стоит интерпретировать озвучиваемую критику как свидетельство неповиновения, отказа сотрудничать, угрозу саботажа.

Быть актором можно только через ощущение тревоги и неопределенности в происходящем, сомнения в правильности выбранного пути, критичность к поступающим распоряжениям и поиск вариантов интерпретации для принятия или непринятия внешних стимулов к действию. Быть актором — значит быть человеком сомневающимся, критичным и действующим одновременно.

Вчитываясь в транскрипты разговоров с экспертами, сквозь разрозненные факты и события настоящего, довлеющее колеей прошлое и полагаемое будущее можно различить основы государственной политики в области трудовых отношений. Эта политика опирается на общее, разделяемое всеми представление о кадровом голоде, видимые уже немногим основания и причины этих проявлений и открытые уже только для единиц возможности принимать решения и действительно влиять на происходящее. Этой возможностью обладают люди, умеющие не только критиковать, сомневаться и исполнять, но и действовать, убеждать и давать поручения.

За быстротечными и дискретными экспертными разговорами с региональными чиновниками и бизнесменами открываются широкие перспективы развития российского рынка труда, и наша

задача — не упустить важнейшие элементы ее описания, представить услышанное в логичной, аргументированной и в меру противоречивой форме.

Благодарности

Выражаем признательность и искреннюю благодарность руководству Республики Хакасия, региональным служащим, экспертам, оказавшим значительный вклад в написание настоящей статьи, а именно Е. В. Гринько, заместителю министра труда и социальной защиты Республики Хакасия; А. А. Башкову, первому заместителю министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Хакасия, и А. А. Аплошкину, директору НКО «Муниципальный жилищный фонд г. Абакана»; а также респондентам, пожелавшим остаться анонимными. Наши выводы и рекомендации могут не совпадать с мнениями экспертов, содержать какие-либо неточности и искажения, ответственность за которые целиком лежит на авторах настоящей статьи.

Список источников / References:

183

Аксёнова О. В. (2023). Диалектика социального действия. К методологии изучения трансформации субъектности. М. К. Горшков (Ред.), *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 21 (с. 122–149). ФНИСЦ РАН. EDN: ZMVQYE. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5>

— Aksyonova O. V. (2023). Dialectics of social action: Toward a methodology for studying the transformation of subjectivity. In M. K. Gorskov (Ed.), *Reforming Russia: Yearbook*. Vol. 21 (pp. 122–149). FNISC RAS. — in Russ. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5>

Балацук Е. С., Кресникова Е. В. (2024). Трудовые ценности в поколенческом аспекте на примере младших миллениалов Санкт-Петербурга. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 16(2): 50–68. EDN: DAZQVK. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.3>

— Balatsiuk E. S., & Kresnikova E. V. (2024). Work values in the generational aspect on the example of younger Millennials of Saint Petersburg. *Inter*, 16(2): 50–68. — in Russ. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.3>

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2024). Состояние постиндустриальности: «власть заводов». *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 16(3): 10–32. EDN: SZL-GZM. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.1>

— Veselkova N. V., & Pryamikova E. V. (2024). The state of post-industriality: The “power of factories”. *Inter*, 16(3): 10–32. — in Russ. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.1>

Зойдов К. Х., Урунов А. А., Богатырев С. И., Остапенко В. А. (2024). Дефицит кадров: сравнительный анализ в России и зарубежных странах. *Региональные проблемы*

преобразования экономики, 6: 164–172. EDN: JBMTDG. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2024-6-164-172>

— Zoidov K. Kh., Urunov A. A., Bogatyrev S. I., & Ostapenko V. A. (2024). Labor shortage: A comparative analysis in Russia and abroad. *Regional Issues of Economic Transformation*, 6: 164–172. — in Russ. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2024-6-164-172>

Рогозин Д. М. (2021). *Дистанционное обучение в период пандемии COVID-19: Методология административного опроса преподавателей и студентов вузов*. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: VSNUSS

— Rogozin D. M. (2021). *Distance learning during the COVID-19 pandemic: Methodology of administrative survey of university teachers and students*. Delo Publishing House, RANEPА. — in Russ.

Селиверстова Н. С. (2024) Структурные сдвиги в электронной промышленности. *Экономика промышленности*, 17(1): 67–75. EDN: HIWYRS. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-1-1255>

— Seliverstova N. S. (2024). Structural shifts in the Russian electronics industry. *Russian Journal of Industrial Economics*, 17(1): 67–75. — In Russ. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-1-1255>

184

Сизова И. Л., Орлова Н. С., Елагина Е. Д. (2023). Компетентность работников в условиях социально-экономической неопределенности. *Социологический журнал*, 29 (4): 31–55. EDN: GNOOWE. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.2>

— Sizova I., Orlova N., & Elagina E. (2023). Employee competence in conditions of socio-economic uncertainty. *Sociological Journal*, 29(4): 31–55. — in Russ. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.2>

Соловьев А. И. (2024). Агенты и механизмы политического господства, или Как правит «выигрышная» коалиция. *Политические исследования*, 2: 96–117. EDN: CGFB-MG. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.08>

— Solovyov A. I. (2024). Agents and mechanisms of political domination, or how a “winning coalition” rules. *Polis. Political Studies*, 2: 96–117. — in Russ. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.08>

Темницкий А. Л. (2022). Роль ценностей самоутверждения в достижении благополучия у российских работников. *Социологический журнал*, 28(1): 61–79. EDN: FZ-STWK. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8838>

— Temnitskiy A. (2022). The role of self-affirmation values in achieving the well-being for russian workers. *Sociological Journal*, 28(1): 61–79. — in Russ. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8838>

Чекмарев О. П., Ильвес А. Л., Конев П. А. (2023). Занятость и дефицит кадров в России в условиях санкционного давления: факторный анализ предложения труда. *Экономика труда*, 10(4): 475–496. EDN: LYUOEK. <https://doi.org/10.18334/et.10.4.117602>

— Chekmarev O. P., Ilves A. L., & Konev P. A. (2023). Employment and staff shortage in Russia under sanctions pressure: labor supply factor analysis. *Russian Journal of Labour Economics*, 10(4): 475–496. — in Russ. <https://doi.org/10.18334/et.10.4.117602>

Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Давранова С. Б., Наджаров А. М. (2024). Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада. *Политические исследования*, 1: 21-36. EDN: LRCOGX. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>

— Entin M. L., Entina E. G., Davranova S. B., & Nadzharov A. M. (2024). Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research. *Polis. Political Studies*, 1: 7-20. — in Russ. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>

Chinorachy R., Corejova T. (2019) Impact of digital technologies on labor market and the transport sector. *Transportation Research Procedia*, 40: 994-1001. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2019.07.139>

Ermakoff I. (2015). The Structure of Contingency. *American Journal of Sociology*, 121(1): 64-125. <https://doi.org/10.1086/682026>

Evangelista R., Guerrieri P., Meliciani V. (2014). The economic impact of digital technologies in Europe. *Economics of Innovation and New Technology*, 23(8): 802-824. <https://doi.org/10.1080/10438599.2014.918438>

Gaur A., Settles A., Vaatanen J. (2023). Do economic sanctions work? Evidence from the Russian-Ukraine conflict. *Journal of Management studies*, 60 (6): 1391-1414. <https://doi.org/10.1111/joms.12933>

Gerber T. P., & Gimpelson V. (2024). Inequality and social stratification in Russia during the Putin regime: From market transition to war on Ukraine. *Sociology Compass*, 18(3): e13196. <https://doi.org/10.1111/soc4.13196>

Maslova V. V., Zarus N. F., & Avdeev M. V. (2024). Accumulation and Consumption in the Agricultural Sector of the Russian Economy. In E. G. Popkova, A. V. Bogoviz, B. S. Sergi, O. V. Kaurova, & A. N. Maloletko (Eds.), *Sustainable Development of the Agrarian Economy Based on Digital Technologies and Smart Innovations*. Springer Nature Switzerland: 7-11. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51272-8_2

Bitzinger R. A., Raska M. (2022). Chinese and Russian military modernization and the fourth Industrial revolution. In S. Kirchberger, S. Sinjen, N. Wormer (Ed.) *Russia-China relations: Emerging alliance or eternal rivals?* Springer: 121-140. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97012-3>

Tavokin E. P. (2024) About the personnel problem in modern Russia. *Human Resources Management and Services*, 6(3): 3485. <https://doi.org/10.18282/hrms.v6i3.3485>

Об авторах / About the authors

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований ИНСАП РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Научные интересы: методология социальных исследований, социология старения, опросы общественного мнения.

<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration

Дискретное настоящее, продолженное прошлое и деятельное будущее рынка труда...

under the President of Russian Federation (RANEPA); Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Ченцова Александра Александровна — младший научный сотрудник Лаборатории полевых исследований ИНСАП РАНХиГС. Научные интересы: социология старения, исследования бездомности, социология образования.

<https://orcid.org/0000-0002-3890-9274>. E-mail: alexchentsova@mail.ru

Alexandra A. Chentsova — Junior Researcher, the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation (RANEPA).

<https://orcid.org/0000-0002-3890-9274>. E-mail: alexchentsova@mail.ru

Технократическая метафора в российском политическом дискурсе: проблема концептуализации

Максим П. Мозжухин

Исследовательская компания Russian Field, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0007-7613-6675>

Рекомендация для цитирования:
Мозжухин М. П. (2025)
Технократическая метафора в российском политическом дискурсе: проблема концептуализации. *Социология власти*, 37 (2): 187-206.
EDN:

For citation:
Mozzhukhin M. P. (2025) The Technocratic Metaphor in Russian Political Discourse. *Sociology of Power*, 37 (2): 187-206.

Поступила в редакцию: 28.02.2025;
прошла рецензирование: 16.05.2025;
принята в печать: 10.06.2025
Received: 28.02.2025; Revised:
16.05.2025; Accepted: 10.06.2025

© Mozzhukhin M. P., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Статья посвящена исследованию метафорических концептов в российском политическом дискурсе, переносящих в сферу политики явления из сферы техники. За счет средств теории когнитивной метафоры описываются причины популярности технократических метафор в политических объяснительных моделях в современной России. В качестве одного из основных факторов называется технооптимизм позднесоветской культуры, повлиявший на формирование современного российского политического лексикона. В то же время констатируется анонимность метафорических концептов этого рода: установить, кто и когда предложил их использование в российской политической науке, оказывается чрезвычайно сложно. В отсутствие конкретного автора и какого-либо контроля со стороны научных институтов один и тот же термин начинает наполняться часто противоположными смыслами и моральными оценками. На примере «политических технологий» демонстрируется, с одной стороны, укорененность такого рода метафор в языке политической аналитики, с другой — низкий уровень научной рефлексии вокруг подобных понятий. Чтобы преодолеть данное противоречие, предлагается реконструировать ход научной дискуссии вокруг как этой, так и других технократических метафор, закрепившихся в языке российских политических наук. В духе картографии разногласий необходимо определить, велся ли в действительности содержательный спор вокруг

их значения. В зависимости от результата этих изысканий можно будет судить, делают ли технократические метафоры политическую реальность более понятной или же, наоборот, являются пустым означающим, обдуманное использование которого требует широкой дискуссии специалистов и последовательной реконцептуализации. Подобная работа могла бы сделать язык российской политологии более ясным и, как следствие, способным к более четкому отражению сложных политических явлений современной РФ.

Ключевые слова: картография разногласий, когнитивные науки, исследования науки и технологий, политические технологии, политология, технооптимизм, технократия, технократическая метафора

The Technocratic Metaphor in Russian Political Discourse

Maksim P. Mozhukhin

Reresearch company Russian Field, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-7613-6675>

188

Abstract: The article focuses on studying metaphorical concepts in Russian political discourse that transfer phenomena from the domain of technology to politics. Using the tools of cognitive metaphor theory, the paper describes the reasons for the popularity of technocratic metaphors in political explanatory models in contemporary Russia. Techno-optimism of late Soviet culture, which influenced the formation of the modern Russian political lexicon, is identified as one of the main factors. At the same time, the anonymity of such metaphorical concepts is noted: it is extremely difficult to determine who and when proposed such terms in Russian political science. In the absence of a specific author and any control from scientific institutions, the same term can often take on opposing meanings and moral evaluations. Using “political technologies” as an example, the article demonstrates, on the one hand, the entrenchment of such metaphors in the language of political analysis and, on the other, the low level of scientific reflection surrounding these concepts. To overcome this contradiction, it is proposed to reconstruct the course of scientific discussion around this and other technocratic metaphors that have become established in the language of Russian political sciences. In the spirit of mapping controversies, it is necessary to determine whether a substantial debate about their meaning has actually taken place. Depending on the results of these investigations, it will be possible to judge whether technocratic metaphors make political reality more comprehensible or, conversely, are empty signifiers requiring broad discussion among specialists and consistent reconceptualization. Such work could make the language of Russian political science clearer and, as a result, more capable of accurately reflecting the complex political phenomena of contemporary Russia.

Keywords: cognitive sciences, Mapping controversies, Political science, Political technologies, STS, Technocracy, Technocratic Metaphor, Techno-optimism.

Введение

С середины 2010-х telegram-каналы стали одним из ключевых источников политической аналитики в России. Новая медиа-площадка стала платформой экспертных высказываний, не уступающей по своему влиянию традиционным аналогам — научным журналам и СМИ. За прошедшее время сформировался и стиль языка политической аналитики в Telegram, состоящий из канцеляризованных, цехового сленга политконсультантов, научных и околонучных понятий. При этом заимствования терминов из общественных наук оказываются свободны от рецензирования: оказавшись в распоряжении экспертов из Telegram, часто анонимных, эти понятия искажаются и обретают новые смыслы.

Иными словами, у общественных и в первую очередь политических наук появился конкурент, который *активно использует научный политологический словарь* и претендует на право определения категорий, которыми пользуется политическая наука. Эта претензия, конечно, не артикулирована — она выдвигается за счет миллионов охватов этих высказываний. Даже если администраторы политических telegram-каналов не преследуют цели изменить содержательную сторону языка российской политологии, они это делают перформативно.

Как следует поступить не-анонимным представителям соответствующих дисциплин в этих условиях? Ситуация с распространением множества народных трактовок изначально научных терминов не нова. Достаточно вспомнить, какой путь прошли такие излюбленные СМИ понятия, как «менталитет», «пассионарность» или «окно Овертона», постоянно встречающиеся и в языке аналитиков из Telegram. В этих случаях мы можем проследить историю каждого термина, прийти к выводам об экстравагантности теории Л. Гумилева, косвенном отношении Дж. Овертона к социологии и хрупкости психологических концептов, пытающихся провести общий знаменатель под целыми нациями, затем вернуться к контексту и вынести вердикт о квалификации автора.

Однако в языке российской политической аналитики могут встречаться понятия, история которых не поддается восстановлению, будто они были с нами всегда. Как судить о корректности использования термина или концепта, если он уже прижился в языке дисциплины, но никем не проблематизировался, а попытка восстановить его генеалогию, т.е. пройти по специализированным источникам до изначального автора, не дает результатов?

Рассмотрим пример, который станет центральным для настоящей работы, — понятие «политические технологии». Актуальное на сегодняшний день определение в основном источнике для

не-специалистов, а именно русскоязычном сегменте Википедии, гласит следующее: «Политические технологии — это совокупность способов, методов и процедур воздействия на массы людей с целью придания их политическому поведению характера, благоприятного для достижения определенных политических или управленческих целей».

Скорее всего, политик, госслужащий, первокурсник факультета политологии или просто внезапно столкнувшийся с термином пользователь интернета будет удовлетворен этой широкой и несколько бихевиористской постановкой вопроса. Однако в каждом из этих случаев оно будет подсвечивать именно ту часть политического, с которой сталкивается данный читатель. Оптика обывателя, ученого или политика здесь может сработать по-разному не только при соотношении определения «политических технологий» с конкретными политическими явлениями, но и, например, в плане морально-этической нагрузки этого понятия.

Интересно и происхождение данной дефиниции — она взята из 12-го номера журнала «Власть» за 2015 год. В трехстраничной статье с четырьмя источниками дается наиболее популярное определение одного из ключевых понятий в современном российском политическом дискурсе. При этом его автор не имеет регалий в политических науках, а информация о его деятельности — как научной, так и любой другой — не встречается в открытых ресурсах. Не ставя под сомнение компетентность редакции журнала и автора, этот факт из современной энциклопедической жизни должен как минимум вызывать любопытство. Также отмечу, что в самой статье не приводится ни истории возникновения рассматриваемого термина, ни попыток теоретически обосновать его использование (Демидченко, 2015).

В ряде учебных пособий, целиком посвященных предмету «политических технологий», приходится сталкиваться с проблемой слишком обширных дефиниций. Так, в учебнике Т. Гринберг (2012, с. 28) политические технологии определены как «система последовательных целенаправленных действий, ориентированных на достижение заданного политического результата». Замечу, отдельно от *избирательных технологий* — «совокупности приемов и методов, направленных на оптимизацию достижения стратегических целей избирательной кампании». Происхождение этих определений и теоретическое обоснование их использования отсутствует. Приведенная дефиниция предлагается после введения «PR-технологий», «рекламных технологий» и «технологий коммуникации», никак не определенных автором.

Ставший классическим для программы подготовки российских политологов учебник Е. Малкина и Б. Сучкова (2006, с. 8) сохраняет

эту теоретическую брешь, однако авторы как минимум признают ее наличие: «Технологии реализации избирательных кампаний, партийного строительства и политических проектов сегодня в России принято называть политическими технологиями, а людей, профессионально специализирующихся в данной области, — политическими технологами. *Откровенно говоря, авторы предпочли бы “стать” “политическими консультантами”, а не “политтехнологами”* (курсив мой. — М. М.). Но поезд, похоже, уже ушел — “политтехнологии” и “политтехнологи” прочно вошли в российскую политическую, политологическую и журналистскую лексику. Причем вошли с устойчиво прилепившимися к ним эпитетами: если “политтехнологии”, то “грязные”, если “политтехнолог” — то обманщик». Несмотря на то что далее авторы анонсируют разработку собственной концепции «политических технологий», она ограничивается методическим набором рекомендаций, предлагающих принять по умолчанию, что политические технологии *есть* и с ними можно работать тем или иным образом. К управленческим частностям «политических технологий», с существованием которых предлагается по умолчанию смириться, сводится и значительная часть публикуемых по теме монографий.

191

В середине 2000-х упомянутый Малкиным и Сучковым «поезд» ушел настолько далеко, что этот термин начал встречаться в классификаторе ВАК. Благополучно пережив реформу 2022 года, «Политические институты, процессы, технологии» просто поменяли код с 23.00.02 на 5.5.2. Такая номенклатурная связка фактически контрабандным путем пронесла «политические технологии» как научную категорию через два десятилетия. Если есть внушительный корпус текстов про «политические институты» и «политические процессы», то и «политические технологии» уже самим фактом присутствия в классификаторе заявляют о сопоставимом уровне научной рефлексии вокруг этого понятия.

Можем ли мы вообще установить авторство претендующих на концептуальность терминов, прижившихся в российской политологии, или ее язык начал существовать сам по себе, в отрыве от дискуссий в научных журналах? Точно можно сказать, что этот язык технократичен и склонен описывать каждое общественное событие через термины политических, рекламных, медийных и т.д. «технологий», за которыми стоит чья-то политическая воля.

В интервью председателя Комитета по политическим технологиям РАСО Е. Минченко, взятом на фоне кризиса в Белоруссии 2020 года, есть одно из таких замечательных в своей наглядности высказываний: «В объединенном штабе работают очень хорошие технологии. Организация протестов — в американском стиле. И технологии мобилизации через соцсети и мессенджеры — тоже американские.

Видна хорошая технологическая подготовка. Если и есть там какие-то технологи, то они не из России, а с Запада. Прямо скажем, с другой стороны» (Непогодин, 2020).

Тем удивительнее, что в западной литературе нет ни «политтехнологий», ни «политтехнологов»: авторов, рассматривающих влияние техники и политики друг на друга на Западе действительно много, но шанс встретить вариант «political technologies» есть только в переводных статьях отечественного происхождения. Что не мешает Минченко, одному из наиболее авторитетных и известных политконсультантов в России, выделять некие специфические американские технологии работы с общественным мнением, закрытые для непосвященных, которые способны мобилизовать целую нацию и чье происхождение «точно не из России».

Итак, на примере «политических технологий» мы имеем выражение, имеющее формальные признаки научной категории, такие как закрепленность в научной номенклатуре и постоянное использование в экспертной среде в качестве средства описания политической реальности. В то же время термин не имеет ни достаточно четкой и однозначной дефиниции, ни серьезной теоретической базы. В рамках настоящей статьи я попытаюсь восстановить обстоятельства, при которых «политические технологии» вошли в язык политических экспертов, а также определить, во-первых, что обусловило его популярность как языкового средства, во-вторых — что необходимо сделать, чтобы сохранить или отказаться от его использования в качестве научного термина. Таким образом, в рамках текста данной статьи я всего лишь попытаюсь показать, насколько проблемной является методологическая неопределенность вокруг этого понятия.

192

Технократическая метафора

При всей туманности понятия «политических технологий» и всех претензиях «политтехнологов» на некое особенное цеховое понимание ткани общественной жизни, сложно отрицать, что это как минимум хорошая метафора. В пользу метафорической успешности этого словосочетания говорит его живучесть в русском политическом и политологическом языке в целом, а также первый опыт использования. По версии «Словаря современного жаргона российских политиков и журналистов» (Моченов, 2003), впервые термин появился в СМИ в 1994 году — в цитате В. С. Черномырдина о «методах политической технологии проведения реформ». Но закрепится в языке он два года спустя — в качестве метафорического именованья менеджеров президентской кампании 1996 года в «Независимой» и «Общей» газетах «политтехнологами». Предположительно,

журналисты пытались подобрать аналог термину из американской электоральной жизни — *political strategist*, достаточно точно отражающему должность И. Малашенко в штабе президентской кампании Б. Ельцина.

Под технократической метафорой, к которой и относятся «политические технологии», я буду понимать все варианты употребления словосочетаний, переносящих явления из сферы техники в сферу политики. Такое наименование класса метафор, к которым можно отнести и ряд близких по смыслу выражений, например, «социальная инженерия», «общественный механизм» и др., кажется мне удачным. Во-первых, потому что оно само совмещает в себе домены власти и техники: *téchνη* + *κράτος*. Во-вторых, потому что имеет устоявшееся в литературе определение, о чем будет сказано чуть более подробно в следующем разделе.

В свою очередь, механизм, за счет которого осуществляется перенос явлений из одного домена в другой, в общих чертах излагается в теории когнитивной метафоры. Резкий рост влияния этого направления получило имя когнитивного поворота и привело к возникновению когнитологии, или, в более привычном виде для отечественной литературы — когнитивной науки, исследующей процессы, формирующие наше восприятие, способы категоризации и классификации окружающего нас мира, а также системы передачи и хранения знания. Соответственно, когнитивная лингвистика есть направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» (Демьянков, 1994, с. 304). Метафора выходит на первый план в научных изысканиях когнитивных лингвистов: она заявляется как способ категоризации и концептуализации знания (Рикер, 1990), через которые мы оцениваем и объясняем себе окружающий нас мир, как проявление возможностей человеческого разума к проведению аналогий.

В 1960-е на политическое измерение метафор обратил внимание М. Осборн (Osborn, 1967), что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры. Эволюция использования когнитивных метафор рассматривается Дж. Джейнсом через их анализ в письменных источниках разных эпох (Jaunes, 1976, p. 50). Джейнс утверждает, что любое понимание окружающих нас явлений зависит от того, способны ли мы подобрать подходящую метафору для его описания.

В совместной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» теория метафоры обретает системность со специфической когнитивной механикой. Так, метафоричным оказывается не только язык, но и сам мыслительный процесс: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф, 2004, с.

25). Лакофф подчеркивает, что метафоры «санкционируют те или иные действия, подтверждают выводы и помогают устанавливать цели». Позднее Лакофф введет различие концептуальной метафоры и простого метафорического выражения. Так, он утверждает, что локус, местоположение метафоры находится не в языке, а в мысли (Lakoff, 1993, p. 203). В предисловии к «Метафорам, которыми мы живем» А. Баранов дает следующее изложение процесса метафоризации по Лакоффу: «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры “источника” (source domain) и когнитивной структуры “цели” (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит “метафорическая проекция” (metaphorical mapping) или “когнитивное отображение” (cognitive mapping)».

Источником материала, из которого выстраиваются эти структуры, является чувственный опыт. Метафорическая проекция может включать в себя не только перенос свойств одного объекта на другой, но и проекцию целых структур внутри доменов источника и цели. Лакофф приходит к идее, что такая проекция может воспроизводить структуру источника в структуре цели, что получило название «гипотезы инвариантности» (Lakoff, 1990, p. 54).

194

В «Метафорах, которыми мы живем» Лакофф предлагает классификацию метафорических проекций, разделив их на структурные, онтологические и ориентационные. Самыми простыми оказываются ориентационные метафоры, оперирующие понятиями «верх-низ», онтологические метафоры основываются на «регулярных (systematic) корреляциях, возникающих в опыте человека (поле зрения — это вместилище)». Наконец, как следует из названия, в структурных метафорах когнитивное картирование сферы-цели происходит за счет сферы-источника (Lakoff, 1993, p. 210). Стоит отметить, что воспроизведение таких структур сильно зависит от культурного контекста, в котором производится метафорическая концептуализация, от культурной парадигмы, в которой находятся носители языка.

В отечественных исследованиях политических наук представлено множество работ, посвященных возможностям концептуальных метафор в объяснении российской политической культуры. В 1990-е гг. существовал проект «Словаря русских политических метафор», закончившийся одноименной публикацией Баранова и Караулова (1994). Среди более поздних работ А. Баранова интересен, к примеру, разбор русского восприятия коррупции (2004).

Одна из недавних попыток более глубокого, онтологического объяснения природы метафор была предпринята Грэмом Харманом (2018). Как утверждает Харман, чтобы метафора сработала, букваль-

ной основой сравнения двух терминов следует пренебречь, иначе у нас будет настолько же буквальное утверждение. Как только это сделано, в случае удачной метафоры мы буквально создаем в себе новую модель восприятия, которая как-то сочетает в себе характеристики из обоих доменов. Разбирая метафоры из лирики Ортеги-и-Гассета и работ Гуссерля, Харман выводит определение четвероякого объекта, одного из центральных понятий для объектно-ориентированной онтологии, но в рамках настоящей статьи нас больше интересуют его выводы (Harman, 2018, p. 86) о природе метафоры, а именно следующие три:

1. Метафоры асимметричны.
2. Объектом метафорической работы являемся мы сами. Без активной работы по переносу свойств с объекта на объект никакой метафоры не произойдет. Любопытны и причины, по которым метафора не будет работать: среди них Харман выделяет низкое качество метафоры, глупость читателя и отсутствие внимания, — успех метафоры возможен только тогда, когда читатель или слушатель искренне готов ее прочувствовать.
3. Метафора — это акт соединения, а не разъединения, в результате чего фактически возникает новый объект.

195

Объясню это на рассматриваемом примере «политической технологии». Во-первых, грамматически очевидно, что объектом здесь является «технология», а «политическая» именно что переносит на него определенный набор качеств.

Во-вторых, «политическая технология» существует помимо любой попытки ее точного определения, продолжая жить в качестве метафорического объекта. Мы можем встретить это словосочетание в контексте стандартных практик политического менеджмента: открытие избирательного штаба, выпуск агитационных материалов, сопровождение политической деятельности в СМИ. Политические технологии нередко являются обозначением как юридически, так и этически сомнительных практик манипулирования общественным мнением. Под ними могут пониматься приемы, характерные исключительно для политической сферы: электоральных процессов, политического протеста и законодательной деятельности. Наконец, это может быть чисто технологическое использование разного рода современных ноу-хау в политических целях: от социальных сетей и новых медиа до больших данных и искусственного интеллекта. В каждом из перечисленных случаев мы будем говорить о существенно *разных политических технологиях*, не связанных ничем, кроме общего метафорического объекта.

Наконец, в-третьих, его существование в этом качестве поддерживает сам пользователь метафоры. Однако метафора не смогла бы

настолько хорошо укорениться в политическом жаргоне, если бы у отечественного читателя не было требуемой Харманом и Лакоффом готовности к ее восприятию — как внутренней, так и определенной внешними условиями культурно-языковой среды, в которой метафора применяется.

Тем не менее все перечисленные требования относятся к *просто хорошим метафорам*. Чтобы метафора могла закрепиться в качестве научного концепта, она должна отвечать ряду дополнительных условий. Если обобщить критерии, выдвинутые Дж. Лакоффом в работах 1980–90-х годов, использование метафор в науке должно отличаться:

1. Продуктивностью. Метафора должна быть способна генерировать новые гипотезы, предсказания или интерпретации, а не просто служить украшением языка. Лакофф подчеркивает, что хорошая метафора в науке расширяет понимание явления и помогает строить теории.
2. Системностью. Метафоры должны быть внутренне согласованными и работать как часть большей концептуальной системы.
3. Осознание ограничений со стороны пользователя метафоры. Ученые должны понимать пределы применимости своих метафор, то есть осознавать, какие аспекты реальности они освещают. Стоит отметить, что игнорирование этих ограничений приводит к эффекту неконтролируемой экспансии — метафора заставляет то или иное понятие «жить своей жизнью» (Куракин, 2015). Соответственно, задачей теоретика является проведение научных рамок этой «жизни».
4. Метафоры в науке должны быть способны эволюционировать вместе с развитием знаний. Жесткая фиксация на одной метафоре может тормозить прогресс, если она перестает соответствовать новым данным.

Выполняются ли эти требования в случае синтаксической фигуры «политика — это технология»? Для начала стоит сделать оговорку, что под технологиями здесь понимается именно технология производственного процесса: «политические технологии» вошли в обиход вместе с профессией «политтехнолога», обозначая сферу его деятельности. То есть данную метафорическую конструкцию необходимо рассматривать в связке с близкородственной «политический консультант — это технолог». Причем «технолог» именно в российском понимании старшего технического специалиста на предприятии, что дает более ясное понимание, какие именно явления из домена техники переносятся на домен политики в рамках этой метафоры.

Итак, мы имеем метафору, которая уподобляет политический процесс техническому производству, а его администраторов — ин-

женерам-технологам (к слову, ранее упомянутый В. С. Черномырдин получил диплом инженера-технолога и некоторое время работал по специальности). В момент своего появления в газетах такое механистическое понимание нового для России 1990-х явления конкурентных предвыборных кампаний действительно кажется продуктивным, объясняя современные политические феномены через привычные для носителей языка категории. Этого оказалось достаточно, чтобы и «политтехнологи», и «политтехнологии» вошли в профессиональный сленг политических консультантов. Однако на этом ее продуктивность была исчерпана. Не появилось и более сложной системы связанных с «политическими технологиями» понятий, которые бы раскрывались в схожих терминах. Концепт «политических технологий» за 30 лет не смог преобразоваться в концепцию.

Отмечу, однако, что понятие продолжает эволюционировать, но не вслед за эпистемологическими вызовами развивающейся теории, а *вширь*. Рассмотренные нами ранее трактовки «политических технологий» настолько широки, что не вводят никаких смысловых ограничений для пользователя метафоры. Сегодня через «политические технологии» можно объяснить любые общественные явления как в России, так и за рубежом, чем активно пользуются эксперты и комментаторы, не сдерживаемые научными ограничениями, — в их устах технократическое описание политики стало собственным птичьим языком.

Таким образом, ни одно из условий, необходимых для превращения удачной в моменте метафоры в научную концепцию, не соблюдено — это все еще сленговое выражение. И тем не менее оно дано нам в номенклатурной реальности российской науки. Если оно закрепилось в языке политических аналитиков и названиях образовательных программ не научным путем, то каким?

197

Технооптимизм и технократичность мышления

Почему именно технологии? Откуда такая готовность к использованию технократических описаний российской политики? Вера в решающую и всеохватывающую роль науки и техники в качестве основы мировоззренческой позиции закрепилась в литературе под именем технооптимизма (Basiago, 1994). Само понятие технократии выросло из инженерной среды, уходя корнями (Maier, 1970) в теоретические построения Фредерика Тейлора — американского инженера, предложившего набор практик по оптимизации производственных процессов на американских предприятиях, причем не столько за счет введения новых технологий, сколько посредством реорганизации производственных отношений и предписаний сотрудникам,

каждый из которых должен быть на своем месте. Технологическое воплощение идей Тейлора в потоковом конвейерном производстве автомобилей станет одним из главных достижений Генри Форда.

Фактически первый в истории эпизод управленческого консалтинга стал привлекать внимание индустриальных и профсоюзных кругов, породив широкую общественную дискуссию. В свою очередь, первое использование термина «технократия» также принадлежит выходцу из технической сферы — калифорнийскому инженеру Уильяму Смитту (Smith, 1921). В том же году появился Технический альянс — группа единомышленников из Нью-Йорка во главе с еще одним инженером, Говардом Скоттом, стремившаяся поставить во главе общества технических специалистов, понимающих механику, лежащую внутри капиталистической системы.

В начале 1930-х технократический подход окончательно вышел за рамки чисто производственных вопросов, превратившись в полноценное общественное движение, призванное применить свои рационализаторские идеи для выхода из разразившегося экономического кризиса. Опору для своих взглядов на общество технократы искали в работах Эдварда Беллами (Макаров, 2015) и Торстейна Веблена (Stabile, 1987). Предлагаая решения, находящиеся за рамками партийных разногласий и отвергая марксистский взгляд на классовые противоречия, американские технократы 1930-х гг. стремились разработать альтернативу Новому курсу демократической администрации (Nelson, 1978). Тем не менее электорального успеха движение не добилося и к началу Второй мировой войны сошло на нет в качестве политического явления.

Однако если в США подобные проекты были своего рода веянием времени, эпизодическим течением внутри большой и, по существу, клерикальной американской традиции, за океаном они приняли по-настоящему всеохватывающий масштаб. В случае атеистической советской культуры и научно-образовательной политики в СССР технооптимизм, несомненно, стал одним из столпов, на котором строился весь советский проект. Буквалистская реализация принципов просвещения пронизывала все сферы жизни советских граждан, включая не только идеологическую работу, но и всю систему профессиональной ориентации. Перед популяризацией науки и технологий стояла задача не просто ликвидации безграмотности в условиях индустриализации и милитаризации экономики — необходимо было закрепить в массах суррогат религиозного мировоззрения, основанный на доведенном до крайности позитивизме.

Пропаганда научного миропонимания велась с первых лет советской власти, однако для нас было бы целесообразно сфокусировать внимание на поколении, к которому принадлежат специалисты, предложившие технократические метафоры в качестве концептов

для современной российской политики. Ограничим, таким образом, рассматриваемый период 60–80-ми гг. XX в.

Одной из основных институций, отвечавшей за популяризацию науки, было Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, с 1963 года — общество «Знание». В его функции входило проведение лекций, издание журналов и брошюр. Масштабы его деятельности поражают и сейчас: ежегодно «Знание» издавало порядка 750 наименований печатных материалов и затрагивало самые разные сферы современной науки и технологий, при этом тиражи на десятки миллионов копий были способны охватить каждую советскую семью из двух и более человек (Григорян, 2015). С 1956 года издавался рассчитанный на подростков журнал «Юный техник». В начале 1960-х гг. с добавлением развлекательных рубрик меняется концепция журнала «Наука и жизнь», переориентировавшегося на широкого читателя. Созданный как элемент просветительской политики по внедрению новых средств удобрений, журнал «Химия и жизнь» также к началу 1970-х гг. начинает адаптировать публикации под аудиторию всех возрастов. Стоит отметить, что научно-популярные журналы периода 70–80-х гг. не только транслировали содержательную часть актуальных научных открытий, но благодаря верстке и иллюстративным материалам надолго смогли закрепить в массовом восприятии эстетическое выражение советского технооптимизма. В целом, как отмечает Р. Абрамов (2013), названные издания вместе с такими журналами, как «Знание — сила», «Техника — молодежи» и др., сформировали номенклатуру научно-популярной периодики, сохранившуюся до 1991 года в относительно неизменном виде.

199

Добавим к этому деятельность «Центрнаучфильма», крупнейшего в Европе предприятия, производящего научную кинопродукцию; государственную монополию советского телевидения с такими программами, как «Очевидное — невероятное» и «Клуб кинопутешествий»; значение научной фантастики, в которой технологическая направленность произведений дополнялась социальными высказываниями, следуя доктрине И. Ефремова (1953).

Все это образует общий медийный фронт, под воздействием которого было воспитано несколько поколений советских граждан. В условиях настолько сильной целенаправленной идеологической обработки «технология» перестает быть понятием, которое бы требовало сколько-нибудь четкого определения. Теперь это интуитивно понятная через эстетически отрефлексированные образы иллюстративных материалов научно-популярных журналов и сюжеты кинематографа квазирелигиозная ценность. Именно ценностная составляющая позднесоветского отношения к технологиям делает культурно-языковой фон СССР *технократичным*: любые другие объ-

екты оказываются в подчиненном технологиям положении. В социальных науках, включая науки политические, эта суперпозитивистская установка привела к тому, что в 1990-е гг. эвристический потенциал технократических метафор и концептов принимался не столько за счет успехов наук естественных, сколько за счет веры в технологии как таковые.

Неудивительно, что на такой технооптимистической почве выросла целая философская школа — Московский методологический кружок Г. П. Щедровицкого. Поставив перед собой задачу разработки универсальных «технологий мышления» (Щедровицкий, 2018), он объединил многих видных интеллектуалов и общественных деятелей позднего СССР, благополучно пережил перестройку и распад Союза, и до сих пор имеет большое влияние в элитных кругах Российской Федерации. Последователи Щедровицкого, также известные как методологи, во многом обусловили возникновение феномена «молодых технократов» во власти в период президентства Д. А. Медведева и наверняка¹ имели непосредственное отношение к укоренению «политических технологий» в языке российской политологии.

200

Однако, на мой взгляд, достаточно признания Малкина и Сучкова: «поезд» в какой-то момент действительно «ушел», и российская политология была вынуждена кооптировать это понятие вслед за языком политических менеджеров. Практикоориентированность программ подготовки политических специалистов в России требует изучения живого опыта политконсультантов, которые не только говорят в технократических терминах, но и часто сами являются университетскими преподавателями. Фокус на конкретных результатах политического менеджмента увел на второй план вопросы о наименованиях и их фундаментальном содержании — для задач подготовки практикам от политики подойдет и профессиональный сленг. Но что остается делать теоретикам?

Проблемы составления картографии разногласий

Здесь мы подходим к главной проблеме, пока упомянутой лишь вскользь, — может ли использование технократических метафор дать нам более глубокое понимание политических процессов.

1 Ключевое в данном контексте слово на данный момент. Оправданна ли ставка на установление связи «политических технологий» с методологами и можно ли ее провести, не скатываясь в конспирологию, — отдельный и чрезвычайно интересный вопрос, пока не имеющий однозначного ответа.

Хотим мы того или нет, первое постсоветское поколение исследователей политической реальности в России, ощутившее на себе лишь отголосок советской редакции технооптимизма, вынуждено пользоваться доставшимися ему в наследство технократическими объяснительными моделями, пронизывающими язык российской политики.

Не стоило ли перед тем, как привлекать к описаниям политических явлений термины и смыслы из других областей знания (и жизни), задуматься, какой потенциал скрывает то или иное понятие и есть ли он в нем вообще: не обманываемся ли мы теперь эффектом понятности языка, на котором говорят отечественные политологи? Ревизионистская волна в социологии знания дошла до российских научных журналов слишком поздно, чтобы эти вопросы возникли перед российскими политологами вовремя, до того, как произошла фиксация технократических метафор в качестве считающихся рабочими научных концептов.

Инструменты для подобного исследования уже разработаны. В рамках одной из программ STS — картографии разногласий — ставится задача анализа процесса утверждения научных концептов. Так, итальянский исследователь Т. Вентурини (2018, с. 65) уподобляет этот процесс течению магмы: научный дискурс «разжижается» в момент столкновения основных имеющихся в нем точек зрения и «отвердевает», как только вокруг тех или иных понятий возникает консенсус. В духе акторно-сетевой теории Вентурини не ограничивает процесс производства научных фактов исключительно деятельностью ученых, подчеркивая социальный характер этого производства и участие в нем не-человеческих объектов. В то же время для науки такие консенсусы становятся «черными ящиками», сущностное содержание которых неразлично для научной оптики и принимается уже как некая теоретическая данность.

Картография разногласий требует от исследователя тщательно выстраивать сети сторонников, которых привлекают все участники полемики, — это не столько способ найти правую сторону в научных спорах, сколько выявить средства, за счет которых достигается победа того или иного концепта. Отсюда следует методологическая рекомендация не брать для анализа слишком большие споры и стараться ограничивать предметное поле не до конца «затвердевшими» решениями. В случае с технократическими метафорами, такими как «политическая технология», «социальная инженерия», «политик-технократ» и др., стоит задаться вопросом, стали ли они плодом предметной научной дискуссии вокруг их содержания или же они закрепились в политическом дискурсе России каким-то иным путем? Имела ли место эта дискуссия вообще? Если ответ отрицательный, под сомнение стоит поставить и само наличие такого кон-

сенсуса, когда у разных авторов в одних и тех же терминах проявляются слишком разные смыслы, а единственным, что удерживает подобные концепты от распада, окажется общий технократический фон метафор, из которых они возникли.

В таком случае для сохранения понятия «политических технологий» в науке потребуются провести концептуализацию заново и выполнить изложенные Лакоффом условия. Сторонникам технократических описаний политики необходимо сделать это понятие *продуктивным*: во-первых, доказать, что объяснение политики через технику вообще уместно в нынешних условиях; во-вторых, оторваться от уровня одних только «политических технологий», создав *систему* смежных понятий, которые были бы способны его поддерживать теоретически; наконец, потребуются осознать и артикулировать *ограничения* его объяснительных возможностей. В случае успеха этой работы «политические технологии» получают не-анонимного автора — в лице конкретного исследователя, исследовательского направления или института, представители которого могли бы контролировать его *эволюцию* в экспертной среде.

Заключение

Безусловно, текст настоящей работы задает больше вопросов, чем дает ответов, однако я и не ставил своей целью разрешить все накопившиеся за почти 30 лет методологические сложности вокруг понятия «политических технологий». Более того, ряд заключений, подающихся как самоочевидные, например, касательно технократичности языка российской политической аналитики, требует гораздо более серьезной доказательной базы. Рассмотрение даже сотни примеров высказываний ведущих политических консультантов в СМИ и telegram-каналах не избавило бы автора от обвинений в черри-пикинге — для этого бы потребовался всеобъемлющий анализ сотен источников за многолетний период времени. Эта работа выполнима, современные средства позволяют ее реализовать сравнительно быстро, однако масштаб подобного исследования требует отдельной публикации.

Таким образом, задачи, решаемые внутри данной статьи, оказываются весьма скромными — проблематизировать положение, сложившееся вокруг понятия «политических технологий», попытаться подобрать подходящий язык его описания и только лишь наметить дальнейшие пути работы с ним.

К чему они приведут? Не исключено, что «политические технологии» и другие схожие выражения окажутся не средством объяснения политической реальности, а напротив — способом сделать ее туманнее и недоступнее для обывателя. В таком случае придется

констатировать, что за удачной метафорой скрывается лишь претензия политконсультантов на некую цеховую демиургию, которая поддерживается мировоззренческими установками постсоветских элит.

Более позитивным сценарием стало бы выявление «подлинно политических технологий» как постоянно воспроизводимых практик в сфере политического, приводящих к одним и тем же результатам. Интуитивно к таким можно было бы отнести использование кандидатов-спойлеров на выборах, срыв слушаний законопроектов филибастерами в парламентах с жестким регламентом и другие подобные примеры, характерные исключительно для политической сферы жизни. Одним словом, все управленческие практики, отличающие политического консультанта от простого менеджера среднего звена.

Наконец, наиболее оптимистичным для отечественной академической мысли итогом было бы подведение реального эпистемологического фундамента под категорию «политических технологий». Однако подобный результат потребует куда более широкой и междисциплинарной дискуссии.

Список источников / References

203

Абрамов Р. Н. (2013). *Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики. Время вперед! Культурная политика в СССР*. ВШЭ. EDN: WXWNHH

— Abramov R. N. (2013) *Popularization of Science in the USSR as an Element of Cultural Policy. Time Forward! Cultural Policy in the USSR*. HSE. (in Russ.)

Баранов А. Н. (2004) Метафорические грани феномена коррупции. *Общественные науки и современность*, (2), с. 70–79. EDN: OWNMZZ

— Baranov A. N. (2004) Metaphoric Aspects of Corruption Phenomenon. *Social Sciences and Modernity*, (2), pp. 70–79. (in Russ.)

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. (1994) *Словарь русских политических метафор*. М.: Помовский и партнеры. EDN: RTAORH

— Baranov A. N., Karaulov Y. N. (1994) *Dictionary of Russian Political Metaphors*. Moscow: Pomovsky and Partners. (in Russ.)

Вахштайн В. С.* (2006) Джон Ло: социология между семиотикой и топологией. *Социологическое обозрение*, 5(1), с. 24–29. EDN: JWURND

— Vakhshayn V. S. (2006) John Law: Sociology Between Semiotics and Topology. *Russian Sociological Review*, 5(1), pp. 24–29. (in Russ.)

Вентурини Т. (2018) Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории. *Логос*, 5(126), с. 53–84. EDN: MFTMPB. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-53-81>

— Venturini T. (2018) Diving in magma: how to explore controversies using actor-network theory. *Logos*, 5(126), pp. 53–84. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-53-81>. (in Russ.)

Григорян Г. (2012) *Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР*. URL: <https://novznania.ru/2012/10/05/всесоюзное-общество-«знание»-как-ком/> (дата обращения: 26.02.2025)

— Grigoryan G. (2015) *All-Union Society "Znanie" as a Communicator for the Authorities and the Scientific Community of the USSR*. (in Russ.) URL: <https://novznania.ru/2012/10/05/всесоюзное-общество-«знание»-как-ком/>

Гринберг Т. Э. (2012) *Политические технологии: ПР и реклама: Учеб. пособие для студентов вузов*. М.: Аспект Пресс. EDN: SCHIEZ

— Grinberg T. E. (2012) *Political technologies*. Moscow: Aspect Press. (in Russ.)

Демидченко В. (2015) Понятие политических технологий: сущность, формы и виды. *Власть*, (12), с. 140–142. EDN: VDHFJJ

— Demidchenko V. (2015) Political technologies: nature, forms and types. *Power*, (12), pp. 140–142. (in Russ.)

Демьянков В. З. (1994) Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. *Вопросы языкознания*, 4, с. 17–33. EDN: SCKGRB

— Demyankov V. Z. (1994) Cognitive Linguistics as a Type of Interpretative Approach. *Linguistics Issues*, 4, pp. 17–33. (in Russ.)

Ефремов И. А. (1953) О широкой популяризации науки. *Литературная газета*, 23 марта. URL: <https://i-efremov.ru/Publicism/LG53-24march.htm> (дата обращения: 25.02.2025)

— Efremov I. A. (1953) On the Broad Popularization of Science. *Literaturnaya Gazeta*, March 24. (in Russ.) URL: <https://i-efremov.ru/Publicism/LG53-24march.htm>

Куракин Д. (2015) *Траектория, форма жизни и единство жизненного пути: к уточнению понятия траектории в поведенческих науках*. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190> (дата обращения: 27.06.2025).

— Kurakin D. (2015) *Trajectory, the Form of Life and the Unity of the Life Path: to Clarify the Concept of Trajectory in the Behavioral Sciences*. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/01/1096719190>. (in Russ.)

Лакофф Д., Джонсон М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС. EDN: QRAADX

— Lakoff D., Johnson M. (2004) *Metaphors We Live By*. Moscow: URSS. (in Russ.)

Латур Б. (2006) Надежды конструктивизма. В сборнике: Вахштайн В. С.* (ред.). *Социология вещей* (с. 365–389). Издательский дом «Территория будущего». EDN: TMXZDH

— Latour B. (2006) Hopes of Constructivism. In Vakhshstayn V. S. (Ed.). *Sociology of Things* (pp. 365–389). Territoriya budushchego. EDN: TMXZDH. (in Russ.)

Непогодин А. (2020) «Запад списал Лукашенко». После выборов Белоруссию ждут большие потрясения. Кто на самом деле готовит в стране переворот? URL: <https://lenta.ru/articles/2020/08/07/zhannadark/> (дата обращения: 27.02.2025)

— Nepogodin A. (2020) "The West Has Written Off Lukashenko" Belarus Faces Major Upheavals After the Elections. Who Is Really Preparing a Coup in the Country? URL: <https://lenta.ru/articles/2020/08/07/zhannadark/>

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Изд-во Института Гайдара. EDN: TNACHX

— Law J. (2015) *After Method: Mess and Social Science*. Moscow: Gaidar Institute Publishing. (in Russ.)

МакКормак Э. (1990) Когнитивная теория метафоры. В сборнике: Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. *Теория метафоры* (с. 358–386). М.: Прогресс. EDN: RATNEV

— McCormack E. (1990) Cognitive Theory of Metaphor. In Arutyunova N. D., Zhourinskaya M. A (Eds). *Theory of Metaphor* (pp. 358–386). Moscow: Progress. (in Russ.)

Малкин Е., Сучков Е. (2006) *Политические технологии*. М.: Русская панорама. EDN: QOFVRL

— Malkin E., Suhkov E. (2006) *Political technologies*. Moscow: Russkaya Panorama. (in Russ.)

Ортега-и-Гассет Х. (1991) *Эстетика. Философия культуры*. М.: Искусство.

— Ortega y Gasset J. (1991) *Aesthetics. Philosophy of Culture*. Moscow: Iskusstvo. (in Russ.)

Столярова О. Е. (2008) Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация. *Вопросы философии*, (12), с. 84–103. EDN: JUGPXH

— Stolyarova O. E. (2008) A. N. Whitehead's Relational Ontology and its Constructivist Interpretation. *Philosophy Issues*, (12), pp. 84–103. (in Russ.)

Рикер П. (1990) Когнитивная теория метафоры. В сборнике: Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. *Теория метафоры* (с. 358–386). М.: Прогресс. EDN: RATNEV

— Ricœur P. (1990) Living metaphor. In Arutyunova N. D., Zhourinskaya M. A (Eds). *Theory of Metaphor* (pp. 435–455). Moscow: Progress. (in Russ.)

Харман Г. (2017) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда. *Логос*, 27(3), с. 1–34. EDN: YMICDZ. doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32

— Harman G. (2017) Networks and Assemblages: Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and DeLanda. *Logos*, 27(3), pp. 1–34. doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32. (in Russ.)

Щедровицкий П. (2018) Программа работ для серии игр «Технологии мышления». *Материалы к программе разработки «Технологий мышления»*. CORVUS, с. 8–14. URL: <https://shchedrovitskiy.com/programma-rabot-dlya-serii-igr-technologii-myishleniya/> (дата обращения: 17.06.2025)

— Shchedrovitsky P. (2018) Work Program for the Series of Games “Thinking Technologies”. *Materials for the Development Program of “Thinking Technologies”*. CORVUS, pp. 8–14. (in Russ.) URL: <https://shchedrovitskiy.com/programma-rabot-dlya-serii-igr-technologii-myishleniya/>

Bloor D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*. Chicago University Press.

DeLanda M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Continuum. <https://doi.org/10.5040/9781350096769>

Harman G. (2018) *Object-oriented ontology: a new theory of everything*. Pelican Books.

Jaynes J. (1976) *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Houghton Mifflin.

Lakoff G. (1993) *The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>

Lakoff G. (1990) The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*, 1(1), pp. 39–74. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39>

Lakoff G. (1996) *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. University of Chicago Press. <http://dx.doi.org/10.7208/chicago/9780226471006.001.0001>

Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, 30(2), pp. 225–248. <https://doi.org/10.1086/421123>

Maier C. S. (1970) Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s. *Journal of Contemporary History*, 5(2), pp. 27–61. <https://doi.org/10.1177/002200947000500202>

McMullin E. (1984) The Rational and the Social in the History of Science. In: *Scientific Rationality: The Sociological Turn* (pp. 127–163). The University of Western Ontario Series in Philosophy of Science. https://doi.org/10.1007/978-94-015-7688-8_6

Smyth W. H. (1921) *Technocracy: First, Second and Third Series; Social Universals*. W. H. Smyth.

206

Stabile D. R. (1987) Veblen and the Political Economy of Technocracy: The Herald of Technological Revolution Developed an Ideology of “Scientific” Collectivism. *The American Journal of Economics and Sociology*, 46(1), 35–48. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1987.tb01756.x>

* Признан Минюстом РФ иноагентом.

Об авторе / About the author

Мозжухин Максим Павлович — магистр политических наук, аналитик исследовательской компании Russian Field. Москва. Научные интересы: социология науки, политическая социология, STS.

<https://orcid.org/0009-0007-7613-6675>. E-mail: lodgo@yandex.ru

Maksim P. Mozzhukhin — MA in Political Science, analyst at the research company Russian Field. Moscow. Research interests: sociology of science, political sociology, STS.

<https://orcid.org/0009-0007-7613-6675>. E-mail: lodgo@yandex.ru

Кризисы, изменения и трансформации

СТЕПАН В. КОЗЛОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва;

Московская Высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>

Рекомендация для цитирования:
Козлов С. В. (2025) Кризисы, изменения и трансформации. *Социология власти*, 37 (2): 207-213.
EDN:

For citation:
Kozlov S. V. (2025) Crises, Changes, and Transformations. *Sociology of Power*, 37 (2): 207-213.

Поступила в редакцию: 17.01.2025;
принята в печать: 10.03.2025
Received: 17.01.2025; Accepted:
10.03.2025

© Kozlov S. V., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Теория кризисов Пьера Бурдьё — пример незавершенного исследовательского изобретения. Наряду с общей теорией полей (Bourdieu 2022) и теорией изобретений (Козлов 2025, Arnholtz 2018) оно продолжает формировать наиболее абстрактные точки интереса за пределами тех областей рефлексивной социологии, которые можно отнести к «нормальной науке». Ответы на вопросы о кризисах, инвариантных законах полей и изобретениях намечены на уровне примеров, эвристик и теоретических обещаний рефлексивной социологии, но не до конца прояснены. Работа с этими понятиями, осевшими во франкоязычной традиции рецепции Бурдьё и не до конца «переведенными» в другие национальные контексты, — это вид академической инвестиции, для регулярного получения прибыли с которой необходимо постоянно реконструировать ключевые аргументы исследовательской программы, утверждая ее легитимность по отношению к консенсусу рецепции теоретика или теории. Задачу, которую ставит перед собой Жизель Сапиро в «Структурных кризисах...», можно описать именно так: сжато эксплицировать и доработать бурдьёвистскую теорию (по-

литических) кризисов и суммировать результаты исследований литературного поля Франции в годы Второй мировой войны, предпринятые Сапиро в рамках докторской диссертации под руководством Бурдые (Sapiró 2014). Другими примерами такого рода реконструкций могут служить парадигматические статьи Горского (Gorski 2013) и Стайнмец (Steinmetz 2011), описывающие варианты рефлексивной социологии, в которых ключевую роль играет не идея воспроизводства социальной структуры, а описание и анализ социальных изменений, разрывов и резких социальных трансформаций. Характерно, что для того, чтобы сделать реконструкцию непротиворечивой, необходимо обратиться к фигуре противника; врагом для этих авторов (точнее, для их версий рефлексивной социологии) во всех трех случаях становится Бурдые как теоретик структур, встреча с которым возможна в учебных пособиях, программах курсов и иных суммативных текстах, не относящихся напрямую к практике социологического исследования. Ключевая линия критики такой картины, по разным причинам ставшей центральной в англо-американской науке¹, заключается в том, она упускает из виду важные эвристические инструменты, обеспечивающие возможность анализа социальных трансформаций и изменений и исторически присутствовавшие в программе Бурдые с самого начала. При должном усердии можно было бы составить атлас подобных риторических стратегий управления *неопределенностью теоретика* (выраженной в степени согласия его идейных наследников в том, как выглядела его программа «на самом деле») и связать его с социальными траекториями ученых, говорящих о своих предшественниках, однако эта задача точно выходит за рамки предисловия к переводу. Вме-

1 Здесь было бы интеллектуальным преступлением не обратиться к уже упомянутой статье Горского (2013), в которой тот демонстрирует, как образ Бурдые как теоретика структур складывался в англо-американском (а значит — интернациональном) поле социологии благодаря неравномерной динамике переводов ключевых текстов: в первую очередь переведены (а значит — объективированы в виде силлабусов и учебных программ) были «теоретические» тексты вроде «Практического смысла», в то время как эмпирически насыщенные работы (такие как *Homo Academicus*) оказались представлены иностранным читателям позже, когда предварительный канон уже сложился. Можно предположить, что в каждом отдельном случае динамика рецепции теоретика-предшественника зависит от уже устоявшихся в национальных и дисциплинарных контекстах способов «делать теорию» и «делать исследования». Несмотря на кажущуюся банальность этого тезиса, если принять его всерьез, он многое меняет не только для переводчиков, но и для эпистемологов, проблематизируя возможность «очистки» теоретических выводов теоретика для их объективации в виде учебников, программ курсов и учебных планов.

сто этого можно задать уточняющий вопрос — какой Бурдьё реконструируется Жизель Сапиро в ее статье, с кем он борется и для чего?

Впервые описанная Бурдьё на материале событий мая 1968 года в пятой главе *Homo Academicus* (Бурдьё 2018) модель исследований социальных кризисов эвристик предполагает возможность исследования динамических механизмов, управляющих резкими социальными трансформациями и потрясениями. Легко понять, почему именно эта глава может выступить «недостающей массой» бурдьёвистской социологии трансформаций (с целью обосновать возможность анализа трансформаций, в пике ортодоксальному прочтению Бурдьё как теоретика воспроизводства, к ней обращаются все вышеперечисленные авторы): именно она представляет собой наиболее рафинированную попытку Бурдьё ответить на вопрос о том, по каким правилам протекает борьба в социальном мире, правила которого оказываются поставлены под вопрос.

Учитывая, что большая часть текстов тематического блока этого номера «Социологии власти» критически обращаются к интуициям *Homo Academicus*, было бы излишним еще раз излагать основные положения бурдьёвистской теории кризисов. Достаточно короткого перечисления. Социальный кризис, описанный Бурдьё, был опытом нарушения границ, разделявших регионы социального пространства. Характерная для такого рода ситуаций риторика «исторического момента» связана с постепенной (и частично управляемой) синхронизацией временных рядов отдельных полей между собой, которая в конечном счете приводит к предельной *политизации* публичной речи и включению все большего числа агентов в символические и материальные переговоры о будущем социального мира.

В случае мая-1968 и событий структурного распада литературного поля Франции во время Второй мировой войны ответ на вопрос о причинах кризиса заключается в обращении к понятию *гистерезиса*. Это бурдьёвистское понятие указывает на ситуации структурного «запаздывания» ожиданий агентов, возникающего во время резких трансформаций социальной структуры, ведущего к неверной оценке своих перспектив, разочарованию и обращению к основаниям социального порядка с целью их изменения, в виде этнографических сюжетов может быть обнаружено как в ранних алжирских исследованиях Бурдьё, описывающих французские интервенции в жизнь Кабилии (Bourdieu 1962), так и в более «классических» и «теоретических» текстах — *Практическом смысле* (Бурдьё 2001, с. 115–117) и *The Pascalian Meditations* (Bourdieu 2000, р. 160–161). Хотя термин *гистерезис* используется в «Структурных кризисах...» всего два раза, именно он выполняет функцию ключевой эвристики в этом тексте: Сапиро фокусируется на *разрывах механизмов воспроизводства* в качестве основной причины кризисных ситуаций. Из-за «запа-

здываний» часть агентов совершает *обращение* (*reconversion*), подобное академическому переходу самой Сапиро из философии в социологию (зеркально повторяющему путь Бурдье между дисциплинами), в то время другая часть попадет в социальное «нигде» и «никогда».

Хотя первая половина текста Сапиро представляет собой краткий реферат бурдьевистской теории кризисов, субстантивно в нем совершается шаг вперед: автор дорабатывает и переизобретает ряд тезисов Бурдье; это происходит во многом потому, что объект интерпретации не слишком последователен в терминах. Именно таким отношением к Бурдье — в режиме совместной работы по изобретению методов и понятий — можно объяснить создание Сапиро термина «фазовая гармонизация», описывающего структурное совпадение времен и повесток дня социальных полей, в обычном состоянии изолированных друг от друга институциональными и символическими барьерами (в схожей ситуации сам Бурдье использует термины «совпадение фаз» или «синхронизация» (Бурдье 2018, с. 333)). Так же в реконструкции Сапиро устранена двойственность роли политических организаций в ситуациях кризиса: у Бурдье, обладая частичной властью над процессом политизации, они часто оказываются бессильны в ситуации кризиса из-за столкновения с «перебежчиками», прошедшими в них школу, но встающих на сторону «стихийного» протеста в пику профсоюзам (Там же, с. 367) (это делает ситуации «спонтанных» социальных протестов еще более важными для исследователя). В свою очередь, модель Сапиро вменяет политическим организациям и коллективам власть над разворачиванием кризиса, в которой одну из центральных ролей играет не только способность к организации групп, но и риторика (см. заключение «Структурных кризисов...»). Такой продуктивно-легкомысленный подход в работе с теорией является одной из отличительный черт бурдьевистской традиции, в которой понятия могут быть описаны как мнемонические техники и способы фокусировки внимания исследователя в процессе полевой работы (подробнее см., например: (Mahar 1990)).

Центральная точка дополнения теории кризисов Бурдье, осуществляемой Сапиро, — понятие *аксиологических операторов*. Такого рода объекты — символические конструкторы, упрощающие социальный мир через производство *иерархии ценностей* (например, делая одну группу «благородной», а другую «нечистой»). Аксиологические операторы выполняют работу экономии символических усилий, придавая социальному миру, потерявшему определенность, локальную видимость порядка, связанного с ценностными характеристиками. Как продукты кризисной ситуации, аксиологические операторы *прагматически трансцендентны* границам отдельных полей и эффективны постольку, поскольку не принимают в расчет гра-

ницы, в обычной ситуации разделяющие регионы социального пространства. Можно предположить, что с их помощью осуществляются как интервенции в традиционно изолированные поля (как в случае вишистских моделей оправдания насилия в адрес *résistants* как «террористов» и «предателей»), так и координация коллективного мышления (к примеру, при «работе» термина «незаинтересованность» в трудах европейских интеллектуалов (Sapigo 2021)) или координации действий бюрократических групп и агентов в относительно стабильных состояниях социального универсума (как в случае понятий «научно-технический прогресс» и «всесторонне развитая личность» в 1960–1980-е, символически направлявших развитие «развитого социализма» в СССР (Бикбов 2014)). В этом смысле эвристический потенциал аксиологических операторов шире кризисных ситуаций (несмотря на то, что «Структурные кризисы...» фокусируются именно на них): локальные способы вменения ценностной иерархии *вполне определенному* социальному порядку еще предстоит описать¹.

«Структурные кризисы...» — текст, демонстрирующий² сближение преимущественно структуралистской бурдьевистской традиции с проблематикой публичных споров, потрясений и кризисной риторики, которая чаще становится предметом внимания направлений в социологии культуры, традиционно описываемых как враждебные рефлексивной социологии (см., например: (Alexander 1995, p. 128–212))³. Симптоматично, что одновременно с движением рефлексивной социологии в сторону анализа (культурных) аксиологических операторов отдельные проекты в культурсоциологии смещаются к анализу институциональных и структурных параметров культурных кризисов (Alexander 2018). Таким образом, «работа» этого текста идет в двух регистрах: в первом Жизель Сапиро уточняет и стабилизирует теорию кризисов как одну из базовых исследовательских моделей рефлексивной социологии, открытой проблеме неопределенных ситуаций и исследованию социальных изменений; во втором она осуществляет стратегическое сближение с другими моделями мышления о культуре без слияния с ними.

- 1 Пример решения этой задачи на материале публичных источников — проект «исторической социологии понятий» Александра Бикбова (Бикбов 2014).
- 2 Другой яркий пример — исследование пространственных различий, структурировавших развитие Тель-Авива Натаном Маромом (Marom 2014).
- 3 Несмотря на то что Сапиро эксплицитно уточняет, что своей действительностью аксиологические операторы обязаны структурному контексту, в котором они конструируются, используются и применяются. Иными словами, значимость их «работы» в символических столкновениях не должна быть спутана с «автономией культуры».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / References

Бикбов А. (2014). *Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательство Высшей школы экономики. EDN: VXAOKL

— Bikbov A. (2014). *Grammar of Order: A Historical Sociology of Concepts That Change Our Reality*. Moscow: HSE Publishing. (in Russ.)

Бурдьё П. (2001). *Практический смысл*. СПб.: Алетейя. EDN: QOGTMH

— Bourdieu P. (2001). *Practical meaning*. St. Petersburg: Aleteya. (in Russ.)

Бурдьё П. (2018). *Номо Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара. EDN: HDSZPD

— Bourdieu P. (2018). *Nomo Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (in Russ.)

Alexander J. C. (1995). *Fin de siècle social theory: Relativism, reduction, and the problem of reason*. London; New York: Verso.

Alexander J. C. (2018). The societalization of social problems: Church pedophilia, phone hacking, and the financial crisis. *American Sociological Review*, 83(6), pp. 1049–1078. <https://doi.org/10.1177/0003122418803376>

212 Arnholtz J. (2018). Tensions, actors, and inventions: Bourdieu's sociology of the state as an unfinished but promising research program. In T. Medvetz & J. J. Sallaz (Eds.), *The Oxford handbook of Pierre Bourdieu* (pp. 576–600). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199357192.013.27>

Bourdieu P. (1962). *The Algerians*. Boston: Beacon Press.

Bourdieu P. (2000). *Pascalian meditations*. Stanford: Stanford University Press.

Bourdieu P. (2022). *Microcosmes: Théories des champs*. Paris: Raisons d'agir.

Gorski P. S. (2013). Bourdieu as a theorist of change. In P. S. Gorski (Ed.), *Bourdieu and historical analysis* (pp. 1–15). Durham: Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822395430-001>

Mahar C. (1990). Pierre Bourdieu: The intellectual project. In R. Harker, C. Mahar, & C. Wilkes (Eds.), *An introduction to the work of Pierre Bourdieu* (pp. 26–57). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-21134-0_2

Marom N. (2014). Relating a city's history and geography with Bourdieu: One hundred years of spatial distinction in Tel Aviv. *International Journal of Urban and Regional Research*, 38(4), pp. 1344–1362. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12027>

Sapiro G. (2014). *The French writers' war, 1940–1953*. Durham and London: Duke University Press. <https://doi.org/10.1515/9780822395126>

Sapiro G. (2021). Against self-interest: The codification of „disinterestedness” as an axiological operator in religion, aesthetics, and the ethics of intellectual professions. In C. Zabel (Ed.), *Historicizing self-interest in the modern Atlantic world: A plea for ego?* (pp. 256–274). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003022749-15>

Steinmetz G. (2011). Bourdieu, historicity, and historical sociology. *Cultural Sociology*, 5(1), pp. 45–66. <https://doi.org/10.1177/1749975510389912>

Об авторе / About the author

Козлов Степан Викторович — MA in Sociology, аспирант ИОН РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, руководитель Лаборатории исследований социальных изменений Шанинки (ЛИСИ). Научные интересы: социология неопределенности, историческая социология техники, история катастроф.

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Stepan V. Kozlov — MA in Sociology, graduate student at ISS RANEPА, lecturer of the Social Sciences department of MSSES, head of Laboratory of Social Change Research of Shaninka (LSCR). Research interests: sociology of uncertainty, historical sociology of technology, history of catastrophes.

<https://orcid.org/0000-0002-1674-9310>. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Структурные кризисы против ситуаций (политических) кризисов: бурдьевистский подход¹

ЖИЗЕЛЬ САПИРО

Высшая школа социальных наук, Париж, Франция

<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

Рекомендация для цитирования:
Сапиро Ж. (2025) Структурные кризисы против ситуаций (политических) кризисов: бурдьевистский подход. *Социология власти*, 37 (2): 214-239.
EDN:

For citation:
Sapiro G. (2025) Structural Crises vs. Situations of (Political) Crisis: A Bourdieuan Approach. *Sociology of Power*, 37 (2): 214-239.

Поступила в редакцию: 15.01.2025;
принята в печать: 02.02.2025
Received: 15.01.2025; Accepted:
02.02.2025

© Sapiro G., 2025

*Резюме*²: Теория Бурдьё предлагает несколько понятий, которые могут быть использованы для анализа кризисов. В первой части этой статьи я описываю то, что Бурдьё называет «кризисами воспроизводства»: они разворачиваются на долго- или среднесрочных промежутках времени, но могут спровоцировать эндогенный политический кризис, как в случае событий мая 1968 года. Во второй части статьи я комбинирую теорию Бурдьё о государственной монополии на символическое насилие с понятиями «политизации» и «фазовой гармонизации», использованными им в анализе «критического момента» мая 1968 года, и применяю их для описания разных форм политических кризисов, вызванных экзогенными факторами — государственными переворотами, военной оккупацией или колониализмом, чтобы прояснить,

1 Перевод с английского Степана Козлова по изданию Gisèle Sapiro (2022) Structural crises vs. situations of (political) crisis. *Rassegna italiana di Sociologia*, LXIII (2), pp. 299-321. DOI: 10.1423/104930.halshs-03929328

2 Публикуется с любезного разрешения автора. — *Прим. пер.*

Я хотела бы поблагодарить Жерома Бурдьё, Алихана Месци и анонимных рецензентов за их полезные комментарии к этой статье, а также выразить свою благодарность Марине Уркуиди и Эллиоту Вейнингеру за стилистические правки. Эта статья была презентована мной на конференции “Pierre Bourdieu and history” в Оксфорде 22 апреля 2022 года.

как они могут влиять на индивидов, группы и поля. На примере поля французской литературы во время немецкой оккупации Франции я демонстрирую, как благодаря процессу политизации происходит фазовая гармонизация социального поля с полем политики. Различные типы описанных мной кризисов объединяет борьба за монополию на символическое насилие. Чтобы изучить такие символические столкновения, интенсифицирующиеся в ситуациях кризиса, в заключении статьи я предлагаю понятие *аксиологических операторов*.

Ключевые слова: кризис, теория полей, поле политики, политизация, символическое насилие

Structural Crises vs. Situations of (Political) Crisis: A Bourdieuan Approach

Gisèle Sapiro

École des Hautes Études en Sciences Sociales, Paris, France
<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

Abstract: Bourdieu's theory offers several concepts to analyze crises. In the first part of this article I study what Bourdieu calls « reproduction crises », which unfold on a long- or medium-term basis, but can provoke an endogenous political crisis, like that of May 68. In the second part, Bourdieu's theory of the state as monopolizing symbolic violence and the notions of « politicization » and « phase harmonization » he uses in his analysis of the May 68 “critical moment” are combined and applied to other types of political crisis, resulting from exogenous factors such as coup, war, military occupation, or colonialism, in order to understand how they affect individuals, groups and fields. The case of the French literary field during the German occupation serves as an example of the phase harmonization of a social field with the political field, through its politicization. Common to all these types of crises, beyond their differences, is the occurrence of ideological struggles around the monopoly of symbolic violence. In the conclusion, the concept of axiological operators is proposed to study those symbolic struggles that intensify in conjunctures of crisis.

215

Keywords: crisis, field theory, political field, politicization, symbolic violence

Понятие кризиса попало из медицины в общественный дискурс в XVII веке, но контроль за его использованием отсутствовал. В XIX веке оно распространилось на экономические теории, описывающие циклическую темпоральность (Rosier, 2003), а затем, на рубеже XX века, было перенесено в политическую, культурную и социальную сферы.

Этот трансфер изначально медицинского понятия сопровождался введением функционалистских и даже органицистских моделей, которые были плохо адаптированы для размышлений об обществе.

Сейчас понятие кризиса используется для описания самых разных явлений: революций, социальных движений (таких как события мая 1968 года), а также войн и насильственных смен режимов под воздействием таких внешних сил, как иностранная оккупация или государственный переворот. Конечно, с помощью этого понятия описываются и различные типы экономических кризисов: от «экзогенных причин» неоклассической экономической теории и марксистской концепции «кризисов перепроизводства» до «кризисов циклического роста». Понятие кризиса также применяется к конкретным областям жизни общества — таким как издательское дело или культура. Некоторые кризисы определяются как локальные, в то время как другие — как национальные, международные или глобальные. Общим для кризисов является то, что они бросают вызов существующему порядку и нарушают или даже разрушают устоявшиеся регулярности, тем самым препятствуя предсказанию будущего на основе прошлого.

216

Подход Бурдьё к кризисам обычно обсуждается на основе его анализа событий мая 68-го года в *Noto Academicus* и используется для изучения похожих случаев общественной мобилизации (Dobry, 1987; Gilcher-Holtey, 2008, 2021). Однако эта теория и ее понятия могут помочь нам с анализом других случаев социальных и политических кризисов, на которых я сосредоточусь здесь (оставив в стороне экономические и культурные кризисы). Сначала я обращусь к бурдьёвистскому понятию структурной трансформации, за которой следуют кризисы воспроизводства. Затем я рассмотрю такие последствия насильственных политических кризисов (*brutal political crises*), как государственные перевороты, войны и иностранная оккупация, которые отличаются от эндогенных трансформаций *longue durée* (больших длительностей¹). Хотя Бурдьё не анализировал такие кризисы — за исключением Алжира — я попытаюсь показать, что его теория символического насилия, а именно его определение государства как держателя монополии на символическое насилие, и набор понятий, который он разработал в своем исследовании мая 68-го года — *политизация, фазовая синхронизация*, — в сочетании с его теорией поля предоставляют эвристические инструменты и объяснительные рамки для их понимания.

1 *longue durée* (фр. «большая длительность») — понятие, введенное Ф. Броделем в рамках его исторического проекта, обозначающее историческое время, измеряемое столетиями и характеризующееся устойчивыми структурами (географическими, социальными, экономическими), в противовес краткосрочным событиям. Разработана в 1940-1950-х гг. как методологический ответ на традиционную событийную историографию, акцентируя внимание историка на анализе медленных трансформаций и социально-экономических циклов. — *Прим. пер.*

В своих лекциях о государстве Бурдьё добавляет к веберовскому определению государства как монополиста на физическое насилие также и монополию на насилие символическое, отмечая, что этого критерия достаточно для определения государства, так как символическое насилие легитимирует физическое (Bourdieu, 2012). Символическое насилие — это одна из форм «мягкого» насилия, в основе которой лежит согласие угнетенных групп, интериоризовавших принципы, согласно которым осуществляется угнетение, через образование и/или главенствующую идеологию. Государство производит таксономии и иерархии, а те интериоризируются индивидами, которыми оно управляет (включая тех, кто против него восстает). Можно дать такое определение политического кризиса: ситуация борьбы за монополию на символическое и физическое насилие.

В дифференцированных обществах поля имеют относительно автономный порядок, специфические логики функционирования и собственную темпоральность. По Бурдьё, кризисы (особенно политические) влекут за собой политизацию общества, что приводит к эффекту синхронизации до того автономных полей из-за их структурной гомологии. В свою очередь, это ведет к гармонизации их повесток дня («*phase harmonization*» в английском переводе *Homo Academicus*¹), пусть этот процесс и сопровождается специфическим преломлением их содержания в каждом отдельном поле.

217

Политизация является результатом неопределенности, порожденной кризисом, но процесс политизации, в свою очередь, порождает неопределенность. Эта неопределенность обусловлена перевертыванием «структуры объективных шансов», которая в обычных обстоятельствах позволяет индивидам предсказывать будущее и разрабатывать стратегии адаптации к кризису. Бурдьё называет такие конъюнктуры² «критическими моментами»: они прерывают

1 Термин «*phase harmonization*» не используется ни в английском переводе *Homo Academicus* 1988 года, ни во французском оригинале, где вместо этого используется конструкция «*comme mise en phase de différents champs*» (Bourdieu, 1984, p. 212). В русском переводе *Homo Academicus* используется следующая формулировка: «...каков специфический результат этой синхронизации различных полей, наделяющий историческое событие статусом эпохального и определяющий ситуацию общего кризиса как совпадение фаз различных полей?» *Homo Academicus* (Бурдьё П. *Homo academicus* / пер. с фр. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлева, Д. Ж. Кондова, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой и Н. В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018, С. 310). — Прим. пер.

2 Здесь и далее термин *conjuncture* в тексте Сапиро переводится как «конъюнктура» с учетом его значения как совокупности сложившихся условий. В цитируемых Сапиро фрагментах из Пьера Бурдьё вслед за русским переводом *Homo Academicus* (Бурдьё П. *Homo academicus...*) сохранен вариант

обычный опыт времени и на первый взгляд приостанавливают привычные агентам процессы воспроизводства, одновременно открывая новые возможности (Bourdieu, 1984).

Политолог Жак Лагура определил политизацию как «переквалификацию» различных видов социальной активности в политическую, проводимую индивидами, не являющимися профессиональными политиками. В то время как процесс автономизации политического поля стремится исключить непрофессионалов из политики (Bourdieu, 2000a), кризисные конъюнктуры способствуют интенсификации борьбы за само определение политики и границ политического поля, одновременно политизируя другие социальные поля. Ниже я продемонстрирую влияние такого эффекта политизации на социальные поля с помощью примера французского литературного поля времен немецкой оккупации и предложу подходящую аналитическую рамку. Этот пример можно рассматривать как идеально-типический случай политизации относительно автономных полей.

218 Как показал Бурдьё на примере мая 68-го года, кризисы воспроизводства могут привести к политическому кризису — социальному (революционному) движению или государственному перевороту. В свою очередь, социальные трансформации, вызванные внезапными кризисами — войной, оккупацией и колониализмом — и спровоцированные экзогенными причинами (военное вмешательство, политическое влияние), также происходят в соответствии с определенными логиками, которые более или менее предсказуемы в свете существовавших ранее социальной структуры и отношений власти внутри затронутого общества (или конкретных социальных полей). Граница между экзогенными и эндогенными факторами, конечно, нестабильна и связана с эффектами взаимозависимости (Zolberg, 1985). Тем не менее насильственные кризисы, в которых присутствует физическое насилие, все еще отличаются от кризисов *longue durée* из-за эффекта синхронизации и политизации. В случае колониализма, расположенного между этими двумя типами, кризис воспроизводства возвращается колонизатором. Общим для всех этих типов кризисов, несмотря на их различия, является возникновение идеологической борьбы. В заключении к этой статье я предлагаю понятие аксиологических операторов: оно позволяет описать символические столкновения, которые усиливаются в ситуациях кризиса.

«стечение обстоятельств», где раскрывается исходная амбивалентность французских терминов *conjoncture* (стечение обстоятельств) и *conjonction* (объединение), которые используются Бурдьё для описания кризисов: «Кризис как стечение обстоятельств (*conjoncture*), т.е. как соединение (*conjonction*) независимых каузальных серий...» (Там же. С. 334). — *Прим. пер.*

Кризисы воспроизводства

Структурный подход Бурдье и его исследования механизмов воспроизводства заставили его предпочесть термин «трансформация» понятию «изменения» при описании эволюции отдельных обществ. Этот подход отходит от событийной истории, с одной стороны, и от эволюционных нарративов — с другой (примерами которых является гегелевская философия истории и теории модернизации в социальных науках). Понятие трансформации подразумевает, что изменения происходят в рамках существующей структуры благодаря «процессам», которые разворачиваются в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Примерами таких «процессов» могут быть разделение труда, описанное Дюркгеймом, процесс рационализации Макса Вебера (связанный с возникновением капитализма) или цивилизационный процесс Норберта Элиаса. Структурный подход Бурдье, учитывающий инварианты и вариации (институциональные и категорийные) длительности и расколы, а также метаморфозы систем дифференциальных разрывов (неравное распределение видов капитала), лежит в основе его исторического взгляда на изменения.

Конатус Спинозы (тенденция к сохранению самого себя) не свойственен ни социальным, ни механическим структурам. Длительность не является результатом одной только структурной инерции институтов — «идеального самовоспроизводства» (Bourdieu, Passeron, 1971) — она обеспечивается реализацией стратегий воспроизводства социальными агентами, особенно теми, кто занимает доминирующие позиции в этих структурах и стремится увековечить свое доминирование, или реализацией стратегий активного сопротивления, используемыми, когда институты находятся под угрозой (Bourdieu, 2000a, p. 140, 144).

219

Разрыв предустановленной гармонии

В докапиталистических обществах, где механизмы воспроизводства не так институционализированы, как в капиталистических, и где виды капитала четко не дифференцированы, воспроизводство требует постоянных инвестиций семей в матримониальные, наследственные и образовательные стратегии, делающие возможным сохранение социальной структуры. Механизмы воспроизводства и связанные с ними стратегии находятся в центре постоянной, ожесточенной конкуренции и борьбы между группами или индивидами (включая конкуренцию внутри домашних групп).

Когда социальные структуры подвергаются значительным трансформациям, агентам требуется делать корректировки и иногда даже

осуществлять реконверсию¹ («reconversion» по-французски), которую не все из них готовы предпринять (готовность к использованию таких стратегий зависит от гибкости габитуса и его способности к адаптации). Главное в таких кризисах — разрыв «предустановленной гармонии» между инкорпорированными структурами (габитусом) и существующими объективными структурами, которые являются условием воспроизводства. Примером такого процесса может служить инерция габитуса кабийских и беарнских крестьян по отношению к капитализму, особенно в конфликте между их традиционным циклическим восприятием времени и современной линейной темпоральностью, или в их привязанности к таким бесценным ресурсам, как земля (Bourdieu, 1971). Гистерезис их габитуса вызывает кризис воспроизводства, в том числе в буквальном биологическом смысле, как показал Бурдьё в своем исследовании холостяков в провинции Беарн во Франции (Bourdieu, 2002).

Трансформация стратегий воспроизводства

220

Капитализм не является единственным фактором кризисов воспроизводства. Возникновение современного государства было связано с концентрацией и перераспределением различных видов капитала, что привело к «трансформации стратегий воспроизводства» (Bourdieu, 1994). Переход от династического государства к бюрократическому, который Бурдьё в деталях проанализировал в своих лекциях о государстве, включал в себя «процесс дефеодализации» и «денатурализацию» через разрушение естественных связей и семейных лояльностей. В свою очередь, это влекло за собой борьбу между двумя категориями агентов: с одной стороны, короля и его домочадцев, с другой — государственных служащих короля (Bourdieu, 2012). Эта трансформация привела к появлению «власти наследуемой и передаваемой по праву крови, т. е. основанной на естественных факторах (в виде дворянского титула), и власти достигнутой и пожизненной, основанной на “даре” и заслугах и гарантированной законом (в виде диплома)»² (Bourdieu, 1994). Эта

1 В современном французском языке наиболее частое употребление слова *reconversion* — *reconversion professionnelle*, что означает смену профессии, часто кардинальную, требующую серьезного переобучения и адаптации. Однако слово несет в себе более общую идею целенаправленной и стратегической смены функции или назначения. Оно может применяться к промышленным объектам (*reconversion industrielle* — перепрофилирование завода), военным базам или целым территориям. — Прим. пер.

2 Цит. по: Бурдьё П. (2005) Стратегии воспроизводства и способы господства (пер. с фр. Ю. В. Марковой). *Социология социального пространства*, под общ. ред.

трансформация заставила доминирующих агентов разрабатывать стратегии реконверсии, чтобы адаптироваться к новому режиму воспроизводства. Конкретным примером такого процесса может служить реконверсия земельной аристократии в государственную бюрократию в XIX веке в Германии.

Современное государство, однако, не является просто надстройкой производственных отношений, описанной теоретиками марксизма. Его трансформации вызваны борьбой между группами и фракциями. Юристы поддержали появление государства, узаконив его двойную монополизацию (в терминах Элиаса) налогов и инструментов принуждения (словами Чарльза Тилли). Схожим образом действия филантропов в период индустриализации в значительной степени поддержали переход от частной к общественной ответственности, процесс, который — в духе круговой, а не диалектической причинности — связан с развитием страхования, в том числе универсального государственного медицинского страхования и других институтов государства благосостояния (Bourdieu, 2012, p. 577).

С описанной выше трансформацией тесно связана смена прямого режима воспроизводства (контролируемого семьями, которые назначают своих наследников) на «опосредованный школами режим воспроизводства», в котором образовательные аттестаты, выдаваемые *grandes écoles* (французскими элитными школами), стали эквивалентом дворянского титула, так как они предоставляли право на доступ к одному из государственных органов («*corps*»), при этом маскируя механизмы воспроизводства, функционирующие в логике заслуг (Bourdieu, 1989, p. 406). Эта трансформация, требующая от семей разработки образовательных стратегий, вызвала социальное напряжение и противоречия в процессе воспроизводства, поскольку семьям пришлось жертвовать некоторыми наследниками — «неудачниками» («*ratés*»), которые затем были вынуждены переориентировать свои карьерные пути на «профессии-убежища» или на сферы, которые еще не были бюрократизированы, — в отличие от «дебютантов»¹, которым школа предоставила возможность социального восхождения (Ibid., p. 409–410). В то же время некоторые трансформации — такие как демократизация доступа к среднему и высшему образованию — обычно

Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии. С. 113. — *Прим. пер.*

- 1 *Débutants* — термин Бурдьё, обозначающий «новичков» в элитной образовательной системе Франции (*grandes écoles*), то есть студентов, которые впервые оказываются в замкнутом социальном и культурном пространстве высшего образования без наследственного культурного капитала и социальных связей, характерных для представителей элиты. — *Прим. пер.*

приводят к структурной транспозиции неравенств в системе (например, через создание оппозиции общих и профессиональных, с одной стороны, и технических колледжей — с другой), которые сохраняются в новых формах, становясь более явными в кризисных конъюнктурах перепроизводства дипломов при недостаточном количестве доступных позиций. Это противоречие, порождающее разрыв между субъективными ожиданиями и объективными шансами, вероятно, может вызвать кризис воспроизводства, который приведет если не к революциям, то по крайней мере к «критическим событиям», таким как май 1968 года.

Борьба внутри и между полей

222

В *Ното Academicus* Бурдьё определяет кризис как конъюнктуру, возникающую, возникающее из встречи независимых причинных рядов, столкновение которых порождает «событие». Эти независимые ряды — специфические логики различных полей, в которых борьба за сохранение или трансформацию отношений власти реализуется относительно автономно от социального пространства в целом. Трансформация этих отношений власти на среднесрочном масштабе встроена в процессы *longue durée*: например, в случаях дифференциации и автономизации полей после возникновения класса специалистов, претендующих на монополию в отдельной сфере деятельности (религия, право, искусство, литература, философия, медицина, наука и так далее) (Sapiró, 2019).

Хотя наиболее институционализованные среди этих полей (религия, право, медицина) сохраняют себя через механизмы воспроизводства — включая семейное воспроизводство в медицине и праве (Charle, 1994) — и кооптацию, наименее регулируемые (литература и искусство) эволюционировали через символические революции начиная с эпохи романтизма и демонстрируя постоянный кризис воспроизводства. Однако ни один из этих процессов не является линейным, и хотя Бурдьё анализировал условия, при которых литературное и художественное поля во Франции стали автономными (Bourdieu, 1992), он также описал, как издательское поле потеряло свою автономию от экономического поля в процессе его рационализации и концентрации в крупные конгломераты (Bourdieu, 1999). Я сама изучала потерю автономии французским литературным полем во время немецкой оккупации (Sapiró, 2014). Несмотря на различную степень их институционализации, структурная гомология между полями (оппозиция между доминирующими и подчиненными, между автономией и гетерономией), а также отношения власти между ними (политическое поле, как правило, доминирует) способствуют их гармонизации в критические моменты.

Кризисы также ставят под сомнение дисциплинарные и географические границы полей. К примеру, географические границы поля могут расширяться, по крайней мере частично, от национальных границ к транснациональным или региональным (или наоборот), как показала Паскаль Касанова в отношении поля литературы и Йохан Хейлброн для поля социальных наук (Casanova, 1999; Heilbron, 2013; см. также для анализа этих механизмов: Sapiro, 2018a).

Политические кризисы под давлением: войны, оккупации, колониализм

В своих работах об Алжире Бурдье упоминает, что капитализм был навязан традиционному алжирскому обществу колониальным давлением, а не эндогенными процессами развития, что, в свою очередь, усугубило отчуждение населения. Эти изменения достигли апогея в принудительном переселении крестьян в лагеря, что привело к кризису традиционного сельского хозяйства (Bourdieu, Sayad, 1964). В то время Бурдье еще не сформулировал адекватный набор концептуальных инструментов, которые бы подошли для описания политических кризисов, возникающих под давлением в результате вмешательства экзогенных сил (война, оккупация, колониализм) или в результате государственных переворотов.

223

Я попытаюсь показать, что такие глубокие политические кризисы характеризуются борьбой за монополию на символическое насилие, что подразумевает производство легитимных идентичностей, и объединю эту идею с концептами *фазовой гармонизации* и политизации, которые Бурдье использовал для описания политического кризиса мая 68-го года и которые могут быть распространены на другие типы политических кризисов, например, на столкновения за монополию на символическое насилие и их перевод в различные поля (политическое, религиозное, юридическое, административное, интеллектуальное, академическое), которые влекут за собой их политизацию и синхронизацию.

Здесь я, ради краткости, оставляю в стороне анализ революционных конъюнктур, который потребовал бы длительного обсуждения социологической литературы (от структурного функционализма до символического интеракционизма и теорий конфликта) и литературы по политическим наукам, которая была широко изучена Мишелем Добри (Dobry, 1987), частично опирающимся на Бурдье для критики теорий мобилизации ресурсов и разработки теории многосекторных кризисов. Но можно сказать, что революционные ситуации скорее являются следствием глубоких кризисов производства, приводящих к политическому кризису (*критическому моменту*), во время которого широкая мобилизация оказывается

успешной (хотя она может быть спровоцирована экзогенными факторами, такими как война и оккупация, как в случае с Парижской коммуной; в своей книге о революциях Теда Скочпол (Skocpol, 1979) описывает такие внешние факторы).

Борьба за монополию на символическое насилие

Политические кризисы влекут за собой процесс синхронизации и политизации, подчиняя все поля, включая экономическое, политическому полю и его структурным разломам. Однако синхронизация не является ни механическим и автоматическим процессом, ни органическим (подобно заражению); она опосредована индивидами и институтами и разворачивается во времени, создавая тем самым основу для сравнительных социологических исследований. Она также требует «перевода» политической повестки в различные сферы или культурные контексты. Этот «перевод» выполняется активистами и политическими организациями через процесс политизации, который предполагает четкое разделение на лагеря.

224

Вынуждая организовать все убеждения по отношению к занимаемой в определенном поле позиции и только к ней, кризис стремится заменить *делением* на отчетливо различающиеся *лагеря* (согласно логике гражданской войны) непрерывное распределение между двумя полюсами, а также все многочисленные и частично противоречивые принадлежности, которые позволяет совмещать пространственная и временная разделенность¹ (Bourdieu, 1984, p. 235).

Другой характеристикой политических кризисов является неопределенность, возникающая из-за того, что обычные социальные механизмы перестают функционировать предсказуемо. Используя метафоры астрофизики, Добри говорит о текучих конъюнктурах (*fluid conjunctures*) (Dobry, 1987).

Такие конъюнктуры открывают пророческим дискурсам возможность быть высказанными в публичном пространстве, как утверждает Бурдьё, используя концептуализацию пророческой речи Макса Вебера (Bourdieu, 1977). Пророческие дискурсы обращаются к прошлому, чтобы предсказать будущее скорее в эмоциональном, чем научном ключе (Weber, 1995, p. 320-325). Эти дискурсы не рождаются в момент кризиса; они существуют всегда, но именно в такие периоды выходят на первый план из-за неопределенности и непредсказуемости ближайшего будущего с точки зрения традиционных

1 Цит. по: Бурдьё П. *Homo academicus...* С. 346. — Прим. пер.

аналитических схем, что способствует релятивизации традиционных интеллектуальных авторитетов. Как поясняет Бурдьё:

<...> конституирующая сила (религиозного и политического) языка и схем восприятия и мышления, которые он обеспечивает, никогда не бывает яснее, чем в ситуациях кризиса: эти парадоксальные и экстраординарные ситуации требуют экстраординарного вида дискурса, способного поднять практические принципы этики до уровня явных принципов, порождающих (квази)систематические ответы и выражающих все неслыханные и неопишуемые характеристики ситуации, созданной кризисом (Bourdieu, 1991, p. 128-129).

Смесь неопределенности и политизации развивает восприимчивость к экстремальным дискурсам, жертвуя нюансированным анализом, и снимает цензуру в публичном пространстве. Даже если режим остается на месте, неопределенность вынуждает правительство разрабатывать нарративы — то, что Бурдьё называет «социодицеей» — чтобы объяснить нарушения привычного хода вещей и всплеск насилия в повседневной жизни. Самая распространенная социодицея, используемая для оправдания войн, — национализм. Андреас Виммер, основываясь на 484 случаях, показал, что национальное государство является формой правления, породившей наибольшее количество войн (Wimmer, 2013). Хотя он и не использует понятия Бурдьё, его размышления о роли этничности могут быть переосмыслены в терминах конкуренции за навязывание иерархии легитимных идентичностей. Он показывает, что этничность будет более политизирована и что этническое меньшинство сможет легче навязать свое правление в трех случаях:

225

1) в слабо централизованных государствах, обладающих ограниченной способностью распределять общественные блага, собирать налоги и контролировать политический процесс, как в Ираке Садама Хусейна;

2) в государствах, где власть разделена между различными этническими элитами, как в Ливане;

3) в национальных государствах, которые ранее управлялись империей и имеют слабо институционализированные отношения с политическим центром (например, в случае осетинских или абхазских сепаратистских движений, возникших после включения этих регионов в состав Грузии).

Во всех этих случаях борьба за монополию на физическое насилие поддерживается этнической идентификацией и борьбой за легитимные идентичности (как в религиозных войнах, которые иногда частично смешиваются с этническими, как в Ливане).

Империалистические и колониальные войны трансформируют оккупированные или колонизированные общества по-разному:

сохраняя их обычаи или приводя к принудительной (религиозной, языковой, культурной и/или экономической) реконверсии или даже к физическому истреблению (как в случае с гереро). Некоторые из этих вариантов описываются Джорджем Стайнмецем в его исследовании немецкой колониальной политики, в котором он использует бурдэвистское понятие поля. Он утверждает, что режим угнетения зависит от конкуренции между различными группами внутри правящей элиты и от различий в антропологических определениях колонизированного населения: культурный обмен и взаимное признание среди интеллектуалов преобладали в Циндао; в Самоа колониальные экономические предприниматели стремились вовлечь коренные народы в капиталистическую экономику; в Намибии командир колониальных сил генерал Лотар фон Тротта приказал истребить гереро ((Steinmetz, 2008), см. также о гереро: (Mamdani, 2001)). Хотя Стайнмец и не говорит о конструировании легитимных идентичностей, антропологические определения прямо связаны с этим процессом, лежат в основе логики символического насилия и, как мы видим, определяют параметры использования физического насилия против колонизируемого населения.

226

В своем исследовании массового истребления в современную эпоху Абрам Де Сваан (De Swaan, 2015) выделяет два необходимых, но не достаточных условия для асимметричного массового насилия против невооруженного населения и терпимости граждан к геноцидальным (или, скорее, демоцидальным¹) режимам: с одной стороны, существование механизмов дезидентификации и дегуманизации «отверженной» части населения, совмещенное с сильной идентификацией с доминирующей группой; с другой стороны, пространственная сегрегация — компартаментализация — целевой популяции (что применимо ко всем изученным им случаям, за исключением Руанды). Как и Стайнмец, Де Сваан не использует концепцию символического насилия Бурдье, но ясно, что процесс дегуманизации (уже проанализированный Купером (Kuper, 1981)) является частью процесса конструирования легитимных идентичностей государством, которое легитимизирует физическое насилие против «чужаков» (*out-group*) в смысле Мертона (Merton, 1948).

1 Демоцид (англ. democide) — термин, введенный американским политологом Р. Дж. Руммелом в работе *Death by Government* (1994) для обозначения умышленного уничтожения правительством невооруженного гражданского населения. Включает геноцид (уничтожение групп по этническому/религиозному признаку, политцид (убийства по политическим мотивам), массовые репрессии вне рамок военных действий. Сапиро использует этот термин как более точную альтернативу «геноциду». — *Прим. пер.*

Коллаборация и сопротивление

Все эти формы колониализма, империализма, военной оккупации и авторитарных режимов предлагают населению выбор между коллаборацией и сопротивлением¹. Коллаборация подразумевает принятие идеологического нарратива колонизатора, оккупанта или авторитарного режима или прагматическую со-настройку с ним (структурная коллаборация). Сопротивление, напротив, требует альтернативного нарратива, оправдывающего борьбу, — обычно в националистических или религиозных терминах, но зачастую и в терминах универсальных ценностей и прав человека, таких как «самоопределение» и «свобода». Эта борьба направлена против произвола чистого принуждения, навязываемого завоевателем (который может обладать собственной универсалистской *социодиджейей* — как в случае французской оккупации Германии после Революции, вызвавшей симпатии немецких интеллектуалов, которые видели в ней конституционный режим²). Борьба переводится во все социальные поля, начиная с юридического поля, которое вместе со СМИ и образованием имеет ключевое значение в борьбе за монополию на символическое насилие. Недавние исследования, использовавшие бурдьевиистскую теорию юридической власти, показали, что талибы в Афганистане выиграли не только за счет боевых действий, но и за счет восстановления традиционной шариатской правовой системы и опоры на бюрократию судей, обученных в религиозных школах в Пакистане (но при этом не автономных от правительства талибов), в то время как афганская правовая система была коррумпирована элитами и разрушена западными оккупационными силами (Baczko, 2021).

227

Эти кризисные конфигурации часто подразумевают изменение состава элит — увольнение государственных служащих и профессоров, запреты, наложенные на активистов и интеллектуалов, выступающих против новых лидеров — и их замену фракциями элит, выражающих лояльность новой власти. Новая власть создает

-
- 1 В таких кризисных ситуациях возможности «выхода» (Heilbron, 2013) ограничены изгнанием или молчанием — для тех, кто может себе это позволить (как в случае Роже Мартена дю Гара во время оккупации Франции). Те, кто не может себе это позволить, в таких ситуациях вынуждены прятаться. Как известно, понятие «внутренней эмиграции», использованное новеллистом Франком Тьессом в ответ на аргумент Томаса Манна о немецкой коллективной вине за военные преступления нацистов, амбивалентно (колеблется между сопротивлением и структурной коллаборацией) и противоречиво.
 - 2 Под «французской оккупацией Германии после Революции» имеется в виду период конца XVIII — начала XIX века, когда после Великой французской революции и в ходе Наполеоновских войн французские войска заняли ряд германских территорий, прежде всего на левом берегу Рейна. — *Прим. пер.*

систему вознаграждения для тех, кто присягает новой идеологии, одновременно проводя репрессии в адрес своих противников и внедряя системы контроля и цензуры дискурсов публичного пространства, что сокращает возможности для распространения нарративов, которые могли бы выступить альтернативой доминирующей идеологии, и, таким образом, способствует нормализации символического насилия (Kagabel, 1996). Парадигматический пример продвижения в качестве награды за идеологическую службу — случай немецкого социолога Рихарда Турнвальда, который, не сумев получить должность в Соединенных Штатах, стал теоретиком нацистской империи, внося вклад в ее «социодицею». Эта личная эволюция объясняется его стратегией в академическом поле: она привела Турнвальда от автономии к гетерономии (Steinmetz, 2010).

Автономия и гетерономия: пример литературного поля во время Второй мировой войны

228

В предыдущих исследованиях я изучала воздействие политического кризиса, связанного с поражением и немецкой оккупацией Франции во время Второй мировой войны, на французское литературное поле (Sapigo, 2013, 2014). Опыт оккупации был переведен в кризис национальной идентичности, который заставил французов выбирать между коллаборацией и сопротивлением, хотя я и показала, что существовали другие варианты. Потеря автономии (реализованная благодаря идеологическому контролю французской литературы, цензуры, репрессий и наград) в сочетании с синхронизацией и гармонизацией литературного поля с полем политическим заставляла писателей определять себя через отношение к кризисной ситуации, и таким образом политизировала все литературные вопросы, порождая эффекты, характерные для кризисных ситуаций.

Во-первых, кризис открыл поле для маргинальных агентов, активистов и партийных бюрократов, которые не обладали значимым специфическим для поля капиталом, но имели политический капитал, что дало им шанс выйти на передний план в условиях политизации; их можно было обнаружить на наиболее политизированных полюсах литературного поля, в частности, среди сторонников коллаборационизма, но также и в интеллектуальном сопротивлении (к примеру, среди некоторых коммунистов).

Во-вторых, что типично для ситуаций кризиса, «снятие табу», которые в обычной ситуации регулируют публичные дебаты, «дало повод открыто заявить о социальных притязаниях и даже импульсах, плохо скрываемых за видимостью политической универсали-

зации»¹ (Bourdieu, 1984, p. 299). Оккупация открыла дверь не только явно гетерономному дискурсу, который сводил литературное суждение к политическим, социальным, моральным и расовым критериям, но также и памфлетному стилю, оскорблениям, нападениям *ad hominem* и *стигматизирующим дискурсами*, «фреймирующим» группу «чужаков» (например, «евреев») и таким образом усиливающим процесс дегуманизации.

Несмотря на явно политический характер этих атак, бывших частью борьбы за монополию на символическое насилие, *перевод* политических вопросов при их попадании в литературное поле осуществлялся в манере, специфичной для поля литературы, таким образом подтверждая устойчивость его относительно автономных логик. Более того, коллаборационисты полагались на внешние силы для решения литературных разногласий и изменения внутренних для поля отношений власти: стратегия, явно отражающая гетерономную логику. Идеально-типический пример этой логики — попытка двух фашистских писателей, Роберта Бразийяка и Люсьена Ребате, добиться запрета романа «Фарисейка» католического писателя Франсуа Мориака, несмотря на то что он был разрешен немецкими оккупационными властями, а затем — их меры по бойкоту книги и организация ими пресс-кампании против автора. Несмотря на то что этот «перевод» был облегчен слабой институционализацией литературного поля и его предыдущей политизацией (начиная с «дела Дрейфуса» и до 1930-х годов (Charle, 1979; Sapiro 2018a)), этот процесс можно наблюдать — хотя и в более эвфемизированной манере — и в более институционализированных полях, таких как юридическое, о чем свидетельствует тот факт, что некоторые юристы и судьи присоединились к Сопротивлению (Israël, 2005)).

229

Такое нарушение правил автономии, направленное на изменение внутренних отношений власти, позволяет объяснить третий эффект, типичный для *фазовой гармонизации* литературного и политического поля, — реструктуризацию первого вокруг принципов, гомологичных тем, которые организуют последнее, что можно наблюдать и в других полях (интеллектуальном, академическом, правовом, художественном, музыкальном²) в тот же период, либо в литературных полях, существующих в рамках коммунистических политических режимов (Dragomir, 2007).

На момент иностранной оккупации литературное поле было разделено на различные политические лагеря и потому не смогло про-

1 Перевод по: Бурдьё П. *Ното academicus...* С. 337. — Прим. пер.

2 Без помощи теории полей историки наблюдают схожие деления в музыкальной и художественной средах (Bertrand Dorléac, 1993; Le Bail, 2016).

демонстрировать свою солидарность. Вскоре столкновения в этом поле приняли радикальные формы и проникли почти во все литературные институты; едва различимые во Французской академии с царящим в ней *esprit de corps*, они вызвали шумные расколы в академии Гонкура. Литературные институты были обязаны предоставить режиму Виши и оккупационным силам более или менее устойчивые гарантии своей лояльности в зависимости от их возраста, юридического статуса, престижа и собственных символических ставок; пока Французская академия, старейший официальный орган (*corps constitué*) французского государства, нуждалась лишь в своей собственной институциональной инерции — или *конатусе*, используя термин Спинозы, который вдохновил Бурдые ввести понятие инерции — чтобы продолжать «быть», Гонкуровская академия, «некоммерческая организация, служащая общественным интересам», основанная в 1904 году, была обязана символической властью медийному резонансу своей ежегодной награды, а значит, должна была адаптироваться к доминирующей идеологии, чтобы продолжать «существовать» (в 1941 году награда была присуждена Анри Пурра, чьи труды воплощали идеологию «возврата к земле»¹ режима Виши).

230

Кризис по-разному повлиял на отдельных людей и институты в зависимости от их социального положения; наиболее уязвимые — евреи, иностранцы, коммунисты — те, кто был стигматизирован в соответствии с иерархией легитимных идентичностей или фреймирован как террорист в случае последних, оказались в составе самых уязвимых групп и были вынуждены замолкнуть или уйти в подполье, а многие из них были обречены на смерть, как писательница Ирен Немировски, еврейская иммигрантка из России, чья жизнь закончилась в 1942 году в Аушвице. Стигматизирующие дискурсы коллаборационистов и сторонников режима Виши помогли оправдать эти процедуры исключения и физическое насилие, включая случаи пыток и смерти. Например, лидер монархической лиги «Action française» Шарль Моррас, который был одним из советников маршала Петена, регулярно призывал в своей газете к немед-

1 Мифологема «возврата к земле» (*retour à la terre*) описывала традиционный крестьянский уклад как воплощение «подлинно французских» ценностей в вишистской Франции при переходе государственной политики от республиканской триады-лозунга *Liberté, égalité, fraternité* к идеологии Национальной революции «Труд, Семья, Отечество» (*Travail, Famille, Patrie*). Эта концепция противопоставляла «здоровую» и «чистую» сельскую Францию «испорченному» и «чуждому» городу, ассоциировалась с патриархальной семьёй, трудолюбием и моральной чистотой. Легко заметить, что разделения, которые создает эта идеологема, схватываются понятием аксиологических операторов Сапиро, которое та вводит ниже. — *Прим. пер.*

ленному расстрелу без суда голлистов и коммунистов-участников Сопротивления, боровшихся с оккупационными силами, — те были стигматизированы как «предатели» и «террористы» — а также к убийству заложников из их семей (Sapiro, 2020).

Несмотря на потерю автономии и *фазовую гармонизацию* с политическим полем, логика, согласно которой было реструктурировано литературное поле, имеет прямое отношение к его структурной истории. Как и в случае с университетскими факультетами в мае 1968 года (Bourdieu, 1984), выбор писателями политических предпочтений в значительной степени объясняется позициями, которые они занимали в литературном поле и его внутренней борьбе еще до поражения Франции. Следовательно, кризис также имеет разоблачающий эффект: он раскрывает структуру поля в том виде, в каком она существовала на момент возникновения кризиса. Подчинение экономического поля политическому полю подчеркивает склонность писателей, расположенных на полюсе массового производства, жертвовать правилом автономии искусства ради гетерономных логик — экономических, политических, медийных — и солидаризовываться с фракциями, обладающими, по Бурдьё, «временной властью» для защиты и восстановления социального порядка (так же как доминирующий полюс французского литературного поля защищал «национальные интересы» (*raison d'État*) во время «дела Дрейфуса»¹ (Charle, 1979)). Напротив, когда автономия литературного поля оказывается под угрозой, полюс мелкомасштабного производства раскрывает свой субверсивный потенциал.

231

Эта оппозиция уточняется на нескольких уровнях (особенно внутри институтов) и воплощается в борьбе, в которой сталкиваются различные концепции литературы и социальной роли писателя. Эти столкновения, раскрывающие сложное переплетение этических, эстетических и политических диспозиций, а также динамику коллективного назначения позиций (аннексия, стигматизация, маркировка, призывы к порядку), отсылают к структурной истории поля, как в случае «спора о дурных учителях», в ходе которого известных писателей и общественных интеллектуалов обвиняли в военном поражении Франции.

1 Как показал Кристоф Шарль (Charle, 1979), политический кризис, спровоцированный «делом Дрейфуса», политизировал и разделил литературное поле по линиям, которые могут быть наложены на структуру поля, обнажив оппозицию доминирующего полюса, олицетворяемого Французской академией, и угнетенным полюсом, представленным символистским авангардом. Группа писателей-натуралистов, занимавшая промежуточную позицию, следовательно, оказалась расколота. Интересно заметить, что литературное поле в то время столкнулось с кризисом, которым была охвачена книжная индустрия, что, вероятно, и послужило причиной внутреннего раскола поля.

Хотя кризис имеет разоблачающий эффект, он также имеет трансформативные эффекты и специфическую динамику. Одним из эффектов кризиса во время оккупации было ужесточение борьбы, структурирующей поле по оси автономии и гетерономии. В то время как в обычные времена *авангардисты* склонны бороться с теми, кто занимает доминирующее положение на автономном полюсе поля (группа, которую я называю *эстетамы*), этот кризис поспособствовал межпоколенческому альянсу между одними и другими. Гетерономные условия производства, нарушение норм литературных дискуссий коллаборационистскими интеллектуалами и их обращение к внелитературным силам для регулирования внутренних отношений власти способствовали объединению писателей оппозиции в борьбе за восстановление литературной автономии, которая слилась с идеологической борьбой против нацистских оккупантов и режима Виши.

Символическое объединение литературного поля, которое после поражения Франции было разделено на две зоны («свободную» и оккупированную), и «изгнанников», в первую очередь осуществлялось с помощью обхода цензуры через зашифрованный язык — «литературную контрабанду» — своего рода устройство, предполагавшее, что, к примеру, можно говорить о настоящем, используя события национального прошлого в качестве аллегории. Этот прием оказался быстро расшифрован посвященными агентами из противоположного лагеря и стал слишком рискованным уже к 1942 году, когда меры контроля над печатью ужесточились. В это же время началась подпольная литературная деятельность.

232

Она развивалась благодаря маловероятному альянсу, ставшему возможным в условиях кризиса. Это был союз писателей, находившихся на автономном полюсе литературного поля, но лишенных своих обычных каналов публикации, и подпольной Коммунистической партии, предложившей им материальные средства. Этот альянс связан с другим явлением, типичным для кризисных ситуаций, а именно с центральной ролью, которую политические аппараты играют в мобилизации оппозиции (Bourdieu, 1984, p. 247-248). Из-за общности литературных симпатий, разделяемых как коммунистами, так и некоммунистами, этот союз первоначально формировался людьми, принадлежащими обеим группам, — такими как поэты Арагон и Поль Элюар (который вступил во Французскую коммунистическую партию в 1942 году). Благодаря своему престижу они привлекли молодых «претендентов» или, если использовать словарь теории поля, «дебютантов». Подпольная вербовка в так называемой свободной южной зоне опиралась на литературные сети, которые после поражения Франции Арагон создал вокруг малых литературных журналов, где он разработал другое устройство — «поэтическую контрабанду».

Из этого альянса родилась новая организация: Национальный комитет писателей (CNE, или Comité National des Écrivains). Появление этой группировки — специфический эффект кризиса. Это плод, с одной стороны, неспособности традиционных институтов — Французской и Гонкуровской академий — защитить автономию литературного поля перед лицом предприятий по кооптации и присвоению их символического капитала; с другой стороны, это следствие возникновения пространства для маневра в реализации индивидуальных инициатив внутри политических организаций — в данном случае Коммунистической партии — характерного для *критических моментов*. Одновременно литературный и политический характер CNE делает ее типичной для *критического момента* организацией. Это также позволяет продемонстрировать, что в кризисных конъюнктурах в условиях потери автономии борьба за восстановление границ полей порождает новые формы зависимости от внелитературных (политических) сил — в данном случае подпольной Коммунистической партии — и, следовательно, новую угрозу гетерономии, что подтвердится в конечном итоге в послевоенный период.

Заключение: Роль аксиологических операторов в кризисах

233

Я описала два вида кризисов: кризисы воспроизводства, связанные со структурными трансформациями, происходящими в *longue durée* или в среднесрочной перспективе, и политические кризисы, вызванные переворотом или экзогенными факторами, такими как война, военная оккупация или колониализм, с последующим стремительным разрушением социального порядка. Оба вида могут быть проанализированы с помощью объяснительной рамки и эвристических инструментов, которые содержит теория Бурдьё.

В первом случае кризис возникает благодаря несоответствию между габитусом и социальной структурой и эффекта гистерезиса, из-за которого адаптация к новым условиям становится в разной степени сложной для разных социальных групп. Гистерезис может привести последние к различным видам стратегий, которые могут быть условно разделены на три идеальных типа:

- 1) фаталистическое принятие нового порядка и собственного *деклассирования*;
- 2) адаптация и *реклассирование* (*réclassement*), которые могут включать реконверсию;
- 3) коллективный отпор через политическую мобилизацию, которая может спровоцировать политический кризис, как в мае 1968-го (забастовки, восстания, бунты и даже революции).

Во втором случае внезапное изменение в структуре управления вызывает *политизацию* и *фазовую гармонизацию* социальных полей, продвигая группы, выражающие верность новым правящим силам, и исключая из общественного обсуждения оппонентов и стигматизированные группы (например, евреев в оккупированной Франции). Это гетерономное нарушение отношений власти внутри полей транслируется в форме, специфичной для каждого конкретного поля, как я показала на примере французского литературного поля во время немецкой оккупации. Обычно оно порождает сопротивление внутри автономных фракций, которое может принимать более или менее явно политизированную форму, влекущую за собой более или менее жестокие репрессии; многие из 2000 турецких академиков, подписавших петицию за мир, например, были осуждены за пропаганду терроризма, и некоторые из них были уволены с работы¹. Использование «законных» процедур и инструментов, адаптированных к политическим целям, выявляет как символическую власть закона, так и его произвольность (Bourdieu, 1986) и типично для новых правящих сил, нуждающихся в установлении господства не только через монополию на физическое насилие, но и через монополию на символическое насилие, способное «легитимировать» первое.

234

Борьба за монополию на символическое насилие проявляется в репродукции нарративов и пророчеств, типичном для кризисных конъюнктур — не только политических, но и экономических или культурных². Оно является следствием неопределенности будущего и попыткой установить или оспорить легитимность новой власти как таковой. В ходе борьбы в поле идеологического производства возникает вопрос о легитимном представлении и интерпретации кризиса; это заставляет агентов предлагать объяснительные рамки и денонсировать причины кризиса, при этом указывая на индивидов или группы, которым вменяется ответственность за возникновение кризиса, как в «споре о плохих учителях» в оккупированной Франции.

Кризисы воспроизводства также связаны с изменением отношений власти, сопровождающимся появлением нарративов и проро-

1 В январе 2016 года 1128 турецких и зарубежных ученых подписали петицию «Мы не будем соучастниками этого преступления» (*Bu Suça Ortak Olmayacağız*), осуждающую военные операции правительства в курдских регионах на юго-востоке Турции и призывающую к возобновлению мирного процесса. Документ, позже поддержанный более чем 2000 академиками, стал катализатором масштабных репрессий: власти обвинили подписантов в «террористической пропаганде», инициировали уголовные преследования, увольнения и дисциплинарные проверки. — *Прим. пер.*

2 Я предложила анализ того, как определяется культурный кризис, на конференции «Crises and cultures: the study of culture facing the challenges of a changing world» в Университете Софии 19 и 20 октября 2021 года.

чества, осуществляющих символическое насилие через оправдание маргинализации униженных групп, хотя более длительная временная рамка и отсутствие физического насилия делают эту борьбу за доминирующее видение мира менее концентрированной, менее гармонизированной в социальных полях и менее политизированной. Эти долгосрочные трансформации могут привести к фатализму «проигравших» и к индивидуальным или локальным формам сопротивления через инерцию и стратегии адаптации. Впрочем, в определенных конъюнктурах, как в случае мая 1968-го, кризис воспроизводства может обернуться политизированным восстанием благодаря участию политических организаций, и перевернуть иерархию легитимных идентичностей, меняя позиции ранее подавленных групп (рабочие, женщины, колонизированные или коренные народы; см., например: (Postero, 2017; Poureau, 2022)).

Для более детального изучения идеологической борьбы за легитимную интерпретацию кризиса и, в более общем виде, конкуренции за навязывание или оспаривание доминирующей картины мира, я предложила понятие *аксиологических операторов* (Sapiró, 2021). Я называю *аксиологическими операторами* понятия или выражения, такие как «прогресс», «модернизация», «свобода» и «права человека» или, наоборот, «традиция», «корни», «социальный порядок» и «цивилизация», которые описывают системы культурных оппозиций и одновременно указывают их значение и позицию в иерархии ценностей через пространственные указатели — в данном случае высокое и низкое — с моральной коннотацией достойного (*digne*) и недостойного (*indigne*). Эти понятия не функционируют как *аксиологические операторы* сами по себе; им придается конкретное значение в той идеологической рамке и в той социальной конфигурации, в которой они становятся ключевыми понятиями тех идеологий и связанных с ними нарративов, для которых они служат синекдохой. Они также эфемизируют и легитимизируют формы насилия, совершаемые от их имени: таким образом, они играют ключевую роль в «социодидее», как в случае понятия «цивилизации», использовавшегося для оправдания французского колониализма. Социальная эффективность таких операторов проистекает из их способности символически объединять системы классификации или гетерогенные типы иерархий в общем порядке ценностей и институтов. Такие общие принципы играют решающую роль в конструировании «причин» действий как универсальных, обороняя их от разоблачений как попыток защиты частных интересов группы (как это иллюстрируется в случае упреков в корпоративизме).

Следовательно, *аксиологические операторы* играют важную роль в символической борьбе, особенно в периоды социальных трансформаций, но они также являются постоянным объектом борьбы в «нормальные» времена: в таком случае борьба ведется за их определение и присвоение

внутри поля идеологического производства. Ситуации кризиса, или *критические моменты*, делают эту символическую борьбу более интенсивной, фокусированной, помещают в условия, в которых яснее проявляется ее идеологичность, способствуя распространению и переводу этих *аксиологических операторов* в разные поля, приводя к их *гармонизации* и *политизации*. В свою очередь, противники изменения властных отношений используют *аксиологические операторы*, чтобы противостоять нарративу, навязанному победителями; например, в оккупированной Франции, пока режим Виши и его идеологи квалифицировали членов Сопротивления как «предателей» и «террористов», таким образом оправдывая их убийство, Сопротивление представляло их как национальных героев, пожертвовавших своими жизнями для борьбы с оккупационными силами, и подпольная литература играла важную роль в этой символической борьбе (Sapigo, 2018b). Идеологическая борьба за фрейминг (в смысле Гофмана) кризиса использовала общий *аксиологический оператор* «национальный интерес», связывая его с другими *аксиологическими операторами*: «социальным порядком» и «авторитетом» со стороны режима Виши; «свободой» и «независимостью» со стороны *Сопротивления*. После войны коллаборационисты и сторонники будут описаны как «предатели» и подвергнуты судебному преследованию за преступление «разведки в пользу врага» (*intelligence avec l'ennemi*). Это лишь некоторые примеры. В каждой социокультурной и политической конфигурации релевантные *аксиологические операторы* — обычно в качестве таковых функционируют лишь несколько слов или понятий — должны быть определены, и должна быть исследована их идеологическая работа, особенно в вопросах интерпретации кризисов.

В фокусе этой статьи — кризисы воспроизводства и политические кризисы, которые объединяет с экономическими и культурными кризисами идеологическая борьба за установление доминирующей картины мира и интенсивное использование *аксиологических операторов* для легитимизации или оспаривания нового социального порядка и его символических иерархий. Понятие *аксиологических операторов* может оказаться полезным в рамках исследовательской программы Бурдьё: оно поможет описать борьбу за монополию на символическое насилие, достигающую своего пика в кризисных конъюнктурах и играющую свою роль в *гармонизации* и *политизации* социальных полей.

Список источников / References

- Baczko A. (2021) *La Guerre par le droit, Les tribunaux Taliban en Afghanistan*. Paris: CNRS Éditions.
- Bertrand Dorléac L. (1993) *L'Art de la défaite, 1940–1944*. Paris: Éditions du Seuil.

- Bourdieu P. (1977) *Algérie 60. Structures économiques et structures temporelles*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1971) Une interprétation de la théorie de la religion selon Max Weber. *Archives européennes de sociologie*, 12(1), pp. 3-21. <https://doi.org/10.1017/S0003975600002174>
- Bourdieu P. (1984) *Homo academicus*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1986) La force du droit. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 64, pp. 3-19. <https://doi.org/10.3406/arss.1986.2332>
- Bourdieu P. (1988) *Homo academicus*. Stanford, CA: Stanford University Press (or. ed. 1984).
- Bourdieu P. (1989) *La Noblesse d'État. Grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Edited by J. B. Thompson. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu P. (1992) *Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire*. Paris: Éditions du Seuil.
- Bourdieu P. (1994) Stratégies de reproduction et modes de domination. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 105, pp. 3-12. <https://doi.org/10.3406/arss.1994.3118>
- Bourdieu P. (1999) Une révolution conservatrice dans l'édition. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 126-127, pp. 3-28. <https://doi.org/10.3406/arss.1999.3278>
- Bourdieu P. (2000a) *Propos sur le champ politique*. Lyon: Presses universitaires de Lyon.
- Bourdieu P. (2000b) *Les Structures sociales de l'économie*. Paris: Éditions du Seuil.
- Bourdieu P. (2002) *Le Bal des célibataires. Crise de la société paysanne en Béarn*. Paris: Éditions du Seuil («Points»).
- Bourdieu P. (2012) *Sur l'État*. Cours au Collège de France, 1989-1992. Paris: Raisons d'agir/Éditions du Seuil.
- Bourdieu P. (2013) *Manet. Une révolution symbolique*. Cours au Collège de France, 1998-2000, suivis d'un manuscrit inachevé de Pierre et Marie-Claire Bourdieu. Paris: Raisons d'agir/Éditions du Seuil.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1971) *La Reproduction*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P., Sayad A. (1964) *Le Déracinement. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie*. Paris: Éditions de Minuit.
- Casanova P. (1999) *La République mondiale des lettres*. Paris: Éditions du Seuil.
- Charle C. (1979) *La crise littéraire à l'époque du naturalisme: roman, théâtre et politique*. Essai d'histoire sociale des groupes et des genres littéraires. Paris: Presses de l'École normale supérieure.
- Charle C. (1994) *La République des universitaires (1870-1940)*. Paris: Éditions du Seuil.
- De Swaan A. (2015) *The Killing Compartments: The Mentality of Mass Murder*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Dobry M. (1987) *Sociologie des crises politiques*. La dynamique des mobilisations multisectorielles. Paris: Presses de Sciences Po (2009 reprint).

Dragomir L. (2007) *L'Union des écrivains*. Une institution littéraire transnationale à l'Est : l'exemple roumain. Paris: Éditions Belin.

Gilcher-Holtey I. (2008) *Die 68er Bewegung*. Deutschland — Westeuropa — USA. München: C. H. Beck.

Gilcher-Holtey I. (2021) Le moment critique. *Revue française d'éthique appliquée*, 11(1), pp. 61-77. <https://doi.org/10.3917/rfeap.011.0061>

Gorski P. S. (2013) *Bourdieu and Historical Analysis*. Durham, NC: Duke Univ. Press. <https://doi.org/10.1215/9780822395430>

Heilbron J. (2013) The social sciences as an emerging global field. *Current Sociology*, 62(5), pp. 685-703. <https://doi.org/10.1177/0011392113499739>

Hirschmann A. (1970) *Exit, Voice and Loyalty*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Israël L. (2005) *Robes noires, années sombres*. Avocats et magistrats en Résistance pendant la Seconde Guerre mondiale. Paris: Éditions Fayard. <https://shs.cairn.info/revue-Annales-2008-5-page-XXIX?lang=fr>.

Karabel J. (1996) Towards a theory of intellectuals and politics. *Theory and Society*, 25, pp. 205-223. <https://doi.org/10.1007/bf00161141>

Kuper L. (1981) *Genocide: Its Political Use in the 20th Century*. New Haven: Yale Univ. Press. <https://shs.hal.science/halshs-02193536v1>

238 Le Bail K. (2016) *La Musique au pas*. Être musicien sous l'Occupation. Paris: CNRS Éditions.

Mamdani M. (2001) A Brief History of Genocide. *Transition*, 87, 26-47. <https://muse.jhu.edu/article/35092>.

Medvetz T., Sallaz J., eds. (2018) *The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu*. Oxford: Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199357192.001.0001>

Merton R. K. (1948) The Self-Fulfilling Prophecy. *The Antioch Review*, 8(2), pp. 193-210. <http://dx.doi.org/10.2307/4609267>

Postero N. (2017) *The Indigenous State: Race, Politics, and Performance in Plurinational Bolivia*. Oakland: Univ. of California Press.

Poupeau F. (2022) *Altiplano*. Fragments d'une révolution (Bolivie, 1999-2019). Paris: Raisons d'agir.

Rosier B. (2003) *Les Théories des crises économiques*. Paris: Éditions La Découverte.

Sapiro G. (2013) Structural History and Crisis Analysis: The Literary Field in France during the Second World War. In: Gorski P., ed. *Bourdieu and Historical Analysis*. Durham: Duke Univ. Press, pp. 266-285. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1168cx9.15>.

Sapiro G. (2014) *The French Writers' War (1940-1953)*. Durham: Duke Univ. Press (or. ed. 1999).

Sapiro G. (2018a) *Field Theory from a Transnational Perspective*. In: Medvetz T., Sallaz J., eds. *The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 161-182.

Sapiro G. (2018b) *Les Écrivains et la politique en France. De l'affaire Dreyfus à la Guerre d'Algérie*. Paris: Éditions du Seuil.

Sapiro G. (2019) *Rethinking the Concept of Autonomy for the Sociology of Symbolic Goods*. *Biens Symboliques / Symbolic Goods (Online)*, 4.

Sapiro G. (2020) *Des mots qui tuent*. La responsabilité de l'intellectuel en temps de crise

(1944-1945). Paris: Éditions du Seuil («Points»).

Sapiro G. (2021) *Against Self-interest: The codification of «disinterestedness» as an axiological operator in religion, aesthetics, and the ethics of intellectual professions*. In: Zabel C., ed. *Historicizing Self-Interest in the Modern Atlantic World. A Plea for Ego?* London: Routledge, pp. 241-260.

Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions a Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Steinmetz G. (2008) The Colonial State as a Social Field: Ethnographic Capital and Native Policy in the German Overseas Empire before 1914. *American Sociological Review*, 73(4), pp. 589-612. <https://doi.org/10.1177/000312240807300404>

Steinmetz G. (2010) La sociologie et l'empire: Richard Thurnwald et la question de l'autonomie scientifique. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 185, pp. 12-29. <https://doi.org/10.3917/arss.185.0012>

Weber M. (1995) *Économie et société*. Tome 1, Les catégories de la sociologie. Paris: Pocket («Agora») (or. ed. 1922).

Wimmer A. (2013) *Waves of War: Nationalism, State Formation, and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Zabel C., ed. (2021) *Historicizing Self-Interest in the Modern Atlantic World. A Plea for Ego?* London: Routledge.

Zolberg A. (1985) *L'influence des facteurs «externes» sur l'ordre politique*. In: *Traité de science politique*. Tome 1. La science politique, science sociale. L'ordre politique. Paris: Presses universitaires de France, pp. 567-598.

239

Об авторе / About the author

Сапиро Жизель — PhD, Высшая школа социальных наук; Национальный центр научных исследований (Европейский центр социологии и политических наук), Париж, Франция.

<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

Gisèle Sapiro — PhD, École des Hautes Études en Sciences Sociales; Centre National de la Recherche Scientifique (Centre Européen de sociologie et de science politique), Paris, France.

<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

О переводчике / About the translator

Перевод с английского Степана Козлова

Научный и общественно-политический журнал

СОЦИОЛОГИЯ

ВЛАСТИ

Том 37, № 2 (2025)

«НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ»

Дизайн Трушина Е. В.
Корректурa Крoль И. Е.
Верстка Меерсон А. В.

Учредитель:

Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492 (Print)

ISSN 2413-144X (Online)

119571, Россия, Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82
Редакция журнала «Социология власти»

<https://socofpower.ranepa.ru>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Цена свободная

Подписано в печать: 02.04.2025

Дата выхода в свет: 15.04.2025

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз.

1-ый завод (1-50 экз.)

Отпечатано в типографии ИД «ДЕЛО»

119571, Москва, пр-кт Вернадского, 82